

Aren

59956

SEARCHED
SERIALIZED
INDEXED
FILED
FBI - MEMPHIS
MAY 11 1968

1962

В. Нежинский

ПОД
БОЕВЫМИ
ЗНАМЕНАМИ

ОЧЕРКИ О ГЕРОЯХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ч Е Р К Е С С К — 1 9 6 2

ОТ АВТОРА

Бессмертные образцы отваги, мужества и самоотверженности проявили советские люди в годы Великой Отечественной войны. Поистине неисчислимы примеры массового героизма солдат, матросов и офицеров Вооруженных Сил СССР, безграничен их патриотизм, непоколебима верность делу Коммунистической партии Советского Союза.

Храбро сражались за любимую Родину и сыны многонациональной Карачаево-Черкесии. Более 12 тысяч воинов из Карачаево-Черкесии заслужили боевые награды, ряду из них присвоена высшая степень воинского отличия — звание Героя Советского Союза.

Многие наши земляки в кровопролитных боях с жестоким и сильным врагом, проявив высокое мужество и героизм, отдали жизнь во имя победы.

История Великой Отечественной войны только пишется. Долг каждого ее участника — внести в это благородное дело свой посильный вклад. Это поможет более полно восстановить суровую правду прошедших боевых лет, воскресить имена и подвиги многих героев, о которых сейчас или известно очень немногое, или же совсем ничего неизвестно.

Предлагаемая вниманию читателей книга очерков рассказывает о боевых делах Героев Советского Союза, живших до войны или живущих и поныне в Карачаево-Черкесии.

Очерки документальны. Они написаны на основании боевых и политических донесений, наградных листов, служебных характеристик и других армейских архивных документов.

Использованы также материалы периодической прессы времен Великой Отечественной войны, воспоминания, письма фронтовиков, военные мемуары.

Работа над очерками затруднялась тем, что после событий, о которых рассказывается в книге, прошло почти два десятилетия. Некоторые Герои Советского Союза, наши земляки, погибли в боях за Родину, другие выехали из пределов Карачаево-Черкесии и Ставропольского края. В связи с временной оккупацией области немецко-фашистскими войсками местные архивы документальными материалами тех лет, особенно военными, крайне бедны.

Пришлось заниматься и выявлением имен Героев, и кропотливым сбором данных о них. Неоценимую помощь оказали работники Отдела по награждениям и учету награжденных Генерального Штаба Министерства Обороны СССР, товарищи из военных архивов, других организаций, отдельные лица, которым автор выражает глубокую признательность.

Собирая материалы и работая над очерками, автор выполнял свой солдатский долг, прежде всего перед теми, кто прославил боевые знамена Советских Вооруженных Сил и в сражениях за свободу и независимость нашей Советской Родины пал смертью храбрых.

Кроме того, о боевых подвигах отцов и старших братьев хотелось рассказать нашей замечательной молодежи, которая горячо интересуется военной историей Отчизны, военной романтикой и в самоотверженности, мужестве Героев, их горячем патриотизме, стойкости перед лицом суровых испытаний ищет и находит пример для себя.

XXII съезд КПСС ознаменовал начало новой эры в истории человечества. В принятой съездом Программе партия провозгласила, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Теперь каждый понимает, что светлое завтра куется упорным трудом сегодня.

Чтобы осуществить великие планы партии по строительству коммунизма в СССР, нам нужен мир. Но пока существует империализм, пока поджигатели войны будут бряцать оружием, мы ни на минуту не можем забывать о бдительности.

«Партия воспитывает коммунистов, всех советских людей в духе постоянной готовности к защите социалистической Отчизны, любви к своей армии,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза.— Она будет всесторонне способствовать дальнейшему развитию деятельности общественных оборонных организаций. Защита отечества,

служба в Советских Вооруженных Силах — высокая и почетная обязанность советского гражданина».

Имена Героев Великой Отечественной войны будут жить в сердцах многих поколений. Нынешнее поколение придет с ними в коммунизм, а другие поколения пронесут сквозь века.

Большинство очерков расположены по датам Указов Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

В качестве справочного материала в конце книги даны краткие биографии Героев Советского Союза.

Иван Иванович
ЛОБОДИН

ПРОЛЕТАЛИ КОНИ ШЛЯХОМ КАМЕНИСТЫМ...

т. е. р. и. н.

Воинскому мастерству и солдатскому мужеству его учили Чапаев, Фурманов, Буденный. В огне гражданской войны, в боях с интервентами закалялось сердце простого саратовского парня Ивана Лободина, крепла вера в великое дело, за которое он сражался, становилась ясней и осознанней любовь к Родине.

Большую жизнь прожил Иван Иванович Лободин и закончил ее как герой. В минуту тяжелого испытания, зная, что погибнет, командир кавалерийского полка подполковник Лободин не дрогнул, спасая боевых друзей, мужественно, как и подобает солдату, принял смерть, изумив своей стойкостью и отвагой гитлеровцев.

Это случилось на четвертом месяце Великой Отечественной войны недалеко от Ростова...

* * *

Его призвали в армию в августе 1915 года. Вскоре артиллерийский фейерверкер Иван Лободин был отправлен на фронт. Часть, в которой он служил, удерживала позиции на участке между Ригой и Двинском. Было все, что обычно бывает на фронте: сырые окопы, свист снарядов, смерть товарищей, глубокие затяжки дымом от самокрутки, которая идет по кругу, щемящие сердце солдатские думы в часы фронтового затишья.

Карацеев, М. С. Яв
обл. арх. № 10
БИБЛИОТЕКА
ДЕПОЗИТАРИУМ
9

И вдруг... Оглушительнее фугасного взрыва по окопам прокатилась весть, что в Петрограде переворот, что царя уже нет. И вот тогда-то, после долгих горячих споров, выпрыгнул Лободин из окопа, отряхнулся, пошел на первый митинг.

...В прокуренных душных теплушках, на крышах вагонов, а то и пешком пробирался Иван в родные края, в Поволжье. Митинговал на вокзалах, стоял в очередях за кипятком, менял на толкучках запасные портянки и белье на хлеб и махорку.

Оружие — артиллерийский карабин — привез домой, смазал и припрятал. Хотя и не мог Иван до конца разобраться в событиях, но чувствовал, что пахнет грозой, будут еще бои и карабин пригодится.

Дома, в селе Старая Порубежка Пугачевского района, все было по-прежнему. Разве только отец, Иван Яковлевич, тоже недавно вернувшийся с фронта, приобрел лошадь, полоску земли и сразу будто подрос, распрямился, чувствуя себя чуть ли не ровней помещикам Арженову и Шабалову, у которых еще недавно батрачил вместе с сыном.

Но напрасно уговаривал отец сына стать на землю «двумя ногами». Хоть и соскучился Иван по работе, хоть и работал с какой-то жадностью, но сердцем к хозяйству не прирастал. Он вступил в красногвардейскую дружину ревкома, ни одного вечера не сидел дома, говорил непонятные для Ивана Яковлевича слова, вроде «эксплуатация», «диктатура пролетариата», и это злило отца. Стычки было не избежать. И она произошла на покосе в чудесный летний день 1918 года. Было тепло, но не жарко, ветерок приносил из рощи приятную прохладу. Небо было высокое, как будто полинявшее на солнце, и чистое.

Отец на возу укладывал сено, Иван подавал. Оба работали сосредоточенно, молча. И вдруг отец и сын застыли, подняли головы. В степи затрещало, словно кто-то за возом рванул коленкор, и на небе вскочили белые дымки — один, второй...

— Трехдюймовки, шрапнелью бьют...— сказал Иван, вынимая из копны вилы.

— Это твоим дружкам жару поддают,— отозвался отец с ехидцей в голосе.

— Кишка тонка у белых. Это их наши чешут!

— Вижу: пусто у тебя в голове,— отец принялся со злостью притаптывать сено.— Сидел бы дома, не связывался, а то...

Окончить фразу Иван Яковлевич не смог. Побледневший Иван швырнул вилы, поддел плечом воз, он затрепал, поднялся, покачнулся и полетел на бок. Пока отец, отплевываясь, выбирался из накрывшего его сена, Ивана и след простыл.

Ушел сын, прихватив карабин, в кавалерийский отряд Сурова, получил коня, буденновку, клинок, птицей взлетел в седло, подтянул поводья, и зазвенела земля под копытами...

Красногвардейский отряд Сурова после нескольких боев был переведен в состав действовавшей в Поволжье бригады Василия Ивановича Чапаева и развернут в кавполк.

Так Иван Лободин стал чапаевцем.

После боя под Самарой Василий Иванович подъехал к Лободину, отметил его храбрость и приказал назначить командиром взвода.

— Грамотешка-то у меня очень даже слабая,— понурился Лободин.

— А ты вой и учись! Учись сейчас, потом хуже будет, трудней. И весь взвод заставь учиться!— потребовал Чапаев, похлопав новоиспеченного командира по плечу. Затем вскочил в седло, обернулся и сказал:

— Не робей, земляк!

Вторая встреча произошла весной 1919 года. Кавалерийский полк, в котором Иван Лободин был уже помощником командира эскадрона, не раз отличался в боях. Когда Василий Иванович, вернувшись из Москвы, снова принял свою, уже преобразованную в дивизию бригаду и после смотра беседовал со «старичками», подошел, набравшись смелости, и Лободин. Чапаев отличался редкой памятью и узнал Лободина.

— А, земляк!— приветливо протянул Чапаев руку.— Жив, здоров? Ну, как жизнь? Воевать ты умеешь, а с грамотой как? Есть чем похвалиться?

Лободин ответил, что учится, но учиться трудно.

— А кто тебе говорил, что легко?— удивился Чапаев.— Было бы легко, все бы в инженеры подались фуражки с молоточками носить. Тяжело! А нужно! Сам, брат, знаю.

Василий Иванович только что вернулся из Академии Генерального штаба, откуда, попросту говоря, сбежал, пообещав на прощанье:

— Беляка добьем — приеду доучиваться. Сейчас моя академия — фронт. Но книжки, как и саблю, в руках держать буду крепко.

Были и еще встречи. Чапаев часто навещался в кавполк, подолгу беседовал с красноармейцами и командирами, нередко сам водил полк в атаку.

В чапаевской дивизии работали курсы ликбеза по программе, включавшей элементарную грамоту, географию, вопросы внутренней и международной политики и, конечно, тактику. Фактически это была военно-политическая школа, в которой, наряду с военной подготовкой, давались и другие знания, необходимые в то время красноармейцам как патроны и хлеб.

Приезжая в части, Чапаев придирчиво выпытывал, как идут дела в «полковых академиях», свирепо распекал командиров, равнодушно относящихся к учебе.

— Николашкино наследство! — шумел Чапаев в таких случаях. — Темноту бережешь, как девка приданое. Тебе попом быть, а не командиром!

Может быть, еще и потому навсегда запомнил Иван Лободин заботу своего незабываемого Чапая о грамоте для бойцов, что и ему, Лободину, водившему в бой эскадрон, учиться было тяжелей, чем бить врага.

После взятия Бугульмы, 20 мая 1919 года Иван Лободин был принят в члены Коммунистической партии как герой боев — без кандидатского стажа, по поручительству заместителя комиссара кавалерийского полка Звягинцева и секретаря партячейки Кузнецова. Партбилет ему вручал комиссар чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов.

Лободин часто говорил о Фурманове:

— Большого сердца человек. Сказал мне, что для коммуниста мало быть смелым командиром, нужно быть и политическим воспитателем. Посоветовал: «Отвоюемся, идите в военную школу». Узнав, что я в школе не учился, сказал: «Это беда поправимая, сейчас все впереди — и школы, и академии».

В чапаевской дивизии Иван Лободин за четыре года прошел большой боевой путь. Разгром Колчака, подавление контрреволюции на Южном Урале, тяжелое ранение под Лбищенском в сентябре 1919 года. Рана еще не зажила как следует, а Лободин снова на коне. Бои с белополяками, бандами Махно, Тютюнника...

— Шашки к бою! В атаку марш — ма-арш!

Широкоплечий командир, обнажив сверкающий клинок, скакал впереди эскадрона. Только пыль клубилась над шляхами...

Весной 1922 года контрреволюция на Украине была разгромлена. Вложены сабли в ножны, отпущены подпруги на боевых конях. Тогда-то Лободину и сказали:

— Ну, теперь пора по-настоящему взяться за учебу.

Попрощавшись с товарищами по оружию, Лободин отправился в Киев на Высшие военно-политические курсы. Отрывая уставшие глаза от книги, не раз он вспоминал Чапаева и Фурманова. И эти воспоминания помогали преодолевать трудности.

Незаметно пролетел год. На торжественном собрании начальник курсов поздравил слушателей с окончанием учебы, а потом сказал, что на Туркестанском фронте обстановка сложная и нашим войскам там нужны политработники, знающие мусульманские обычаи и языки.

— Прошу направить меня,— поднялся Лободин.— Я знаю татарский язык и татарские обычаи.

И снова фронт. Иван Лободин участвует в качестве инструктора в высокогорной Каратегинской экспедиции, работает на границе с Памиром военпредом при Оби-Гармском уездном ревкоме, помогает организовывать и укреплять Советскую власть в горах Таджикистана.

Бежавший за границу эмир бухарский и его покровители— английские империалисты — не жалели золота и оружия для поддержки узбекских, таджикских и туркменских феодалов. Шайки басмачей носились по Средней Азии, убивая, грабя, насилуя.

Курбаши — руководители басмаческих банд в Средней Азии — насчитывались десятками. Но одним из самых злобных был Ибрагимбек. Матерый бандит, получивший от эмира звание бека и должность «главнокомандующего армии Ислама», он внезапными налетами с территории Афганистана терроризировал народы Узбекистана и Таджикистана. Сподвижником Ибрагимбека был один из его главных курбашей — Хурамбек.

В январе 1924 года Лободина назначают военкомом кавалерийского эскадрона, входившего в состав отличившейся в боях с басмачеством седьмой Туркестанской кавалерийской бригады.

В эскадроне половина бойцов были казанские татары, узбеки, таджики, туркмены. Эскадрон так и называли: «Туркестанский интернациональный».

Лихой это был эскадрон. Он вихрем налетал на превос-

ходящие силы басмачей, и ничто не могло его остановить — ни вражеские пули, ни песчаные бури, ни горные хребты.

В марте 1926 года в Таджикистан прибыл инспектор кавалерии Красной Армии С. М. Буденный. Он поставил задачу ликвидировать последний очаг басмачества, подчеркнув необходимость «политической работой отколоть от банд бедняцкую и середняцкую часть дехкан, привлеченную силой или примкнувшую к бандам по заблуждению».

Осуществляя план операции, полки 7 и 8 кавалерийских бригад зажали банды Ибрагимбека и Хурамбека в горах Терегли-Тау и Ак-Тау, на левом берегу бурливого Вахша. Басмачи были разгромлены. Главари банд попытались уйти на правый берег Вахша, но напоролись на полк, одним из эскадронов которого командовал Лободин. Схватка была очень жаркой. «Туркестанский интернациональный» снова отличился, его командир был награжден за подвиги орденом Боевого Красного Знамени.

Беспокойная солдатская жизнь многому учила, закаляла волю, а повседневное тесное общение с бойцами вырабатывало умение понимать человека, проникать в его душу и ценить его, отдавать ему частицу самого себя.

Эти черты Лободина отразились в коротких, как команда, аттестациях разных лет. Писали эти аттестации различные люди, но все они хорошо видели главное в Лободине как человеке, командире, патриоте.

Вот несколько характеристик, уже пожелтевших от времени.

1926 год. «Тверд, энергичен, решителен, сообразителен в боевой обстановке. Авторитетен среди начальства и красноармейцев, активен в общественной жизни».

1927 год. «Энергичный, решительный, добросовестный в работе. Исполнителен. Политически развит, физически крепок. Занимаемой должности политрука эскадрона соответствует».

1928 год. «Имеет хороший боевой опыт. Дисциплинирован. Инициативен. Силой воли обладает. Политически развит и авторитетен. Хороший конник-спортсмен».

...Шли годы. Слова учеба, служба в одной из воинских частей на Северном Кавказе. Не предполагал, конечно, Лободин, что вернется в родной «Туркестанский интернациональный», с которым громил басмачей Ибрагимбека. А вот вернулся, потому что бандиты снова зашевелились. Боевые друзья встречали Ивана Лободина с распростертыми объятиями.

И слышали снова ущелья и долины Вахша и Кафарнигана, где прятались, перебравшись из Афганистана, басмачи, голос огонь-командира, как называли Лободина и бойцы, и аксакалы-таджики:

— Эскадрон, шашки к бою!

В операциях по ликвидации банд Лободин проявлял исключительную выдержку, храбрость и незаурядные способности командира. Горячих дел было много.

В военных мемуарах «Туркестанцы» бывший командир 7 кавалерийской бригады Я. А. Мелькумов вспоминает об одной операции Лободина против басмачей:

«22 июля два эскадрона 79 кавалерийского Алайского полка под командованием Лободина и Бенько захватили в районе кишлака Ой-Булак ближайших сподвижников Ибрагимбека — курбашей Али-Марданадотхо, Ишан-Исахана, Азимбека и Каюм-Гафура».

Не ушел на этот раз и их главарь Ибрагимбек. Потеряв своих курбашей и конников, он был пойман при переправе через Вахш.

За разгром банд этого матерого басмача Советское правительство наградило эскадронного командира Ивана Лободина еще одним орденом Боевого Красного Знамени.

Был Иван Иванович с виду суров. Когда сердился, мохнатые брови надвигались на глаза. Молодые бойцы побаивались своего командира, пока не узнавали, что в этом человеке бьется добрейшее сердце. И тогда боязнь переходила в уважение, в стремление четко, безукоризненно выполнять любые, самые трудные задания командира. Эскадрон Лободина отличался железной дисциплиной, хорошей выучкой, непоколебимым боевым духом.

Иван Иванович в совершенстве владел татарским, узбекским и таджикским языками. В боях он рубился рядом со своими конниками, и многих из них его шашка спасла от гибели. На привалах, в часы отдыха командир был первым запевалой и плясуном. Он знал много таджикских, узбекских и татарских песен, но больше всего любил чапаевские «Ты не вейся, черный ворон» и «Как умру, похороните меня среди трех дорог».

Уходит, бывало, домой отслуживший службу коновод Лободина или полюбоившийся ему за отвагу солдат, эскадронный пригласает бойца к себе, угощает, беседует. В заключение говорит:

— Ну, прощай, крестник. Вот тебе брюки, вот гимнастер-

ка. А вот сотня на дороге и гостинцы. Парень ты видный, жениться будешь — пригодится. А за службу спасибо... Ну, давай обнимемся что ли... Иди!

Обласканный солдат уходил и потом всю жизнь хранил память о своем командире.

Жена иногда урезонивала Лободина:

— Нельзя же так, Ваня. Опять без парадной гимнастерки остался. Дал бы денег больше, что ли...

— Деньги — это деньги. А гимнастерка — это память. Пусть носит, — отмахивался Иван Иванович.

В октябре 1940 года, уже в звании подполковника, Иван Иванович Лободин был назначен начальником конного завода на Северном Кавказе. На этой работе его и застала война.

«Мое место на фронте. Прошу отправить в действующую армию на любую строевую должность в кавалерийские части», — писал в своем рапорте И. И. Лободин в июне 1941 года.

В начале июля его вызвали в штаб Северо-Кавказского военного округа и назначили командиром кавполка, который формировался в Армавире.

К Лободину шли кубанцы, жарачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы — люди, знающие цену коню и силу своей руки. Нередко в полк Лободина перебегали «самовольники» из других частей. Иван Иванович много сил и времени тратил на урегулирование неприятностей из-за них. Он 26 лет прослужил в кавалерии и понимал любовь к коню и шашке у других. Горцев к Лободину тянула возможность поговорить с командиром полка на родном языке, влекла слава лихого наездника, который в 45 лет джигитовал как двадцатилетний и всех джигитов считал родными братьями.

Первый бой гитлеровцам полк Лободина дал западнее Ростова. Было это трудное время. Немцы, прикрываясь танками, наступали. Зря людьми Лободин не рисковал, и кавалеристы, чертыхаясь, сидели в траншеях. Зато конная разведка день и ночь следила за действиями гитлеровцев и по фронту, и на флангах полка.

Командир приказал:

— Смотреть внимательно! Как только немецкая пехота или мотоциклисты появятся где без танков — докладывать немедленно.

И рота мотоциклистов появилась севернее Таганрога.

Получив донесение, Лободин по тревоге поднял два эскад-

рона, устроил засаду по обе стороны дороги и встретил немцев ударом в лоб и с фланга.

— Покрошили фашистов,— докладывал Лободин после боя командиру дивизии.— С дороги сбили, а потом как зайцев по полю гоняли. Коню к полю не привыкать, ну, а мотоцикл — техника нежная!

Второй раз команду «В атаку марш—ма-а-арш!» подал подполковник Лободин западнее Ростова, когда его разведка обнаружила на марше прикрытый двумя танками батальон немецкой пехоты. Полковая артиллерия подбила оба танка, а затем полк Лободина атаковал в конном строю и изрубил немецкий батальон. После этого гитлеровцы стали осторожнее и без танков пехоту вперед не пусkali.

В середине октября 1941 года западнее Ростова в тяжелое положение попала наша стрелковая дивизия. Измотанная в длительных боях, почти не имеющая боеприпасов, дивизия оказалась под угрозой окружения. Получив приказ прикрыть отход дивизии, Лободин стремительно выдвинул свой полк вперед, сбил левый фланг немцев и в тот же день остановил их наступление.

В донесении об этом бое командир дивизии писал:

«Тов. Лободин сумел хорошо подготовить полк к военным действиям. В бою 17 октября он правильно разместил и использовал свои огневые силы, сам лично находился на передовой линии, воодушевлял бойцов и командиров. Его полк с честью выполнил поставленную задачу—отвлек танки и пехоту противника на себя, остановил их, этим самым способствовал выходу стрелковой дивизии из боя».

Оборонительные бои — тяжелое дело для конников. Им бы в атаку, в наступление, сбив врага с позиций, гнать и крошить его. Но перевес был на стороне немцев, они атаковали.

Лободин перенес свой командный пункт к переднему краю, постоянно был в траншеях, шутил с солдатами, помогал артиллеристам, иногда сам наводил пушку и, ударив по огневой точке врага и подняв ее в воздух, говорил:

— Вот это по-чапаевски. Давай и дальше так!

Полк Лободина занимал оборону западнее села Копани Ростовской области и оказался на направлении главного удара немцев. Рано утром немецкая пехота и мотоциклисты под прикрытием 70 танков пошли в атаку. Их встретил сокрушительный огонь. Пехота и мотоциклисты залегли. Танки повернули обратно.

В течение дня гитлеровцы шесть раз бросались в атаку.

Фашистские танки доходили до наших траншей. Полк Лободина словно врос в землю и каждый раз огнем орудий, винтовок, пулеметов, связками гранат отбивал немцев. 17 гитлеровских танков было подбито и сожжено, уничтожено до батальона немецкой пехоты.

Подполковник Лободин руководил боем из первой траншеи, перебрасывал орудия и пулеметы на наиболее трудные участки, организовывал массированный огонь всех средств полка.

Гитлеровцы отказались от надежды прорвать оборону полка и вечером, в сумерках, нащупав его стыки с соседними частями, обошли полк на флангах справа и слева. Боясь оставить у себя в тылу этот несокрушимый полк, немцы не ринулись, как обычно, после прорыва обороны вперед, а стали сжимать полк с флангов. Но полк по приказу командира всеми силами обрушился на левое крыло гитлеровцев, опрокинул их и выскользнул из тисков.

Гитлеровские танки атаковали и уничтожили командный пункт полка, который защищали несколько штабных офицеров и подоспевший со своим ординарцем подполковник Лободин.

Ординарец Лободина после рассказывал:

— Подполковник вел себя, как будто ничего не случилось. Он сказал: «Немцы прорвались на флангах. Полк успел отойти. И не то бывает. Нам нужно немедленно уходить к своим». Тут же двум бывшим с нами офицерам он приказал уничтожить все карты и документы, кроме личных, и выходить из окружения. Нас в это время обстрелял танк, я был контужен и потерял сознание, очнулся только ночью. Со мной никого не было. В ту же ночь я вышел к своим, полк снова держал оборону на новых позициях.

О дальнейшей судьбе и героической гибели Лободина стало известно от жителей села Копани, куда подполковник добрался под вечер.

Село было занято немецкими танкистами и пехотой. Лободин засел на чердаке окраинного дома и оттуда меткими очередями из автомата расстреливал гитлеровцев. Два десятка немцев бросились было к дому, чтоб захватить Лободина, но он всех их перестрелял. Тогда подошел немецкий танк и стал бить зажигательными снарядами. Дом загорелся. Лободин спрыгнул с чердака. На него набросились немцы. Он дал по ним несколько очередей, затем отбросил автомат и выдернул из ножен саблю. Гитлеровцы разбежались и стали стре-

лать по Лободину. Весь окровавленный, он упал. Немцы побежали к нему и начали рубить его тесаками. Потом облили керосином и подожгли. Подполковник был еще жив.

— Гады... гады!.. За все расплатитесь!— это были его последние слова.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1942 года подполковнику Ивану Ивановичу Лободину за отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

...В конце марта 1943 года у села Копани, где полтора года назад вел жестокие бои с врагом полк Ивана Лободина, на рысях, преследуя гитлеровцев, проходили кавалеристы.

Командир полка, однополчанин Лободина, оглядывая знакомые места, приподнялся на стременах и, по-кавалерийски растягивая слова, подал команду:

— По-о-лк, слуша-й! Здесь сражался и героически погиб командир кавалерийского полка подполковник Лободин, Герой Советского Союза. Полк, шашки к бою! Марш, ма-а-рш!

Над эскадронами молниями блеснула сталь. Под копытами всадников загудел каменистый шлях...

* * *

Черкесск стал родным городом для семьи Ивана Ивановича Лободина. Жена Лободина Валентина Григорьевна с помощью государства воспитала здесь своих детей. Две дочери получили высшее образование, сын Владимир закончил школу, затем техникум и пошел служить в Советскую Армию.

Но не только жена и дети носят в сердце память об Иване Ивановиче Лободине. О нем всегда будут помнить те, кто знал этого замечательного человека, прожившего большую жизнь и без колебания отдавшего ее за Родину.

Георгий Данилович
БУТАЕВ

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

У него были черные лучистые глаза и спокойная улыбка сильного, мужественного человека. Он не стеснялся сказать в лицо правду, пусть и горькую, любил поспорить, умел пошутить, но никогда не повышал голоса, никогда не терял самообладания.

Таким вот — откровенным, чистосердечным, принципиальным — и запомнился людям Георгий Данилович Бутаев.

ЖИЗНЬ ЗАКАЛЯЕТ

Старожилы села Коста Хетагурова, что раскинулось в предгорьях Главного Кавказского хребта, ниже слияния рек Кубани и Теберды, хорошо помнят семью Данила Бутаева.

Был Данил Бутаев трудолюбив. Работал на угольных и свинцовых шахтах, принадлежавших бельгийцам, пытался завести свое хозяйство, бился, как рыба об лед, надорвался и умер в расцвете лет не то от туберкулеза легких, не то от страшной болезни горняков — силикоза. После смерти кормильца осталась вдова с двумя детьми. Плохо пришлось бы сиротам, но ветер Октября принес новые порядки в горы и ущелья Кавказа. В аулах и шахтерских поселках появились школы, Советская власть встала на защиту тружеников. Однако время было еще тяжелое. Что могла сделать одна мать с двумя детьми? Хорошо, что за учение не надо платить, хорошо, что в школе детям то ботинки дадут, то по несколько метров ситцу. Но ведь детей еще нужно прокормить.

Ох, нелегкое это было дело в бывшей Осетиновке, той самой нищей Осетиновке, которая вдохновила Коста Хетагурова на горькие стихи «Мать сирот». В них поэт рассказал, как в холодную ненастную ночь мать, чтобы хоть как-нибудь успокоить голодных детей и убаюкать их ожиданием похлебки

Детям говорила:
«Вот бобы вскипят!»
А сама варила
камни для ребят...

Десятилетний Георгий все видел и понимал и, как-то прибежав домой, твердо заявил матери:

— Буду пасти скот. Нанялся!

— Пусть будет по-твоему, сынок,— покорно согласилась рано поседевшая мать.

Так до 1925 года Георгий пас скот, подрабатывал на посевах и уборке кукурузы и учился. Старался как можно реже пропускать занятия, а пропустив, узнавал у товарищей задания и до полуночи сидел за учебниками.

— Отдохнул бы, сынок,— вздыхала мать.

— Ничего, ничего, мама, спи, пожалуйста. Я скоро.

Радостным оказался для Георгия Бутаева 1925 год. Он был принят в комсомол, закончил школу, а вскоре (можно ли было об этом раньше мечтать!) стал студентом педагогического техникума. Тогда Георгию только что исполнилось шестнадцать лет.

Друзья Бутаева по Карачаевскому педтехникуму вспоминают:

— Георгий был хорошим товарищем. Умел и поработать, и повеселиться. Один из лучших студентов, он вел себя просто, весь курс был его друзьями. Георгий всегда кому-то помогал, кого-то подтягивал. За помощью к нему обращаться не нужно было. Сам подойдет, спросит:

— Не получается? Давай вместе попробуем.

Бутаева любили. И даже залившиеся студенты, став объектом его эпиграмм в стенгазете,— а Георгий писал эпиграммы остроумные и колючие — хоть и ходили с кислыми лицами, но дружбы с ним не ломали.

Георгий их успокаивал сам:

— Друзьям говорят только правду. А если за «неуд» (так называли студенты неудовлетворительную отметку) кто и похвалит, то это будет дурак или враг. Не будет «неудов», не станет и эпиграмм с карикатурами. Согласен?

Приходилось соглашаться.

В 1932 году Георгий Бутаев стал студентом рабфака Московского государственного университета. Столица. Профессора, доценты с именами, известными всей стране. Впереди — университетский диплом, а людей с такими дипломами в те годы были единицы. Но страна призвала молодежь в авиацию. нужно было развертывать и крепить советские военно-воздушные силы. За несколько месяцев до окончания рабфака Бутаев без колебания променял университетские аудитории на поле военного училища летчиков.

Занятия теорией и практикой летного дела. Строевая подготовка. Ночные тревоги. Курсанта Бутаева ставят в пример. Летает он так, словно родился с крыльями, теорией овладевает лучше других. Ко всему этому отличный спортсмен. Бутаева приняли в партию. Скоро и выпускные экзамены.

Но случилось непредвиденное.

Погода в тот день неожиданно испортилась. Внезапно налетела нередкая в Донбассе летом буря с громом, дождем, молнией.

Грохот, потоки ливня, огненные стрелы. Курсанты, промокнув до нитки, в потоках воды укрывали и крепили самолеты. Бутаев еще и утром чувствовал недомогание, но работал, не отставая от товарищей.

До отбоя он еле держался на ногах. На койку свалился весь в огне. Ужинать не смог. Забеспокоившиеся товарищи принесли ему два котелка чаю, хотели отправить в санчасть. Упросил:

— Подождем до утра. Полегчает.

А ночью тревога. Мог ли Георгий лежать под теплым одеялом, когда товарищи борются с разбушевавшейся стихией? Не улежал.

Утром его отправили в госпиталь. Вернулся Георгий скоро. Уговорил врачей. Ведь экзамены.

Сдал и экзамены, и зачетные полеты. Начальник училища, летчики-инструкторы, друзья тепло поздравляли пилота, шутили: «Теперь тебе и горы твоего Кавказа не преграда!»

Георгий Бутаев всей душой рвался в небо. Он твердо решил, что военный летчик — его призвание. Отличные оценки по теории и полетам подтверждали это.

Иначе решила медицинская комиссия. Врачи были внимательны. Даже слишком внимательны. Долго выслушивали и простукивали грудную клетку, несколько раз направляли на

рентген, произносили мудреные латинские слова, хмурились и, наконец, посоветовавшись, вынесли приговор:

— Негоден к летной службе!

Это был удар тяжелый и неожиданный. Он перечеркивал годы упорного труда, отнимал мечту, мог выбить землю из-под ног.

Прощаясь с увольняемым в запас Георгием Бутаевым, начальник училища сказал:

— Все понимаю. И то, что вы, оставив последний курс рабфака в Москве, пошли в летную школу, и то, что вы могли бы стать гордостью нашего училища... Не теряйте веры в свои силы, товарищ Бутаев. Вы коммунист!

— Тяжело... Но выдержу,— негромко ответил Бутаев.

Вернувшись домой, Георгий коротко объяснил родным:

— Буду работать и учиться. Летать запретили врачи.

Фотографии курсантские, выпускную, в одежде пилота Георгий Бутаев дома снял со стены, чтобы не тревожили сердце. Может быть, поэтому они и уцелели. И на стендах Героев Советского Союза Ставрополя, в военкоматах и клубах Георгий Данилович Бутаев изображен в летном шлеме и меховой куртке пилота.

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Школа (она рядом с селением Коста Хетагурова) стала для Георгия Бутаева такой же дорогой, как и родной дом. Начал Георгий работать в ней учителем. За книгами пришлось часто просиживать за полночь. Добившись отпуска для сдачи экзаменов экстерном, Бутаев в 1937 году едет в Тбилиси и там за несколько месяцев сдает в Осетинском педагогическом училище все 26 предметов выпускного курса на отлично.

Экзаменационная комиссия отметила глубину и твердость знаний молодого коммуниста. Ему предлагали работу в Тбилиси, в областных центрах, рекомендовали продолжать учебу в университете. Георгий Бутаев вернулся в родное село, где его ждали, где когда-то его самого поставила на ноги Советская власть. Долг перед Родиной позвал Георгия Бутаева в небольшое горное селение.

Товарищи-педагоги, которые работали вместе с Бутаевым, рассказывают:

— Георгий Данилович отличался редкой многогранностью. Он с одинаковой легкостью и увлечением вел такие

несхожие предметы, как русский язык и физика, история и алгебра. В школе не было срывов занятий. Если кто из педагогов заболел, на урок шел Бутаев и проводил его, да так, что ребята слушали, зажав дыхание. Интересно вел уроки. Мы знали, что Георгий Данилович учится заочно, очень много работает дома, но широта его знаний заставляла удивляться...

Работая учителем, завучем, а впоследствии директором школы, Георгий Бутаев всегда находил время для совета и беседы с товарищами-педагогами, для разговора с учениками. Слушал внимательно, не перебивая, сам говорил как будто бы мало, но так, что каждое его слово запоминалось крепко.

В те годы в школе как-то незаметно установилась замечательная традиция. Директор школы Георгий Данилович Бутаев, прощаясь с выпускниками, беседовал с каждым. Выслушивал мечты и надежды. Его любили и секретов не прятали. Великолепно зная способности и наклонности ребят и девушек, в беседе, как равный с равными, директор помогал им выбрать правильную дорогу.

Рано осиротевший, получивший суровую жизненную закалку, Георгий Бутаев знал цену совету старшего и помог многим своим ученикам избрать любимое на всю жизнь дело, стать хорошими советскими людьми.

Школьники, которые учились у Георгия Даниловича в 1937—1942 годах, и сейчас могут часами рассказывать о том, каким хорошим педагогом и душевным человеком был их наставник — сельский учитель Бутаев.

В марте 1944 года местная районная газета «Народное слово» отвела половину своего номера материалам о Георгии Бутаеве, Герое Советского Союза.

В статье «Памяти товарища и Героя» педагоги средней школы, где он работал, писали:

«Бутаев Георгий Данилович, наш замечательный товарищ, отличался настойчивостью, добросовестностью, трудолюбием.

Будучи завучем, а затем директором школы, он умел сочетать большевистскую требовательность к работникам с сердечной заботой о них. Его проникновенная любовь к своему делу, умение отдавать ему все силы вносили спайку в работу коллектива, помогали нам работать дружно и плодотворно.

Наш педагогический коллектив гордится своим товарищем и руководителем».

ПАРТОРГ БАТАЛЬОНА

Проводил в большую жизнь директор сельской школы и выпускников военного 1941 года. И никто не знал, что он сам ждет повестку: заявление с просьбой отправить его на фронт Бутаев написал в первый день войны.

Бутаев был ограниченно годен к военной службе. Это-то ему и мешало. Но настойчивость преодолела препятствие. Помогла и рекомендация райкома партии. 8 февраля 1942 года Георгий Данилович вскинул вещмешок за плечи, поцеловал крошечного сына Казбека, жену, простился с родственниками и пошел на войну. Он мог с чистой совестью остаться и дома, но сердце коммуниста звало его на фронт.

Когда в часть прибыло пополнение, она вела тяжелые бои на подступах к Воронежу. В штабе Бутаеву задали вопрос:

— Военная подготовка и звание?

— Сержант. Отчислен из летного училища по состоянию здоровья. Подготовку прошел полностью.

— Во второй батальон, командиром стрелкового взвода.

Георгий Бутаев принял взвод — девятнадцать стрелков, два пулеметчика. С ними и начал боевой путь. Неделями не вылезал из траншей, отдыхал вместе с солдатами в землянке, делил с ними хлеб и махорку.

По напряженности и упорству бои за древний город Воронеж можно сравнить только с боями на Волге. Бутаеву много раз приходилось попадать, казалось, в безвыходную обстановку. Выручали твердость, решительность.

Отражая очередной удар немцев, Георгий Бутаев заметил раненого командира роты и отбил яростную атаку врага, захватил пленных, несколько пулеметов и противотанковую пушку.

Ротой он командовал несколько месяцев. И все это время бои гремели без передышки. Заслужил медаль «За отвагу», офицерское звание. Командовал уверенно, сам всегда находился на самых опасных участках. Находил время для обучения молодых солдат. Поблажек не давал. Командиром был требовательным и справедливым.

Солдаты считали его своим, близким. Шли к нему и по служебным, и по личным делам, чаще всего по делам домашним — самым тяжелым и щепетильным делам.

Командир умел рассеять тревоги, передать людям свою неиссякаемую волю, приподнять, ободрить оглушенного тяготами войны человека. Он помогал разыскивать семьи и нала-

живать переписку с ними, через политотдел добивался помощи нуждающимся семьям. Писал письма в госпитали раненым.

Сам Бутаев всегда был бодр, подтянут, жизнерадостен. Солдаты во всем старались подражать ему.

Исключение составлял солдат Назаренко. Воевал он как будто исправно, но всегда был мрачен, за собой не следил, от бесед с товарищами уклонялся.

Первые попытки Бутаева вызвать солдата на беседу не удались. Назаренко, правда, почистил обмундирование и побрился, но через неделю приобрел прежний мрачный, неряшливый вид.

Как-то Бутаев увидел Назаренко в стороне над листком бумаги.

— Письмо из дому? — поинтересовался командир. — Что хорошего?

— Этому письму скоро год будет, — глухо отозвался солдат. — У меня семья на Киевщине под немцем. Батько, мать, жинка, трое хлопцев. Хоть бы кто остался...

— На, прочти и мое, — достал командир из нагрудного кармана затертый конверт.

— На что оно мне? — отстранил письмо солдат.

— Прочти, дорогой, — мягко, но настойчиво потребовал Бутаев. — Я с Кавказа. И там сейчас немец лютует. И мою семью фашисты держат в плену. Одно у нас горе. И цель одна — бить немцев, освобождать Родину.

Вечером, на привале, Бутаев собрал бойцов и отчетливо, как когда-то на уроках, прочел последнее, полученное еще в июле письмо из дому.

— Сейчас декабрь. Полгода писем не получаю. Говорю не для того, чтобы жалели меня. Немец много успел захватить. Но под Москвой его разгромили, сейчас окружили и громят на Волге. Силы наши растут, а немец слабеет. Мы вернем свободу женам и матерям. Освободим из немецкого плена родных. Чем сильнее будем бить врага, тем ближе час освобождения наших родных.

Эта беседа у костра надолго запомнилась ее участникам. Подошли солдаты и других взводов. У многих семьи остались на оккупированной земле. Солдаты читали последние письма из дому, делились мыслями, обсуждали бои, в которых участвовали, и пришли к выводу, что время разгрома немцев близко и что бить врага надо еще сильнее: не так уж страшен черт, как его малюют.

У Зимой 1942—43 годов советские войска перешли в наступление по всей линии фронта. Жестокие бои завязались и южнее Воронежа.

16 декабря после полторачасовой артиллерийской подготовки ударные части войск Юго-Западного и Воронежского фронтов атаковали противника, прорвали вражеские укрепления, начали стремительно продвигаться вперед. Это наступление поддержали войска Волгоградского фронта, нанешие сильный удар по гитлеровцам на внешнем обводе окруженной у берегов Волги группировки немцев. В итоге совместных действий трех фронтов были разгромлены немецко-фашистские войска, имевшие задачу деблокировать армию Паулюса. Судьба этой гитлеровской армии была решена.

Георгий Бутаев сражался в этих исторических боях, заслужил звание лейтенанта и по предложению коммунистов был избран парторгом батальона.

Участвовал лейтенант Бутаев и в январском наступлении западнее Воронежа.

Операция советских войск на Волге как бы затмевает другие наши боевые операции зимой 1942—43 годов, хотя под Воронежом, севернее и южнее его, в январе 1943 года было разгромлено 26 вражеских дивизий и взято около 100 тысяч пленных. В итоге этих боев наши войска получили возможность наступать на Курск и Харьков.

В феврале 1943 года во время боев за Курск парторг батальона пришел в расположение своей бывшей роты и разыскал Назаренко.

— Ну, я могу поделиться радостью,— сказал парторг,— Кавказ освобожден, получил письмо из дому. Все живы, а это самое главное. Помните наш разговор? Немец слабеет, мы крепнем, а как гоним немца — сами видите...

— И сам гоню,— добавил солдат.— Наши войска трясут фрицев и на Украине. Теперь верю, что увижу своих.

Собравшись уходить, лейтенант протянул Назаренко сверток:

— Это от меня и вроде бы от командования: мыло, одеколон,— Бутаев улыбнулся,— и бритвенный прибор... А то скоро семью будешь встречать и небритый. Жена и не признает!

— Моя и такого признает,— заулыбался солдат,— а бритвочкой сегодня же воспользуюсь. Беречь ее буду...— И вопреки всем правилам армейских уставов солдат сам схватил руку офицера и крепко потряс ее.

Стрелковая дивизия, в составе которой сражался лейтенант Георгий Бутаев, входила в 60 армию. Эту армию вел в бой легендарный полководец генерал Черняховский, впоследствии командующий фронтом, дважды Герой Советского Союза.

Георгий Бутаев участвовал в освобождении Курска и в июле — августе 1943 года — в боях на орловско-курской дуге, исторической битве, положившей конец надеждам гитлеровцев на победу.

— В первой роте вышли из строя все офицеры, рота отходит. Лейтенант Бутаев, отправляйтесь в боевые порядки роты и наведите порядок! — приказал комбат.

Рота под натиском немцев бросила свои позиции и отходила. Отход мог превратиться в бегство. Но в это время подошел парторг.

Поднявшись во весь рост и взмахнув над головой винтовкой, он крикнул:

— Коммунисты, за мной!

В атаку поднялись сначала коммунисты, а за ними остальные. Траншеи были отбиты. Бутаев пробежал по траншее, назначил из лучших сержантов командиров взводов, приказал собрать трофейное оружие. Рота отразила несколько вражеских контратак, подбила три немецких танка.

К ночи, когда бой утих, Бутаев собрал в землянку по несколько солдат от всех взводов и начал с ними разговор. Беседы Бутаев так проводил, что хочешь не хочешь, а молчать не станешь. Так получилось и на этот раз.

— Ну, а что если б и пулеметчики побежали? — спросил Бутаев.

Солдаты мялись. Все было ясно. Если бы не огонь двух хабарцов-пулеметчиков, рота была бы смята.

— А почему же вы не бежали? — обратился Бутаев к пулеметчикам, которых знал еще по боям за Воронеж.

— Не обучены этому делу, товарищ командир, — ответил один из них. — Мы, воронежцы, и не то видели.

— Д-да, — с обидой сказал один из солдат. — Им-то с пулеметами хорошо. Как очередь — так отделение фрицев словно ветром сдуло.

— Заметили это? Хорошо. А то, что немцы по пулеметам из пушек били, видели? — продолжал допытываться парторг. — Что вокруг пулеметных гнезд фонтаны земли стояли, видели?

— Как не видеть, — отозвалось несколько голосов. — Ви-

дели и думали, что и пулеметы, и пулеметчики — в лепешку.

— А они живы. И к награде их представлю за геройство. А если бы побежали, то были бы трупами. Растерялся, побежал — погибнешь. И товарищей подведешь. Дерешься умело, тебе и шайтан не страшен.

И на примере только что закончившегося боя Георгий Бутаев показал внимательным слушателям, какие рота понесла бесполезные потери при отходе и сколько потеряла в бою, отражая атаку. Факты говорили сами за себя. И приводили эти факты солдаты. Бутаев только направлял беседу.

Вернувшись в штаб батальона, парторг сразу же составил наградные листы на пулеметчиков. А утром вместе с дивизионной газетой в роты и батальоны пришла написанная Георгием Бутаевым и отпечатанная в дивизионной типографии листовка о стойкости и воинском мастерстве пулеметчиков 1-й стрелковой роты и их награждении орденом Красной Звезды.

За героизм, проявленный в боях на орловско-курской дуге, орденом Красной Звезды был награжден и Георгий Бутаев.

Отбив немецкие контратаки под Курском, советские войска снова перешли в решительное наступление. Армия генерала Черняховского двинулась на Киев. Прорвав оборону противника, советские части форсировали реку Сейм, 29 августа освободили Глухов, затем Конотоп, Бахмач.

712 стрелковый полк 132 стрелковой дивизии, в которой служил Бутаев, шел во главе клина, которым армия Черняховского пробивала себе дорогу к Днепру.

Окрыленные победой, солдаты 2 батальона не давали врагу передышки. Георгий Бутаев — партийное сердце батальона — был в первых рядах наступающих. Он возглавлял атаки, помогал организовать отражение вражеских контрударов, командовал штурмовыми группами.

Спокойное мужество парторга, его храбрость были отмечены и солдатами, и командованием. Солдаты любовно называли Бутаева «наш комиссар», встречали его как старого, испытанного друга. Начальник политотдела дивизии подполковник Бондаренко доносил:

«В боях особо отличился парторг батальона 712 стрелкового полка лейтенант Бутаев Георгий Данилович. При форсировании реки Сейм и освобождении города Конотопа он возглавил штурмовую группу бойцов. В бою за хутор Петровский Бутаев дважды поднимал батальон в атаку и обеспечил выполнение боевого приказа. 3 сентября в бою за село Кото-

во вместе с группой бойцов Бутаев ворвался в село и в рукопашном бою разгромил противника, сам лично уничтожил более 10 немцев».)

По примеру своего парторга действовали и солдаты. Батальон был лучшим в полку, а его парторганизация, состоящая из закаленных, испытанных воинов, по праву считалась одной из самых крепких в дивизии.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Большое, честное сердце было у парторга батальона. Его облик дополняют письма домой — фронтовые «треугольники» и «секретки».

Письма коротки и четки. Они адресованы жене Зинаиде Григорьевне и ее сестре Раисе Григорьевне Калоевой. Сохранилось их немного.

Георгий Бутаев был человеком долга. Он знал, что, если, выполняя приказ, ему придется умереть за Родину, то его смерть дорого обойдется врагам.

В феврале 1943 года он написал:

«Зина! Не тревожь себя мыслями о моей судьбе. Останусь живым — увидимся, а если не станет меня, то помни — умру героически. Пусть эти слова не пугают тебя, моя неоценимая».

Георгий Бутаев не сомневался в победе советского оружия.

12 июня 1943 года, в разгар наступления гитлеровцев южнее Курска, Бутаев сообщал Зинаиде Григорьевне:

«...Мы опять отбили все атаки противника. Сам являюсь свидетелем того, как рушится немецкая армия. На нашем участке я насчитал более 60 танков противника, разбитых нами. Это решающая схватка. Теперь каждый видит, что мы сильнее гитлеровцев.

Представлен к награде. Больше ничего нового в моей жизни нет. Скорее разобьем врага — скорее и вернусь...»

14 сентября 1943 года. «Час добрый, Зина! Часто вспоминаю тебя и Казбека. Не тоскуй. Твердо верю, что мы обязательно встретимся. Все время наступаем, идем вперед, освобождаю нашу землю. Верьте, что победа будет за нами. Ежедневные успехи Красной Армии радуют сердце каждого человека».

21 сентября. «Час добрый, Зина. Как всегда, сообщая, что я жив и здоров. Все дальше и дальше продвигаемся по

украинской земле на Запад. Теперь даже враги признают, что мы сильны и непобедимы. Скоро перешагнем самые большие реки Украины. Спокойно трудись и береги Казбека».

В письмах Георгия Бутаева иногда проскальзывает тоска по мирному труду.

«Сегодня начало учебного года, дети соберутся в школу, учителя проведут с ними первую беседу. Вспоминается мирная жизнь. Но ничего! Скоро разобьем немца и все опять будет по-прежнему.

Пиши чаще, как работает наш колхоз, как начали учебный год школы?» (Из письма 18 сентября 1943 года).

Георгий Бутаев знал, что может не вернуться домой. Его беспокоило и заботило будущее сына Казбека. Он хотел, чтобы и его сын вырос достойным своей Советской Отчизны.

«Зина, пиши, как растет Казбек. Воспитывай его здоровым, крепким, любящим свою Родину!»

1 октября 1943 года, накануне своей героической гибели, лейтенант Бутаев написал несколько строчек сестре своей жены Раисе Григорьевне Калоевой, человеку, которого он очень уважал, как ближайшую родственницу, верную подругу жены и хорошего товарища-педагога, с которой вместе работал в школе.

Вот это письмо. Написано оно химическим карандашом на фронтовой «секретке» в период жестоких боев на правом берегу Днепра.

«Раиса! Дел много. Писать некогда. Сегодня получил три письма. Письма до меня доходят аккуратно. Не беспокойтесь обо мне. Береги Зину и Казбека, если что случится. Верьте мне — мы победим. Бьем и будем бить противника! Обязательно одержим победу».

В каких бы жестоких боях ему ни приходилось участвовать, как бы ни сложна была обстановка, в письмах ни слова жалобы на фронтовые тяготы, ни слова о постоянно грозившей смертельной опасности. Нет в письмах и рассказов о своих подвигах. А Георгию Бутаеву было о чем написать. Не писал потому, что война для него была не поводом для хвастовства, а тяжелым и опасным делом, необходимым для разгрома подлого и жестокого врага.

И подвиги он совершал не для уничтожения людей, одетых в иную форму, а ради уничтожения фашизма, ради того, чтобы снова можно было вернуться к спокойной мирной жизни, учить детей, воспитывать сына Казбека.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В. Д. ...

Роста Георгий Бутаев был высокого. До службы в армии, как и многие высокие люди, он сутулился. Военная форма распрямила его.

Богатырь, в руках которого винтовка казалась игрушкой, он в атаку шел таким шагом, что обогнать его удавалось немногим. Но зато весь батальон стремился не отстать от своего парторга.

К Днепру 132 стрелковая дивизия подошла, заслужив почетное наименование Краснознаменной Бахмачской. Грозные силы накапливались на левом берегу великой украинской реки.

Не теряли времени и гитлеровцы. Они лихорадочно строили укрепления по западному берегу Днепра и, подбадривая своих солдат, начали шуметь о неприступности «великого восточного вала», как была названа эта очередная линия обороны немцев.

Но ничто уже не могло остановить победоносные советские войска. То на одном, то на другом участке наши батальоны, полки и дивизии с боем преодолевали широкую ленту Днепра, вгрызались в землю и потом грудью оттесняли врага, расширяя плацдармы и прикрывая высадку новых частей.

На рассвете 24 сентября батальон Бутаева форсировал Днепр. Сломив жестокое сопротивление врага, батальон выбил немцев из траншей, продвинулся вперед и занял оборону, самоотверженно выполняя приказ: «Захватить плацдарм и стоять насмерть!».

Контратаки немцев следовали одна за другой. Казалось, что эти волнами накатывающиеся вражеские цепи нахлынут на обороняющихся стрелков, зальют их своей многочисленностью и сметут в Днепр.

Бой не затихал весь день. К вечеру силы батальона стали иссякать, наступил критический момент боя. Гитлеровцы сосредоточили несколько батальонов пехоты и роту танков и снова предприняли попытку сбросить наших стрелков в реку.

Советские воины держались до последнего. Но кончились боеприпасы. Наша артиллерия с восточного берега прекратила огонь, боясь поразить своих. И тогда поднялся Бутаев и повел батальон в рукопашную.

«В бою на правом берегу Днепра,— доносил по команде зам. командира полка по политчасти,— Бутаев 24 сентября в

критический момент боя возглавил батальон, поднял его в атаку и отразил превосходящие силы противника, поддерживаемые ротой танков. Вражеская пехота была отброшена с большими потерями, танки подбиты и уничтожены».

...В ста километрах севернее Киева в зелени садов утопает городок Чернобыль. Осенью 1943 года он часто упоминался в сводках Совинформбюро. Здесь, у слияния Припяти с Днепром, развернулись кровопролитные бои. Чернобыльский плацдарм позволял нам наращивать силы, давал возможность развивать наступление. Гитлеровцы же пытались любой ценой отбросить советские войска за Днепр.

Немцы подтянули из глубоких тылов свежие пехотные дивизии, танки, артиллерию, нацелили на плацдарм свою авиацию. Они имели в тылу превосходную сеть дорог, которые обеспечивали быструю переброску войск и техники. Наши войска пополнялись и снабжались через немногие переправы, над которыми не затихали воздушные бои.

Сражение на плацдарме не прекращалось ни днем ни ночью. За одной немецкой атакой следовала вторая. Гитлеровцы не жалели ни людей, ни танков. Их оборона по Днепру прикрывала не только Правобережную Украину, но и оккупированные Румынию, Чехословакию, Болгарию. Но советские войска выстояли. Их вдохновляла любовь к Родине, воодушевляли и вели за собой в огонь коммунисты, первыми принимавшие удар врага.

Таким вожаком солдат был и Бутаев.

4 октября 1943 года, едва занялась заря, немцы на участке 712 полка начали атаки. Первые две были отбиты без ощутительных потерь с нашей стороны. Тогда гитлеровцы усилили артиллерийский и минометный огонь — вероятно, за ночь подтянули новые части. Огневые налеты обрушивались то на один, то на другой участок обороны полка. Налетела наша штурмовая авиация. Она «обработала» артиллерийские позиции и передний край противника, огонь немцев ослабел.

После полудня атаки врага возобновились. Они были направлены на участок 2 батальона и при поддержке огневых средств полка были отбиты.

Стемнело. Бутаева вызвали в штаб полка, где ознакомили с боевым приказом на следующий день. Полк возобновлял наступление. Батальону предстояло захватить развилку дорог, местечко Горн и действовать дальше в соответствии с обстановкой.

Вернувшись, Бутаев провел беседу с коммунистами о боевой задаче батальона, подготовил боевой актив.

На рассвете 5 октября наша артиллерия ураганным огнем накрыла позиции немцев. Второй батальон ринулся в атаку, выбил врага из траншей и погнался дальше.

Подбросив подкрепление, гитлеровцы зацепились у развилки дорог. Первая атака батальона была отбита. Наши бойцы залегли. Понимая, что медлить нельзя, Георгий Бутаев поднялся во весь рост и с возгласом: «Добьем немцев! За мной!» — бросился вперед.

В рукопашном бою была захвачена развилка дорог.

Командир батальона послал две роты в обход местечка Горн, а одной роте с приданным ей пулеметным взводом приказал наступать на это местечко по фронту. С этой ротой пошел в наступление и лейтенант Бутаев.

Разъясняя взводам поставленную задачу, Бутаев сказал:

— Успех нам поможет обеспечить только стремительность атаки. Фрицы еще не очухались. Будем медлить — понесем потери и задачи не выполним.

Быстрыми перебежками рота подошла к местечку, атаковала и ворвалась в него, захватив восточную часть. Но западную часть удерживали засевшие в домах гитлеровцы. Они снова получили подкрепление.

Командир батальона подтянул к местечку две роты, шедшие на флангах, и решил ударом всего батальона выбить немцев.

В атаку батальон поднял Георгий Бутаев. Немцы были потеснены, но затем бросились в контратаку. В рукопашной схватке советские стрелки отбросили гитлеровцев. После полчасового перерыва Бутаев снова поднял батальон в атаку. Опять рукопашная. И снова немцы попятились. На помощь им подошли 6 танков.

Парторг Бутаев с винтовкой в руках дрался вместе со стрелками. Он уже четыре раза поднимал батальон в атаку, несколько раз сходил с врагами в рукопашную. Разрывом снаряда его ранило и оглушило. Бутаев упал.

— Отправить в санчасть! — приказал находившийся рядом командир роты.

Когда санитары уносили его в тыл, Бутаев очнулся и попросил:

— Занесите в дом. Я отдышусь. Ранение легкое.

Его послушались.

А бой не затихал. К выбитым из местечка немцам подошли мотоциклисты. Прикрываясь огнем трех уцелевших танков, гитлеровцы снова пошли в атаку и начали теснить наших.

Связной из штаба полка, направлявшийся к комбату, встретил Бутаева, торопившегося на передний край, и сообщил, что батальону идет подмога, а комбату приказ такой: немца отбросить от местечка, чтоб облегчить действия наших танков.)

Фашисты все усиливали нажим, и когда казалось, что они вот-вот ворвутся в местечко, впереди измученных напряженным боем солдат появилась знакомая рослая фигура парторга и зазвенел его голос:

— Идет подмога! Вперед, товарищи! Батальон, в атаку!..

Бутаев рванулся вперед, а за ним, как всегда, бросились коммунисты, комсомольцы, ринулся весь батальон.)

Уверенные, что перевес на их стороне, немцы не ожидали такого удара и стали отходить.

— Гнать врага!— закричал Бутаев и штыком сбил одного фашиста, второго... И вдруг с ходу, лицом вперед упал на землю. Очередь вражеского пулемета попала ему прямо в сердце.)

Он остался лежать впереди наших залегших цепей. К нему стали подползать солдаты. По цепям пошло: «Парторг убит!», «Убит лейтенант Бутаев!»

Над цепью поднялся сначала один солдат, затем второй, третий, четвертый...

— За парторга!

— Смерть фашистам!

— Отомстим за парторга!

Гнев и ненависть к гитлеровским захватчикам оторвали батальон от земли. С новыми силами солдаты бросились на врага и выбили с рубежа, на котором он уже закреплялся. Так и после смерти парторг Бутаев принес родному батальону, своей дивизии еще одну победу.

В представлении к званию Героя Советского Союза об этом бое сказано так:

«5 октября 1943 года в бою за местечко Горн Бутаев проявил высокий героизм. 5 раз он вел батальон в атаку и отбивал атаки превосходящих сил противника, поддерживаемые 6 танками. Сам лично в этом бою уничтожил более 10 немец.

Бутаев погиб в этом бою смертью Героя.

Заслуживает высшей правительственной награды — присвоения посмертно звания Героя Советского Союза.

15 октября наградной лист на лейтенанта Бутаева был доставлен генералу Черняховскому. Генерал сам руководил боями на плацдарме, следил за действиями каждого батальона, знал о боевых делах 712 полка и героической гибели парторга Бутаева.

Подписывая наградной лист, генерал вздохнул:

— Орлов теряем. И еще кровь наша литься будет. Но шею врагу свернем! И уже скоро.

ЛЮДИ ЕГО НЕ ЗАБУДУТ

Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 17 октября 1943 года гласит:

«За успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» лейтенанту Бутаеву Георгию Даниловичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН».

В семье Георгия Даниловича Бутаева как святыня хранится письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР жене отважного воина:

«Бутаевой Зинаиде Григорьевне.

Уважаемая Зинаида Григорьевна!

По сообщению Военного Командования, Ваш муж лейтенант Бутаев Георгий Данилович в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим мужем Бутаевым Георгием Даниловичем в борьбе с немецкими захватчиками при форсировании реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр Президиум Верховного Совета СССР Указом от 17 октября 1943 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения, как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

* * *

✓ Лейтенант Бутаев был похоронен на площади села Парышево Чернобыльского района.

Прогремел над могилой Георгия Даниловича прощальный салют и, ускоряя шаг, батальон пошел вперед.

...Летят годы. Но не забыто имя и не померкла слава Георгия Даниловича Бутаева. У его могилы в дни праздников проходят колонны демонстрантов, пионеры проводят торжественные линейки и сборы. О героизме, простоте и мужестве коммуниста Бутаева в Чернобыльском районе ходят легенды.

К себе, в Парышев, колхозники сельхозартели «Червоный Жовтень» как родных приглашают жену Георгия — Зинаиду Григорьевну, ее сестру Раису Григорьевну Калоеву и сына Георгия Даниловича — Казбека Бутаева.

Колхозники села, за освобождение которого Георгий Бутаев отдал свою жизнь, поставили на его могиле памятник. На пьедестале — солдат, склонивший над прахом героя родное армейское знамя.

Могила лейтенанта Бутаева всегда украшена цветами, зеленью. И никогда не зарастет к ней тропа.

Иосиф Иосифович
Л А А Р

БЕССМЕРТНЫЙ ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

В. Шкунин

В городе Крымске Краснодарского края, на крутом холме, поднимаясь над улицами и садами, высится величественный памятник советским воинам, погибшим при прорыве оборонительной полосы немцев на Таманском полуострове. Памятник увенчан фигурами двух гвардейцев, один из которых, преклонив колени, возлагает лавровый венок к мемориальной доске.

На доске высечены слова:

«Вечная память героям, павшим в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины».

На граните памятника под барельефом ордена Отечественной войны — имена похороненных здесь воинов. Третье сверху — имя Героя Советского Союза гвардии младшего сержанта Иосифа Иосифовича Лаара.

Азовские и черноморские ветры овевают яркий ковер зелени и цветов у памятника. Над его вершиной медленно проплывают облака. И кажется, что над прахом погребенных героев в тихом и торжественном молчании воинская слава вечно несет почетный караул.

...Прошло почти двадцать лет. На месте прежних траншей и воронок цветут сады, колосятся хлеба. Быстротечное время затянуло раны в сердцах людей, чьи родные не вернулись с фронта. Выросло новое поколение, не знающее суровых испытаний войны.

Но тысячелетия будет помниться подвиг советского народа, избавившего мир от фашистской чумы. Никогда не забудутся светлые имена, мужество и подвиги советских людей, пожертвовавших жизнью во имя победы.

* * *

Это было в августе 1943 года. Разбитые на Северном Кавказе, на Кубани, гитлеровцы бежали на Таманский полуостров и укрылись за мощной линией оборонительных сооружений.

Около шести месяцев потратили они на строительство системы траншей, усиленных дзотами и бронеколпаками. Подступы к «голубой линии» (так называлась эта полоса обороны) прикрывали сплошные минные поля, проволочные заграждения, противотанковые рвы.

«Голубая линия» пересекала Таманский полуостров от Черного до Азовского моря. Ее правый фланг опирался на превращенный гитлеровцами в крепость порт Новороссийск, левый — на Темрюк.

Готовясь к штурму «голубой линии», войска Северокавказского фронта выбивали гитлеровцев из отдельных укрепленных высот. Одной из них была высота 167,4 у хутора Ленинского Крымского района Краснодарского края.

Как выяснилось позже, эту высоту обороняло около сотни немцев, вооруженных винтовками, автоматами, двадцатью ручными и станковыми пулеметами, четырьмя минометами, противотанковыми пушками. Высота 167,4 была подготовлена к ведению круговой обороны.

Взять высоту было приказано четвертой роте второго батальона гвардейского стрелкового полка, того самого полка, который освобождал Кисловодск, Суворовскую, Черкесск, аулы Псаучья-Дахе, Бесленей и другие населенные пункты Карачаево-Черкесии.

...Фронтное утро не предвещало ничего особенного. Изредка раздавались ружейные выстрелы, вспыхивали солнечные зайчики на стеклах биноклей и стереоскопических труб наблюдателей.

И вдруг все вокруг загудело и задрожало. На крышах блиндажей начала оседать земля. «Голубая линия» утонула в пороховом дыму и пыли. Вспыхивали багровые пятна разрывов, мелькали огненные стрелы реактивных мин.

Артиллерийская подготовка длилась ровно час и прекратилась так же внезапно, как и началась. В наступившей ти-

шине загремело солдатское «ура». Это пошла в атаку четвертая рота.

Впереди роты двигалось отделение гвардии младшего сержанта Иосифа Лаара. Оно стремительно преодолело мипные поля и проволочные заграждения и с ходу ворвалось в первую траншею.

Схватка была короткой.

Об этом бое командир гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Кравцов доносил:

«В боях за высоту 167,4 и хутор Ленинский Крымского района Краснодарского края 7.8.1943 года во время атак тов. Лаар первым ворвался в немецкие траншеи. Героически сражаясь, он вместе с отделением очистил первую траншею от немецкой пехоты, уничтожив в этом бою 1 ручной пулемет и 9 фашистских солдат».

Дорога роте была открыта. Взвод гвардии лейтенанта Андрусенко перебежками двинулся вперед, ко второй траншее. Неожиданно по наступающим ураганным огнем ударили пулеметы из двух молчавших до этого вражеских дзотов. Дзоты были тщательно замаскированы и огня раньше никогда не вели. Это был один из тех «сюрпризов», которые всегда имеются на заранее подготовленных линиях обороны.

Рота залегла!

— Отделению Лаара уничтожить дзоты! — приказал командир взвода.

Ближний дзот находился на пригорке. Огонь его пулемета был не страшен для гвардейцев, которые оказались уже в «мертвом» пространстве. Лаар приказал своим солдатам открыть залповый огонь по амбразуре, чтоб отвлечь внимание немцев, и со связками гранат пополз к дзоту. Один за другим грохнули два взрыва. Дзот замолчал. Семь вражеских трупов и исковерканный станковый пулемет увидели гвардейцы в дзоте после боя.

— Вперед! — крикнул гвардии старший лейтенант Саидов, поднимая роту в атаку.

Но теперь из второго дзота хлестнул свинцом пулемет. Несколько бойцов упало. Рота снова залегла.

— Огонь по амбразуре! — скомандовал Лаар и, не ожидая приказа командира роты, пополз к дзоту, держа наготове гранаты.

Сделав несколько коротких перебежек, он снова припал к земле и пополз по заросшей травой бороздке. По этой бороздке весной, когда таял снег, и во время дождей стекал ру-

чей, поэтому трава здесь поднималась гривой, была густой и зеленой.

Над головой хлопала пули, но Лаар полз вперед. Гитлеровцы начали бросать из амбразуры гранаты — «лимонки». Они рвались недалеко, однако Лаар не обращал на них внимания.

Одна «лимонка» попала в бороздку, покатилась, дым после взрыва заволок Лаара. Когда он рассеялся, вся рота увидела: Лаар приподнялся, сдернул с головы пилотку, закрыл ею рану в животе и пополз дальше, упираясь левой рукой. Автомат у него был за спиной.

До дзота оставалось несколько метров. Но как тяжело было преодолеть это расстояние! Лаар полз медленнее и медленнее, все чаще припадая к земле. А немецкий пулемет продолжал бить длинными очередями, из амбразуры летели гранаты.

Напрягая последние силы, Лаар подполз к амбразуре, приподнялся, схватил пулемет за раскаленный ствол, отвел его в сторону, чтобы пули не косили боевых товарищей. Потом всем телом навалился на пулемет и закрыл амбразуру.

Пулемет умолк. Лаар взмахнул пропитанной кровью, красной, как флажок, пилоткой, зовя товарищей.

Этот сигнал, кажется, мог поднять и мертвых.

Рота пошла в яростную атаку и захватила высоту. В этом бою было убито до шестидесяти гитлеровских солдат и офицеров, уничтожено пять станковых и семь ручных пулеметов, четыре миномета, противотанковая пушка. Был разгромлен штаб вражеского батальона, захвачены пленные и большие трофеи: знамя, много оружия, важные документы, телефонные аппараты, радиостанции.

Когда бойцы и командир роты Саидов подбежали к Иосифу Лаару, он был еще жив.

— Товарищ командир, я умираю... — прошептал он. — Бейте фашистов... отомстите...

За него отомстили, и подвиг его не забыт. Иосифу Иосифовичу Лаару было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре в центральной печати известный советский поэт Илья Сельвинский опубликовал «Балладу о Лааре».

...И кровь твоя выстрелом огненным
Плеснула из раны вперед.

Ты сжал свою боль и сердцем своим
Закрыл немецкий дзот.
Запомните имя Лаара,
Неведомое пока:
Погиб он в атаке ярой
Пятнадцатого полка.
Но полк не забыл о тебе, Лаар,
Ни в трауре, ни в пирах,
Как часовые, пара чинар
Станет стеречь твой прах.
Под знаменем имя твое в строю
Правифланговым стоит.
Каждый боец за тебя в бою,
Как за себя отомстит...

Личное оружие И. И. Лаара — автомат ППД № 174 стал боевой реликвией части. По просьбе комсомольцев полка он вручался молодым бойцам за храбрость и меткость в стрельбе.

Командир роты при вручении автомата говорил:

— Из этого оружия Герой Советского Союза Иосиф Лаар уничтожил до 40 гитлеровцев. На прикладе автомата царапины и вмятины. Это от ударов по немецким каскам. Рука у гвардии младшего сержанта Лаара для врага была тяжелой. А приклад у автомата крепкий... Бейте врага из этого автомата по-гвардейски, как бил Иосиф Лаар.

— Клянусь сражаться по-гвардейски! — говорил солдат, прижимая автомат к сердцу.

Закончил войну автомат № 174 в Германии, на Земландском полуострове.

* * *

Иосифу Лаару было тогда 38 лет. Плечистый, рослый, отличавшийся выдержкой, спокойствием, шутник и весельчак в часы досуга — таким знали его однополчане. В роте он считался лучшим стрелком.

Уважение товарищей он завоевал в первом же бою в феврале 1943 года на Кубани, в районе Краснопольской-Динской, у реки Вторые Кочеты.

Усталые и поредевшие после непрерывного двухмесячного наступления, наши части у Вторых Кочетов остановились. Нужно было вводить в бой свежие силы. У самой линии фронта, в тылу гвардейского полка, находилось прибывшее пополнение. Но оно не было обмундировано. В составе этого

пополнения был и Лаар. Он при помощи раненого офицера добился разрешения выдать оружие необмундированным. Пополнение ринулось в бой. Оборона гитлеровцев на реке Вторые Кочеты была прорвана. За отвагу, мужество и самоотверженность Иосифа Лаара наградили орденом Красной Звезды.

Житель Черкесска, однополчанин Лаара автоматчик Петр Петров — кавалер семи боевых орденов и медалей — вспоминает:

— Молодые солдаты уважали Лаара. Иосиф Иосифович был опытнее нас и относился к молодым бойцам как старший брат, с любовью и уважением. Человеком он был веселым, умел пошутить, рассказать забавные фронтовые случаи. Помнится, он говорил:

— В бою думай не только о себе. Думай о товарищах. Рота — это твоя семья. Слава роты — твоя слава, поражение роты — твой позор. На войне по ротозейству можно сгнить от шального осколка или получить пулю в спину, когда струсил и побежишь. Побеждает только тот, кто верит в себя и товарищей.

До последнего вздоха Иосиф Иосифович Лаар остался верен этим словам.

* * *

Иосиф Иосифович Лаар навечно зачислен в списки гвардейского полка, под знаменем которого он совершил свой подвиг.

...По сигналу «повестка» личный состав 4 роты выстраивается на поверку.

— Гвардии младший сержант Лаар! — вызывает командир.

— Пал смертью храбрых во славу Родины! — отвечает правофланговый.

В солдатской казарме, в помещении 4 роты, стоит аккуратно заправленная койка. На позолоченной табличке надпись: «Герой Советского Союза гвардии младший сержант Иосиф Иосифович Лаар. 1905—1943». Над койкой большой портрет Героя, боевые дела которого известны каждому воину части. Служба молодых солдат, пришедших в эту часть, начинается с рассказа о славном боевом пути полка и его героях. Гвардии младший сержант Лаар — первый среди них.

Харун Умарович
БОГАТЫРЕВ

На полковых смотрах, маршах, прогулках войны идут с песнями. Чаше других над строем звучит песня:

За свободу Родины,
Смерти вызов бросив,
Наш Лаар бессмертным стал,
Как герой Матросов.

В Черкесске имя Героя Советского Союза И. И. Лаара носит одна из улиц. Портреты Иосифа Иосифовича Лаара имеются почти во всех учебных заведениях города, его фотографии помещены на стендах в Домах культуры и клубах.

Герои, отдавшие жизнь за Родину, остаются в строю. Их дело продолжает новое поколение. Это и есть бессмертие — величайшая награда за подвиг.

СЕКРЕТ БОЕВОГО СЧАСТЬЯ

В

апреле 1932 года Харун Богатырев заканчивал бронетанковое училище. В строю он всегда был правофланговым и на голову возвышался над соседом.

Товарищи добродушно подшучивали:

— Харун, Харун, как же ты в танке поместишься? Куда голову девать будешь?

— Ладно, — отвечал Харун. — Мне особый танк делают.

Шутки иногда обижали молодого горца, но он умел сдерживаться. Да и чего на правду обижаться? В танковые войска подбирали крепышей среднего роста, среди них Харун Богатырев действительно выглядел великаном.

Говоря о южанах, часто подчеркивают их горячность, вспыльчивость. Эти черты были, конечно, присущи и молодому офицеру. Но Харун Богатырев отличался другим — умением сдерживать себя, проявляя в минуты, когда, казалось, и лед может взорваться, демонстративное спокойствие, бесстрастность.

Танк в руках Харуна делал чудеса и только что не плясал лезгинку. Этому Богатырев находил простое объяснение:

— Машина, если ее знаешь и любишь, сама выложит все, на что способна, и кое-что сверх этого...

Пять лет Богатырев командовал взводом курсантов: Затем стал помощником командира роты по технической части: технику молодой офицер знал и любил до самозабвения.

Командир мотомехполка при Военной Академии полковник Клопов, один из ветеранов советских бронетанковых

войск, наблюдая в бинокль за боевыми учениями своих пилотовцев, говорил:

— Ну и ну! Опять Богатырев впереди!..

Полковник Клопов разбирался в людях. В характеристике на Богатырева он писал:

«Достоин утверждения на должность командира роты во внеочередном порядке с последующим присвоением воинского звания».

Харун Богатырев получил звание капитана на два года раньше срока, пройдя за 9 лет ступеньки военной службы от рядового до командира роты и сохранив, как пишется в аттестациях на способных офицеров, «возможности дальнейшего роста».

Служба офицера — это круглосуточное напряжение. Армейская дисциплина для офицеров скидок не предусматривает. Наоборот, строго взыскивая с подчиненных, офицер должен быть для них образцом. Всегда, везде, в любой обстановке. Офицер в одно и то же время и учитель, и ученик. До седых волос он три четверти свободного времени уделяет специальной литературе, книгам. Иначе подчиненных учить будет нечему, да и сам безнадежно отстанешь от товарищей. Из тридцати трех лет службы в армии пятнадцать Богатырев отдал учебе.

От своих подчиненных Харун Богатырев требовал исполнительности, любви к технике, высокой культуры, самоотверженности, трудолюбия, то есть того, что обеспечивает выполнение приказа.

— Танк — не черепаха, — повторял он. — Танкисту ползать стыдно. Чтобы бить врага, нужно успеть занять удобную позицию или выйти врагу во фланг. Успеешь — победишь, не успеешь — самого зажарят, как шашлык на углях. Ждать, пока ты нарзан будешь пить и платочек одеколонить, враг не будет.

Танкисты в те годы носили синее обмундирование, белую рубашку, синий галстук, желтые перчатки. Форма сама располагала к щегольству. Механизаторов было мало. Ценились они на вес золота. Тяга в танковые части была очень большая. Проскакивали в танковые училища и белоручки.

Таких «перчаточных танкистов» воспитатель курсантов Харун Богатырев не выносил органически:

— Тебе не танк к форме дали, а форму к танку, — с трудом сдерживаясь, распекал он нерадивых. — Ты танкист не под ручку с барышней на бульваре, а у мотора, у пушки...

И, не закончив мысли, сняв куртку, на которой ния пятнышка, начищенный и наглаженный, в белоснежной рубашке, не надев комбинезона, он лез в танк, ковырялся в моторе, устранял неисправности в орудийной башне.

Иногда возился час, иногда больше, но приводил танк в полную боевую готовность и, вытирая испачканные руки ветошкой, заканчивал свой безжалостный урок с убийственной вежливостью:

— Можете ехать. А лучше переводитесь в обоз. Телега меньше забот требует...

Проводя занятия, Богатырев любил подчеркнуть:

— Машины бывают разные. Примус — тоже машина, несложная, но ухода требует. А танк — машина умная, дураков и лодырей не любит.

Нужно сказать, что «распекать» нерадивых Богатыреву приходилось не часто. Лодырям и верхоглядам у него делать было нечего. [Танкисты ценили своего командира за напористость, энергию, простоту и честность.] Требуя от подчиненных образцового содержания боевых машин, Богатырев не давал скидок и себе — сам часами обхаживал свой танк, умел по тулу мотора, лязгу гусениц определить его состояние и заблаговременно заменить сработавшуюся деталь. Не было случая, чтобы его машина отказала на марше или учениях.

Кое-кто после маршей или учений получал нагоняи и выговоры, Харун — благодарности и награды.

— Везет тебе! — завидовали иные.

Харун в ответ досадливо отмахивался.

Командование отличало способного и волевого офицера. Он, как один из достойнейших, был рекомендован в бронетанковую академию и успешно закончил ее вечерний факультет.

Офицер с академическим образованием. Мог ли отец Харуна — потомственный бедняк из аула Джегута Усть-Джегутинского района — мечтать о такой судьбе сына? Кто бы в горах Карачая в дореволюционные годы произвола и нищеты поверил в такую судьбу?

Детство Харуна было коротким и безрадостным, как и у многих его сверстников из неимущих горских семей. Родился в 1907 году и уже в 8 лет узнал, что такое подневольный труд. Аульные богатеи не баловали лаской и заботой мальчонку, который пас их скот. Были и обиды, и беспомощный детский гнев. Но и такой работой приходилось дорожить. Семья голодала. Батрацкий стаж Харуна в 1921 году уже насчитывал около 6 лет. Но за это время его надежда заработать на коня,

полоску земли и десяток голов баранты, чтобы выбиться из бедности, так и не осуществилась.

Зато пришло другое, сразу изменившее всю жизнь. В горах Кавказа Советская власть подняла алые знамена. Стал Харун комсомольцем, заведовал аульной избой-читальней, был секретарем комсомольской ячейки. Вскоре его послали в совпартшколу, а затем по комсомольской путевке он уехал учиться на рабфак города Иваново и в 1931 году окончил его.

8 мая 1929 года. Эту дату Харун Умарович Богатырев запомнил навсегда: парторганизация Ивановского рабфака приняла его в члены партии.

...Военное утро 22 июня 1941 года застало капитана Богатырева в Бронетанковой академии, где он обучал будущих офицеров. Рапорты об отправке на фронт не помогли. Он был нужен в тылу для подготовки кадров.

В действующую армию Харун Богатырев попал только в конце 1942 года. Он принял танковый батальон и стал готовить его к боям.

Обстановка на фронте была тревожной. Немцы захватили Украину, Кавказ, сжимали в кольце блокады Ленинград. Танков и самолетов у них было больше, чем у нас.

Как вести бой в таких тяжелых условиях, какую тактику избрать?

Сама обстановка подсказывала, что надо бить врага не числом, а умением.

Умение добывается в труде, учении. Капитану Богатыреву помог его многолетний опыт работы с курсантами, знания, полученные в академии.

...Наступила зима с холодами и метелями. Но командир батальона не принимал ничего во внимание. Его батальон и в редкие ясные дни, и в бураны, днем, вечером, ночью выходил на учения, занимался стрельбами.

Уставших капитан подбадривал:

— Тяжело в учении — легко в бою. Это Суворов сказал. А нам бои предстоят жестокие. Нужно уметь бить врага.

Опорой молодого комбата были воины, уже получившие фронтовую закалку.

На привалах, в солдатских землянках они вновь и вновь растолковывали тем, кого пугала эта суровая учеба:

— Капитан требует правильно. Он больше нас работает и когда отдыхает — никто не знает. А требует для того, чтобы ты немцу голову снес и вернулся домой живым и с победой. Война — не игрушка!

Через два месяца танковый батальон Богатырева стал действовать не хуже курсантского, а танкистам пришлось по сердцу их не очень ласковый, иногда даже крутой, но справедливый и отлично знающий свое дело командир.

Одновременно с операциями по освобождению Северного Кавказа в январе 1943 года начали наступление войска Брянского, Воронежского, Юго-Западного и других фронтов. Нелегкая задача—разгромить Острогжско-Россошанскую группировку врага, насчитывающую двадцать две отборных фашистских дивизии и преграждающую дорогу на Харьков и Восточную Украину, легла на плечи войск Воронежского фронта.

Этому фронту из резерва Ставки Верховного Главнокомандования была передана танковая армия генерал-майора Рыбалко, в состав которой входил батальон Богатырева. Боевой путь он начал зимой 1943 года северо-западнее Кантемировки, пошел на Алексеевку, Валуйки, Харьков и далее трудными дорогами войны...

Спустя полгода Харуну Богатыреву было присвоено звание майора. Его грудь украшали два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны, которые он получил за доблесть, мужество и умение бить врага.

Секрет боевых успехов молодого комбата раскрывает боевая характеристика, данная командиром полка полковником Плесско. В ней говорится:

«Товарищ Богатырев с прибытием на должность командира танкового батальона хорошо подготовил батальон. На Воронежском, Брянском фронтах и в последующих боях отлично выполнил все боевые задания.

Грамотный, смелый, волевой командир».

Грамотный, смелый, волевой...

Три слова, но какое содержание несут они в себе, сколько за ними боевых эпизодов, в которых человек раскрылся полностью! Он не дрогнул будучи на волосок от смерти, не дрогнул, потому что смелый. У него хватило воли выстоять, хватило умения победить.

Слишком скупы боевые характеристики. Ничего не написал полковник Плесско о том, что произошло с Богатыревым, скажем, под Харьковом. Даже не упомянул о его ранении. Бой этот был исключительно трудный и жаркий, хотя далеко не единственный по своему напряжению в фронтовой биографии Харуна Богатырева.

Содрогалась земля, кострами пылали танки, все вокруг

гудело, рвалось, лязгало. Танк Богатырева оказался в самом пекле. И когда бой утих, товарищи увидели окровавленного Харуна. Девятнадцать осколков впились в его тело. Комбата отправили в госпиталь. Но не мог он там долго пролежать, и через несколько дней вернулся в батальон с незажившими ранами. Заживали они в новом походе.

В сентябре 1943 года, разгромив немцев под Курском и Орлом, очистив Левобережную Украину, советские войска вышли к Днепру.

В ночь на 22 сентября гвардейская танковая бригада, заместителем командира которой только что был назначен Богатырев, передовыми силами подошла к Днепру южнее города Переяслава-Хмельницкого.

Бригада все время шла в авангарде, пробивая вражескую оборону. Шла с боями какой уж день. Люди устали, боекомплект был на исходе.

Ночь. Остывает горячая броня остановившихся танков, разместились на отдых солдаты и офицеры. Но майору Богатыреву не до сна. Перед ним река, которую нужно форсировать. За успех операции отвечает он.

«Немцы не знают, какими силами мы вышли к реке, не ожидают, что мы будем с ходу форсировать Днепр—значит, нужно его форсировать немедленно, не дать врагу времени на подтягивание резервов из тыла. Надо переправиться через Днепр до утра,— решает Богатырев,— но раньше разведать, что есть у немцев на противоположном берегу, выявить слабые места вражеской обороны».

И вот четверо комсомольцев из мотострелкового батальона бесшумно входят в днепровскую воду и исчезают в ночной мгле.

У разведчиков две задачи: первая — выяснить систему обороны врага и вторая, не менее важная,—не переполошить фашистов. Иначе будет потерян очень важный козырь — внезапность.

На западном берегу то и дело вспыхивают ракеты. Изредка, ощупывая речную гладь и восточный берег, скользит луч прожектора. Но он не страшен. Танки замаскированы молодыми деревцами еще на подходе к Днепру, лагерь танкистов надежно спрятан у рощицы в ложине.

Звезды на небе разгораются все ярче, затем начинают бледнеть — скоро рассвет, самое удобное время для переправы, а разведчиков все нет. Неужели погибли?

Нет, не погибли! Живы и приказ выполнили. Вот они —

мокрые, дрожащие от ночного купания, веселые — четыре будущих кавалера ордена Славы.

Ефрейтор Иванов коротко и толково докладывает о результатах разведки. Он подтверждает возможность переправы, указывает места высадки и атаки.

— Молодцы, ребята!

Тишина не нарушается. Но мотострелковый батальон уже в боевой готовности. В воду опускаются плоты, бревна, понтоны. Офицеры быстро делают расчеты, уточняют данные по картам, и стволы танков разворачиваются на заданные цели. Если переправа стрелков будет обнаружена, их прикроет огонь танков.

В предрассветной мгле начинается переправа. Немцы спохватились, когда наши стрелки почти достигли западного берега. Ураганный огонь не мог уже их остановить.

Майор Богатырев переправился с первой мотострелковой ротой, собрал батальон в кулак, решительно атаковал и захватил опорный пункт гитлеровцев, погнав их от берега. Огонь танковых орудий расчищает дорогу наступлению, часть танков тоже переправляется.

Плацдарм на правом берегу захвачен и закреплен с небольшими потерями. Успех обеспечили и внезапность, и решительность действий, умение командира организовать взаимодействие пехотинцев и танкистов, непрерывность атаки, наращивание сил в ее ходе.

Огонь танков с восточного берега помог стрелкам разгромить немцев и захватить их позиции и опорные пункты. Пехота в свою очередь расчистила дорогу танкам, прикрыла их переправу на уже захваченный плацдарм, а затем совместно с танками, расширила плацдарм и обеспечила форсирование Днепра силами танковой армии и пехотных частей.

Это был боевой успех большого значения. Плацдарм южнее Переяслава-Хмельницкого создавал выгодные условия для развития наступления на Киев.

Гитлеровцы тоже понимали значение этого плацдарма. Днем и ночью они вели яростные контратаки, пытаясь если не опрокинуть советские войска в Днепр, то хотя бы любой ценой задержать их продвижение.

Относительное затишье наступило только через месяц. И все это время майор Богатырев не выходил из боя.

За умелую организацию форсирования Днепра, захват и закрепление плацдарма и личную храбрость, проявленную

в сражениях, Харуну Умаровичу Богатыреву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Его представляли к этому высокому званию два прославленных полководца Великой Отечественной войны — генерал армии Н. Ф. Ватутин и генерал-лейтенант, ныне маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко.

Перегруппировав силы, наши войска начали новое мощное наступление. 4 ноября 1943 года Богатырев снова повел в бой своих танкистов.

Удар был сокрушительный. 6 ноября наши войска освободили Киев, 7 — Фастов, 12 — Житомир.

В бою 9 ноября Харун Богатырев был ранен, но после перевязки остался в строю.

Не любит Харун Богатырев рассказывать о своих подвигах, а раны — они заживают. Пять раз он был ранен, семь раз горел в танке, но находил силы после перевязки и отдыха тут же на переднем крае снова идти в бой.

19 марта 1944 года газета «Известия» напечатала статью своего специального военного корреспондента С. Кригера, в которой рассказывалось о боевых делах Харуна Умаровича Богатырева.

«Я хотел бы,— писал военный корреспондент «Известий»,—чтобы все представили себе, что такое атака Харуна — глубокая, быстрая, направленная в тайники немецкого тыла. Он атаковал немцев не только днем, но и ночью, и однажды после ночного марша вышел к рассвету на участок, где встретила его целая свора «тигров», и немецкие танки били справа, немецкие минометы — слева, и с неба падали огневые волны шестиствольных немецких минометов, и Харун в предутренней мгле распылил свои пушки ежом: ствол первого танка налево, ствол второго — направо. Так шли его танки, и этот танковый артиллерийский еж продирался сквозь немецкую оборону, пока не вполз в городок, где в полном покое еще ночью жил, благоденствовал дом отдыха немецких офицеров и всякие их интендантства, и склады, и тыловой лазарет...»

Танковые удары Харуна Богатырева тем и отличались, что он до конца использовал в атаке скорость танков, их огневую мощь и таранную силу. Его целью было — быстрее достичь обороны врага или боевых порядков вражеских танков, опрокинуть их и гнать.

Действуя в авангарде, танкисты Богатырева пробивали в обороне врага небольшую брешь, в этот пролом потоком шли танки, пехота, артиллерия, мотоциклетные части, которые затем, словно океанский вал, сносили вражеские укрепления, гарнизоны, подходящие на подмогу соединения.

Как-то нужно было взять высоту, господствовавшую над местностью. Гитлеровцы укрепили ее, а для большей надежности в тылу спрятали резерв из тяжелых танков и самоходных установок.

Немцы уже привыкли, что удару наших войск предшествует гром пушек. На этот раз майор Богатырев начал атаку без артподготовки. В этом была военная хитрость. Для удара он собрал в кулак со своего и соседнего участка все, что мог, до противотанковых пушек включительно, и обеспечил превосходство над противником в силе огня.

Решились немцы атаковать наступающих во фланг, возможно им удалось бы отбить натиск, но они не разгадали замысла Богатырева. Их танки не успели занять выгодных позиций и были сожжены на гребне высоты. Попавшись на военную хитрость, враг потерял и высоту с ее гарнизоном, и бронетанковый резерв.

К Берлину танкисты Богатырева двигались с юга, бронированным клином раскалывая вражескую оборону. Ворвавшись в город, они несколько дней вели уличные бои. Это были ожесточенные сражения, в которых с исключительной яркостью проявились храбрость советских солдат и умение командиров.

И вот над рейхстагом затрепетало на ветру алое знамя победы. Берлин пал.

Но еще не сдалась миллионная армия гитлеровцев, терзавшая братскую Чехословакию. Танковые соединения I Украинского фронта поворачивают на юг и совершают невиданный в истории бросок от Берлина к Праге.

Утром 9 мая 1945 года на помощь восставшей чехословацкой столице подоспели советские танкисты, в их числе были и танкисты гвардии подполковника Богатырева. Помощь пришла вовремя.

Злата Прага и ее жители были спасены.

В Праге на одной из площадей есть необычный памятник — на гранитном пьедестале высится советский танк Т-34. Это признательные пражцы подняли на пьедестал советский танк, первым подоспевший к ним на помощь.

После войны Харун Умарович Богатырев вернулся к любимому делу — воспитанию офицеров, был начальником курса Военной академии, где некогда учился сам, замещал начальника танкового училища.

В 1954 году в связи с болезнью он был уволен в отставку.

Сейчас часто в рабочих и студенческих клубах Ленинграда можно увидеть выступающего с лекцией, докладом или беседой высокого, уже поседевшего полковника в парадной форме офицера танковых войск. На груди полковника орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны, Александра Невского, Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» и другие. Над орденами и медалями сверкает Золотая Звезда.

Харун Умарович Богатырев рассказывает о героических подвигах советского народа в годы Великой Отечественной войны, призывает слушателей крепить мощь наших Вооруженных Сил, зорко стоять на страже мира. Слово Героя глубоко западает в сердца слушателей.

Коммунист Богатырев остается в строю строителей новой жизни, дорогу к которой ярким светом освещает новая Программа партии, принятая историческим XXII съездом КПСС.

*Андрей Андреевич
ЕНЖИЕВСКИЙ*

ИСТРЕБИТЕЛЬ ТАНКОВ

ел третий год войны. Фронт стоял на Миусе. Немецкие войска зацепились за эту маленькую речушку, надеясь удержать Донбасс. Приказ Гитлера гласил: Донбасс держать любой ценой. Потеря Донбасса — это потеря Украины, потеря надежды на победу.

Пока фюрер воплем отчаяния пытался поднять упавший дух своих вояк, наши войска на Миусе готовились к новому наступлению. В части шло пополнение.

В один из майских дней 1943 года новая группа солдат прибыла и в 492 истребительный противотанковый артиллерийский полк, занимавший позицию на Миусе. Среди прибывших был рядовой Андрей Енжиевский.

У немногословного и неторопливого новичка оказалось замечательное качество — зоркий глаз. На боевых учениях Енжиевский первым-вторым снарядом поражал и неподвижные и движущиеся цели. Несмотря на кажущуюся медлительность, у панорамы, поворотного и подъемного механизмов пушки он управлялся быстрее других.

— В лет бьет, чертов сын! — восхищались бывалые артиллеристы.

Командир батареи капитан Карминский одобрительно поглядывал на ловкого солдата, но от похвал воздерживался.

— Истребителю танков мало иметь твердую руку и меткий глаз. Нужна стальная воля и железное сердце, — любил повторять он. — Храброму пушкарю танк не страшен. Ты начинаешь бой с закрытой позиции — это твое преимущество.

Танк бьет с хода, его трясет; снаряды—один туда, другой—еще дальше, а ты ведешь прицельный огонь. Умей выбрать и оборудовать позицию, стой у пушки, точно ты врос в землю, на один вражеский выстрел отвечай двумя. Если дрогнешь — ты пропал, выстоишь — победил.

На учениях командир батарен не часто вдавался в объяснения. Он обычно учил подчиненных по принципу: «делай, как я». Пушка в руках офицера, казалось, сама отыскивала цели и поражала их.

Капитана Карминского солдаты любили за простоту, в которой придирчивая требовательность к подчиненным сочеталась с душевной заботой о каждом, за умение стрелять, за храбрость в бою.

Много лет прошло с того времени. Траншеи и воронки на полях сражений осыпались, поросли травой. Имена многих боевых товарищей забыты, но своего первого фронтового командира Андрей Андреевич Енжиевский будет помнить всю жизнь.

* * *

18 августа 1943 года юго-западнее Луганска наши войска начали наступление. В итоге ожесточенных пятидневных боев глубоко эшелонированная оборона немцев была прорвана. Гитлеровцы пытались мощными контратаками остановить наступление. В одну из таких контратак на узком участке фронта они двинули в бой более 60 танков.

Советские артиллеристы подпустили «тигров» и «пантер» на 300—400 метров, выкатили пушки из укрытий и открыли огонь прямой наводкой по орудийным башням и гусеницам. Башни заклинивались, гусеницы лопались, танки начинали вертеться, подставляя под огонь свои бока.

Контратака была отбита. Потеряв половину машин, гитлеровцы повернули назад. В этом бою орудийный расчет, где наводчиком был Енжиевский, подбил и поджег четыре танка.

Вручая после боя стойким и умелым воинам правительственные награды, командир полка подполковник Подопригра поздравил награжденных и, особо выделив Енжиевского, сказал ему:

— Ты заслужил свою первую награду — медаль «За отвагу». Ты сам убедился, что и хваленые немецкие «тигры» слабее тебя. А если будешь бить с более коротких дистанций, никакой танк не пройдет...

Призывы Гитлера не помогли. Оборона немцев на Миусе была прорвана, наши войска освободили Донбасс и с боями двинулись дальше на запад.

В конце сентября 1943 года дым и пламя встали над рекой Молочной. Берега спокойной реки сотрясались от грохота канонады. Гитлеровцы сопротивлялись ожесточенно и на некоторых направлениях сумели отразить атаки советских войск. Но южнее Мелитополя наши войска добились успеха и глубоко вклинились в оборону противника. Командование 4 Украинского фронта перебросило в район Мелитополя части стрелковой армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера, усилив их танковым и кавалерийским корпусами. В составе этой армии наступали и артиллеристы подполковника Подопригоры.

Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Оборона гитлеровцев трещала по всем швам. Но враг был еще силен, имел резервы и сопротивлялся отчаянно. Его контратаки следовали одна за другой. Немецкие траншеи и опорные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

17 октября на участок 492 противотанкового полка обрушилось около 40 танков и свыше батальона вражеской пехоты. Немцы пытались вернуть утерянные накануне позиции.

Бой начался перед рассветом. Расчет немцев был прост: советские артиллеристы не смогут вести губительный прицельный огонь в ночной мгле. Но это не застало наших воинов врасплох. Они открыли огонь «по звуку», по грохоту моторов и лязгу гусениц, осветили поле боя ракетами и прожекторами.

Несколько раз советские стрелки и артиллеристы отбивали врага гранатами, штыками и прикладами. Некоторым немецким танкам удалось прорваться через наш передний край, однако их быстро остановили пехотинцы.

Особенно яростной была последняя в этот день атака гитлеровцев.

Более 60 танков и полк пехоты стеной огня и стали пошли на наши позиции. Немецкая дальнобойная артиллерия вела ураганный огонь, боевые расчеты наших противотанковых батарей понесли тяжелые потери.

Впоследствии подполковник Подопригора говорил своим бойцам:

— Тому, кто этот бой выдержал, уже ничего не страшно. В этом сражении Енжиевский показал исключительную стойкость и мужество.

Были убиты командир взвода и командир орудия. Енжиевский остался один со вторым номером. На орудие ползли четыре танка. Енжиевский подпустил их метров на сто и в упор расстрелял два танка. Остальные два повернули назад, но один из них вскоре развернулся и открыл огонь.

Орудие вышло из строя. Раненый Енжиевский подполз к танку и забросал его бутылками с горючей смесью.

1 ноября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР младшему сержанту Енжиевскому было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда за образцовое выполнение боевых заданий командования по прорыву сильно укрепленной полосы немцев, освобождение города Мелитополя и проявленное при этом геройство.

* * *

После взятия Мелитополя начались бои за Сиваш и Перекоп.

Сержант Андрей Енжиевский участвовал только в первых боях за освобождение Крыма, уничтожив за это время десятков вражеских дзотов и около 60 гитлеровцев.

Вскоре понесший потери противотанковый полк был отведен на переформирование, а когда снова стал полнокровной, грозной боевой силой, командира орудия Енжиевского вызвали в штаб и вручили предписание на фронтовые курсы младших лейтенантов.

В феврале 1945 года уже в погонах младшего лейтенанта Енжиевский догнал свой полк на I Белорусском фронте. Из старых воинов остались немногие. Для молодых артиллеристов Енжиевский был живой историей боевого пути полка.

Полком командовал гвардии подполковник Плешаков, молодой, но бывалый офицер.

— Идем добывать врага,— сдержанно встретил он младшего лейтенанта,— принимайте свой взвод. Имейте в виду — калибры не те, покрупнее. И запомните: вы офицер. Отвечаете и за взвод и, как командир взвода, за батарею. На вас будут равняться, будьте образцом для полка.

Полк, в котором воевал Енжиевский, с тяжелыми боями прокладывал путь к Берлину. Сражения в Польше, прорыв обороны немцев восточнее Штаргарда, выход к Балтийскому морю в районе крепости Кольберг.

— Возле Кольберга мы рассекли померанскую группировку немецких войск,— вспоминает Андрей Андреевич,— и пришлось нам воевать с гитлеровскими военными кораблями. Они начали эвакуацию разбитых частей, а мы выкатили пушки на прямую наводку и устроили им настоящую баню...

Затем штурм немецких укреплений на западном берегу реки Одер.

И вот, наконец, Берлин...

Это произошло утром 30 апреля. Бой не затихал всю ночь. Улицы фашистской столицы были засыпаны битым кирпичом, загромождены баррикадами. Многие дома горели. Город был окутан дымом. Непрерывно гремели орудия. С грохотом валялись стены многоэтажных зданий. Земля дрожала и гудела.

Гитлеровцы цеплялись за развалины домов, вели огонь из окон верхних этажей, с чердаков. На перекрестках улиц в садах стояли немецкие танки и тяжелые самоходные орудия.

Самоходная пушка «Фердинанд» своим огнем задерживала продвижение нашей пехоты и артиллерии.

Поднявшись на второй этаж полуразрушенного дома, Енжиевский быстро оценил обстановку. В лоб наступать — значит идти на верную гибель. Надо выйти во фланг или в тыл немецкой засаде. Решение было принято. Взорвав противотанковыми гранатами массивный каменный забор, наши артиллеристы на руках протащили пушку через двор и развернули ее на фланге немецкой самоходки в глубоком каменном подвезде.

«Фердинанд» маневрировал. Он то выдвигался вперед и стрелял, то, пятясь, уходил за баррикаду.

Енжиевский прильнул к панораме орудия и терпеливо ждал удобного момента. Вот «Фердинанд» снова пополз вперед. Обнажился его борт. Выстрел, второй... «Фердинанд» окутался черным дымом.

Енжиевский выстрелил в третий раз. «Фердинанд» дернулся и взялся огнем.

Енжиевский крикнул радисту:

— Сообщи в штаб — дорога свободна!

А Берлин горел и рушился. Над городом нависли тяжелые тучи. Орудийный гул не смолкал. Гитлеровцы взрывали здания, чтобы преградить путь советским танкистам и артиллеристам.

В этот же день взвод Енжиевского уничтожил еще один немецкий танк и вышел к укрепленному району фашистов, который вскоре был разгромлен.

В боях за Берлин Андрей Енжиевский заслужил орден Александра Невского. Это было признание его заслуг как офицера.

* * *

В июне 1946 года Енжиевский был уволен в запас.

Обращаясь к строю увольняемых в запас, командующий говорил:

— Со славой и победой возвращаетесь к семьям. Не забывайте товарищей, которые сражались рядом с вами и пали, в боях за Родину. Сынам и внукам расскажите, как били и разбили фашистов, как брали Берлин. Так расскажите, чтобы и младенец понял: стояла и стоять будет вечно земля наша необъятная! А тот, кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!

В сердце принес эти слова из Берлина домой, в Карачаево-Черкессию, в родное село Спарту Герой Советского Союза Андрей Андреевич Енжиевский.

Дмитрий Александрович
СТАРИКОВ

ЧЕРНОМОРСКИЙ ОРЕЛ

Первого мая 1921 года население села Киста Дивинского района Ставропольского края прибавилось на одного человека: в семье Стариковых родился еще один сын. Ему дали имя Дмитрий.

Маленького Димку любили и баловали. Но когда ему исполнилось двенадцать лет, он стал сиротой — умерли отец и мать.

Дмитрий жил то у брата Григория, то у брата Василия на ферме № 1 совхоза «Кавказский» в Карачаево-Черкесии. Третий брат — Иван — ничем помочь не мог: отслужив действительную в армии, он пошел учиться в техникум.

В 1936 году Василий умер. На плечи Григория легли заботы о его семье. Дмитрий оказался беспризорным. Большое участие в его судьбе приняла учительница школы совхоза «Кавказский» Мария Тимофеевна Ласкова. Она добилась, чтобы Димка был определен в интернат, взят на полное обеспечение совхоза и возобновил учебу.

Если посторонняя женщина может заменить родную мать, то такой женщиной для Дмитрия Старикова стала Мария Тимофеевна. Много душевных сил потратила она, пока вывела озорного мальчишку на правильную дорогу. Она же помогла Димке поступить в Черкесский аэроклуб.

Черкесский аэроклуб не зря считался одним из лучших на Северном Кавказе. Многие его питомцы стали летчиками.

В Черкесске и его окрестностях редкий мальчишка мог оставаться равнодушным, слыша гул плывущих в небе ма-

леньких учебных самолетов аэроклуба. На аэродроме всегда толпились непоседливые босоногие «авиаболельщики». Они скопом бросались выполнять любое поручение старших и гордо считали себя здесь «своими людьми», с замиранием сердца ожидая дня, когда удастся полететь.

Димка Стариков от своих сверстников отличался разве только тем, что на аэродроме пропадал больше других и чаще надоедал начальнику:

— Примите в аэроклуб!

Начальник аэроклуба улыбался:

— Когда подрастешь — приходи...

Подрос Димка и пришел. Пришел и принес в сердце заветную мечту — стать во что бы то ни стало летчиком!

Первый самостоятельный полет он совершил в 1939 году на самолете У-2 над школой-семилеткой совхоза «Кавказский», где в это время шли выпускные экзамены.

Дмитрий Стариков, конечно, имел немало оснований покружить над школой: надо было показать свои достижения любимой учительнице Марии Тимофеевне, похвастаться перед Марусей Котовой — подругой и будущей женой, которая училась вместе с Дмитрием и теперь сдавала экзамены, повеселить друзей.

Видимо, слишком усердно кружился Стариков над школой, потому что начальник аэроклуба дал ему после этого такой нагоняй, который запомнился надолго.

В том же 1939 году по путевке Черкесского райкома ВЛКСМ комсомолец Стариков, успешно окончивший и школу-семилетку, и аэроклуб, был зачислен в военно-морское авиационное училище. А через два года он стал пилотом-истребителем, и ему было присвоено звание сержанта.

Летчик-инструктор лейтенант Акулов, аттестуя своего питомца, отмечал:

«Энергичен, имеет силу воли, решителен, смел, сообразителен, находчив, способен ориентироваться в сложной обстановке, правильно оценивает ее, оперативно-тактическая подготовка хорошая, военно-морское дело знает, умеет сочетать теорию с практикой, техника пилотирования отличная».

Выпуск молодых пилотов состоялся 15 июня 1941 года. 19 июня Стариков был уже в своей части, а через три дня началась война. Дмитрию не терпелось получить истребитель, но получил он его не скоро, почти через год, а пока летал на У-2, УТ-1 и других легких самолетах, выполняя поручения по связи, транспортировке раненых. Ночами вылетал

на бомбежку. Правда, вскоре он уже летал на штурмовике, отличился при налете на немецкие войска в районе Перекопа и заслужил первую боевую награду — орден Боевого Красного Знамени. Но штурмовик все же не истребитель, и Стариков с завистью посматривал на товарищей, взмывавших в небо на быстрокрылых «ястребках».

— Не горюй, Димка,— шутили друзья,— ты ведь родился в хороший день, под счастливой звездой, тебе повезет.

Весной Старикову действительно повезло. Ему присвоили звание младшего лейтенанта и дали истребитель.

Это было трудное время. Гитлеровцы захватили Крым и развернули наступление на Волгоград, Кубань и Ставрополье. Их авиация бомбила приморские базы и города Кавказа.

17 июля 1942 года в небе над Туапсе Стариков участвовал в первом воздушном бою.

В паре со своим другом Тащиевым он барражировал над портом.

— В облаках над вами звено «юнкерсов»,— зазвучали в наушниках слова команды с пункта управления.— Идите туда!

— Есть идти за «юнкерсами»! — ответил Стариков и стал набирать высоту.

Забравшись на 7 тысяч метров, пробив три слоя облаков и потеряв в них самолет Тащиева, Стариков чуть не столкнулся с «юнкерсом», до которого оставалась сотня метров. Стариков открыл огонь. Первая, вторая очередь, у «юнкерса» вспыхнул левый мотор, он завалился и нырнул в облака.

— Уйдет,— подумал Стариков, но разыскать немца в облаках было невозможно.

Уже на аэродроме, волнуясь, Стариков рассказывал:

— Подбил немца, а он в облака — и поминай, как звали...

Но вскоре посты наблюдения доложили, что горящий Ю-88 упал в воду в 100 метрах от туапсинского берега.

Так открыл свой боевой счет Дмитрий Стариков.

Немецкая авиация проявляла большую активность. Воздушные бои у Черноморского побережья были ожесточенными. Донесения подполковника Любимова—командира авиаполка, в котором служил Стариков, рассказывают о храбрости и исключительном мастерстве молодого аса. С 6 августа по 5 сентября 1942 года в воздушных боях в районе Туапсе Дмитрий Стариков сбил шесть немецких самолетов типа ХЕ-111, один Ю-88 и один Фокке-Вульф-189.

И каждый раз, возвращаясь с победой, Дмитрий Стариков делал над аэродромом «горку». У летчиков это был сигнал, что сбит вражеский самолет.

Выбравшись из кабины, Стариков обнимал механика Макаренко, своего лучшего «земного» друга.

— Молодец, Гриша. Мотор работал здорово!

Налеты на Туапсе для немцев стали делом рискованным. Туапсинцы, видя наших истребителей в воздухе, говорили: — «Ястребки» поднялись. Немцев можно не ждать.

Уверенность жителей Туапсе в силе нашей авиации во много раз возросла после того, как Стариков со своими товарищами устроил воздушное побоище большой группе гитлеровских бомбардировщиков, прикрытых истребителями.

Этот короткий, но жаркий бой над морем наблюдал, пожалуй, весь город Туапсе. Буквально в течение нескольких минут три немецких бомбардировщика, объятые пламенем, упали в бухту, четыре повернули обратно, причем два из них потянули за собой дымные хвосты. Удрали и истребители.

Наши «ястребки», снизившись, прошли над крышами Туапсе, приветственно покачивая крыльями.

Вскоре Дмитрия Старикова назначили командиром звена, присвоили звание лейтенанта.

Звено Старикова с 1 января по 15 ноября 1942 года совершило 471 боевой вылет, провело 43 воздушных боя, в которых сбило 18 самолетов противника, потеряв одну свою машину.

Стариков прикрывал с воздуха Новороссийск, Севастополь, Поти. Летал он на предельные дистанции и возвращался на аэродром нередко с пустыми бензобаками. И это на колесном самолете, над морем, с полным сознанием того, что посадка на воду означает верную гибель.

Стариков вступал в бой даже тогда, когда бензина и боеприпасов было в обрез.

Однажды, возвращаясь на аэродром, Стариков заметил немецкий бомбардировщик, который делал заход, чтобы атаковать наш эсминец в море. Стариков изменил курс и через несколько секунд своим излюбленным ударом по кабине перебил «юнкерс» пополам. Он упал в воду, подняв столбы брызг в сотне метров от эсминца.

Моряки прислали в авиаполк благодарственную телеграмму с необычным адресом: «Летчику, сбившему Ю-88 над нашим эсминцем».

...Осенью 1943 года войска Северо-Кавказского фронта,

завершив разгром немцев на Таманском полуострове, начали бои за Крым. Через Керченский пролив двинулись советские баржи и корабли. Прикрывая их, в небо поднялись краснозвездные самолеты.

Группа истребителей во главе с Дмитрием Стариковым уже собиралась возвращаться на аэродром — кончалось горючее,— но с пункта управления сообщили:

— Идут бомбардировщики противника, будьте внимательны!

Стариков набрал высоту и сделал круг. Горючее было на исходе, но позволить немцам безнаказанно бомбить наши войска — этого летчик допустить не мог.

Еще круг. Над облаками кильватерным строем шли семь «юнкерсов». Это были новейшие немецкие машины, вооруженные каждая двумя 37-миллиметровыми пушками.

Атаковать «юнкерсов» в лоб было рискованно, но времени на выбор лучшей позиции не оставалось.

— Атакуем все сразу! — приказал по радио Стариков и перевел истребитель в пикирование навстречу головному немецкому самолету. «Юнкерс» задрал нос и открыл огонь из обеих пушек, но Стариков не изменил курса и, подойдя к немцу на 30—40 метров, ударил залпом по кабине вражеского летчика. «Юнкерс» перевернулся и заштопорил вниз.

— Мы тоже двух склевали! — услышал Стариков в наушниках голос своего друга Виктора Щербакова — ведущего второй пары истребителей.

Пробив облака, советские летчики увидели, что четыре уцелевших «юнкерса» поспешно уходят на запад. Их прикрывал появившийся откуда-то «мессершмитт». Стариков настиг его и первой же очередью сбил.

Через два часа четверка истребителей Старикова снова была в воздухе. На этот раз она встретила с семью «юнкерсами» и десятью «мессершмиттами». Силы были неравными, однако Стариков приказал атаковать, первым пошел на головного «мессершмитта» и сбил его короткой очередью. Бой был недолгим, но упорным, потребовавшим исключительной выдержки и мастерства. Группа Старикова сбила три гитлеровских самолета, остальных обратила в бегство.

В этот день немцы в воздухе больше не появлялись.

Стариков доложил пункту управления:

— Я «Орел-21». За вылет сбили трех фашистов. Потерь нет. Возвращаемся на аэродром.

— «Орел-21», — ответил пункт управления, — «Орел-21», о

сбитых немцах знаю. Желаю таких же успехов и дальше. Поздравляю с победой и праздником.

Это было 6 ноября 1943 года, накануне годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Дмитрий Стариков выработал свою манеру боя. На предельной скорости он налетал на вражеский самолет и, пронесясь над ним или под ним в тридцати-сорока метрах, а то и ближе, давал залп всех огневых средств своего самолета по кабине вражеского летчика. Удар был точен, стремителен и неотразим. Промахов Стариков не знал.

Задуманный друг Дмитрия летчик Сурен Тащиев часто говорил:

— Черт знает, как оно у тебя получается. Раз — и немца нет. Мои немцы «трудовые». С иным и десяток минут возишься, а ты их лупишь с лету.

Сурен Тащиев, сам уже сбивший к этому времени 11 вражеских самолетов, знал, что говорил. Манера боя, «почерк» и боевой опыт Старикова изучались не только в истребительных авиаполках Черноморского флота, но и в других частях советской истребительной авиации.

В ноябре 1944 года газета Черноморского флота в статье «Воспитывать новых асов» писала: «Подвиги Героя Советского Союза Дмитрия Старикова известны всем воинам Черноморского флота. Он сбил в воздушных боях 21 вражеский самолет, в каждом бою снова и снова утверждая превосходство нашей авиации, наших летных кадров над вражескими».

Много материалов о боевом опыте славного воздушного воина печатала газета военно-воздушных сил Черноморского флота «Черноморский летчик».

Газета «Красный флот» в августе 1945 года поместила большую статью своего черноморского корреспондента «Воздушные бои Дмитрия Старикова», в которой подробно описывались и анализировались сражения советского морского орла в воздухе.

479 боевых вылетов совершил Дмитрий Стариков. Он провел 51 воздушный бой, 11 раз вылетал на разведку в глубокий тыл противника, более 30 раз штурмовал вражеские укрепления, потопил три немецких военных катера.

В воздушных боях Дмитрий Стариков не раз спасал своих товарищей. По великому закону братства советских воинов те отвечали ему тем же. Лучший друг Дмитрия — Сурен Тащиев погиб в волнах Черного моря, выполняя неписанный воинский закон: «Сам погибай, а товарища выручай».

Стариков и Ташиев дружили еще в военном училище. В огне боев их дружба стала еще сердечнее, крепче. Стариков был ведущим и прикрывал друга от атаки в лоб. Ташиев был ведомым и оберегал Димку от удара с тыла. Оба были бывалыми, закаленными воинами. Сурен Ташиев дважды горел в самолете, тонул в море, его лицо все было в боевых шрамах. В мужестве и отваге Дмитрий Стариков и Сурен Ташиев не уступали друг другу.

Корреспондент газеты «Красный флот» И. Бару так описывает последний совместный бой Старикова и Ташиева с немцами. Бару писал по свежим следам и взволнованно рассказал об этом бое.

...Случилось так, что Стариков и Ташиев остались вдвоем прикрывать задержавшуюся над целью пару наших пикирующих бомбардировщиков. Шесть «мессершмиттов» наседали на черноморцев. Стариков и Ташиев дрались как львы — лучшего сравнения здесь не подыскать. Упал на землю один «мессершмитт», сраженный Дмитрием Стариковым, второго, пытавшегося прорваться к пикировщикам, свалил Сурен Ташиев. Третий немец зашел в хвост Старикову, еще секунда и..., но эту секунду использовал не немец, а Ташиев: «мессер», получивший солидную порцию снарядов, свалился на крыло и пошел вниз. В этот момент, неизвестно откуда взявшийся «фокке-вульф-190», поджег машину Ташиева. Стариков рванулся на помощь, но было уже поздно...

Остервеневшие немцы набросились на Старикова с утроенной злобой. Горючее было на исходе. Пикировщики ушли уже далеко на свою территорию. Надо было уходить и Старикову.

В одиночестве возвращался на родной аэродром Дмитрий Стариков. Он не мог ответить на запрос с пункта управления: «Сообщите, где ваш ведомый?» Он плакал. Летел домой прославленный черноморский истребитель, человек, о мужестве которого ходили легенды, и так велики были его скорбь и боль, что он не мог сдержать своих слез.

Стариков написал отцу Сурена Ташиева о гибели его сына и получил ответ. В нем старик-отец, во имя дружбы двух черноморских орлов, просил Дмитрия, который потерял родителей в 1933 году, быть его названным сыном и приглашал в гости.

С этим письмом Дмитрий Стариков не расставался никогда, носил его в кармане гимнастерки вместе с партбилетом и

тогда же нарисовал на дверце кабины самолета алое сердце, сердце друга, которое прикрыло его в бою.

Потеряв в бою Сурена, Стариков совсем забыл об осторожности, сдержанности. За это его по-дружески осуждали товарищи, строго «песочили» старшие командиры. Дмитрия любили и старались, как могли, предостеречь.

Был такой случай. Дмитрий Стариков и Виктор Щербаков (впоследствии Герой Советского Союза) возвращались на аэродром после конвоирования наших кораблей. Они далеко разошлись, надеясь обнаружить противника. И вдруг Стариков увидел: четыре «мессершмитта» пикировали на какую-то цель. Увидел и цель — рыбацкое суденышко. Немецкие самолеты один за другим обрушивали ливень крупнокалиберных пуль и снарядов на маленький баркас. Баркас, маневрируя, уходил от огня, но самолеты снова и снова коршунами падали на него.

Старикову показалось, что он видит в баркасе косынки женщин и фигуры подростков. Да и какие рыбаки в 1943 году в прифронтовой зоне могли еще быть?

Чтобы отвлечь «мессершмиттов» на себя, Стариков открыл огонь издалека. Так он никогда бой не вел, но нужно было спасти рыбаков. «Мессершмитты» развернулись и пошли в атаку. Расстреляв боезапас, разъяренный безнаказанностью воздушных бандитов, Стариков стал гоняться за ними, пытаясь протаранить хоть одного. А те, увертываясь, осыпали его пулями.

Плохо бы пришлось Дмитрию, но подоспел Щербаков. Гитлеровцы поспешили очистить небо.

Стариков еле дотянул до аэродрома. На самолете не было живого места. Рассматривая пробоины, механики только головами покачивали:

— Ну и досталось. Как только долетел?

Рассказывать об этом бое Стариков не любил. Не желая подводить товарища (за «воздушные фокусы» Дмитрию и так попадало), помалкивал и Щербаков. Зато рыбаки чуть не месяц заваливали полк отборной кефалью и ставридой в знак благодарности за спасение.

Стариков искренне переживал, выслушивая суровые слова начальников, честно обещал драться спокойней, но стоило ему увидеть вражеский самолет, как боевой азарт вытеснял из его сознания все. Горячность чуть не стояла ему однажды жизни.

Летал он тогда еще с незабываемым Суреном. Самолет Сурина, сильно поцарапанный в схватке, раньше ушел на аэродром. Стариков оставался в воздухе. Командный пункт авиаполка засек мелодию марша летчиков. Дмитрий тихонько напевал:

Мы рождены, чтобы сказку сделать былью...

Песня вдруг прервалась. Стариков доложил по радио: — Четыре «юнкерса», один «фокке-вульф». Атакую!

Одного «юнкерса» Дмитрий сбил. Но сверху по нему неожиданно ударил «мессершмитт», и самолет Старикова, потеряв управление, вспыхнув, полетел в море.

Дмитрий успел выбраться с парашютом. Зная людоедские повадки немецких летчиков, расстреливавших парашютистов, он сделал затяжной прыжок и рванул кольцо почти над волнами. Подобрали его у берегов Сочи рыбаки. Осунившийся, злой лейтенант Стариков возвращался в часть с боевого задания пешком. Шел на аэродром сгорбившись, засунув руки в карманы, не поднимая глаз от земли.

Первым Старикова увидел его механик Григорий Макаренко — богатырь, простая и открытая душа, преданная своему командиру до самозабвения.

— Лейтенант... Дима... Живой!.. — сжимая Дмитрия в своих мощных объятиях, вскрикивал Макаренко. — Всем полком летали искать... Ах, как хорошо!

Командир полка, когда к нему явился с рапортом уже выбритый, щеголеватый молодой летчик, обнял Дмитрия.

— Ругать тебя надо. Ох, как ругать! Ведь опять полез один на дюжину. Без прикрытия. И в кого ты такой? — махнул рукой. — Не буду ругать! О бое на совещании доложишь сам. Да так, чтобы все поняли, в чем твоя ошибка. Поймите, лейтенант, вам многие подражают, особенно новички. Это может очень дорого стоить.

Дмитрий о бое рассказал честно.

Новый самолет он получил через несколько дней. Провожая Старикова и Ташиева в очередной полет, командир полка негромко сказал окружавшим:

— Орлы. Горячи, пожалуй, оба, а все же орлы!

Звание Героя Советского Союза Дмитрию Старикову было присвоено Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 января 1944 года за героизм и подвиги, проявленные при форсировании Керченского пролива — прикрытии с воздуха высадки десантных войск.

Дмитрию Старикову к этому времени не исполнилось еще и 23 лет, летчиком-истребителем он летал всего полтора года.

— Везет тебе, Дима,— говорили дружки-летчики.— Твоя счастливая звезда приобрела золотую оправу. Немцы, завидев твой самолет, бегут, словно зайцы...

— В том-то и беда, что бегут,— отвечал Стариков.

Дмитрию Старикову все чаще приходилось сопровождать наши бомбардировщики, и он, помня гибель Сурена Тащиева, героически прикрывал их в воздухе.

— Таковую бы няньку да в детстве,— посмеивались летчики-бомбардировщики.— Ни одной бы шишки не было...

В октябре 1944 года в дополнение к ордену Ленина, трем орденам Красного Знамени и Золотой Звезде Героя старший лейтенант Дмитрий Стариков был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Командир полка, уже завоевавшего гвардейское знамя и почетное наименование Николаевского, Герой Советского Союза подполковник Денисов, опытный воздушный ас, писал, представляя Дмитрия Старикова к пятому ордену:

«Неоднократно вода группы истребителей прикрытия, старший лейтенант Стариков, не страшась преобладающего числа противника, отлично выполнял задания командования. В проведенных боях показал себя смелым и отважным воздушным бойцом-истребителем, воюющим не числом, а умением».

О подвигах гвардии старшего лейтенанта Старикова Политуправление Черноморского флота выпустило специальную фотолитовку.

Дмитрий Стариков вскоре был направлен на учебу. Через месяц он вернулся в часть.

— Мое место в строю,— доказывал он командиру полка,— я должен летать!

Командир полка встретил Старикова необычно сурово. Причины были. Еще жива была память о погибшем в неравном бою командире дивизии летчике Герое Советского Союза полковнике Токареве. Командование флотом приказало: сохранить драгоценный боевой опыт асов, летчиков-героев, посылать их на учебу или назначать инструкторами — пусть учат других.

— Я против излишней осторожности,— сказал командир полка.— У меня тоже Звезда Героя. Ты сам знаешь, я заслужил ее не в штабе, а в небе. Но вы,— командир перешел на

официальный тон, — вообще не понимаете, что такое бой равными силами. Ввязываетесь в бой при пяти-шестикратном превосходстве немцев, вместо того, чтобы вызывать подмогу и бить наверняка, без ненужного риска. Ведь самолетов у нас сейчас больше, чем у фашистов, а немцы умудряются подлавливать горячие головы и нападают на одного, на пару звеньями и эскадрильями. Будете учить молодежь. Первый самовольный боевой вылет — и отправлю в тыл. Это приказ!

Дмитрию Старикову оставалось только ответить: «Есть выполнять приказ!».

* * *

После разгрома гитлеровской Германии гвардии старший лейтенант Стариков был рекомендован на учебу в Военно-воздушную академию, получил отпуск и отправился домой. Но в пути 2-го октября 1945 года его постигла нелепая смерть во время автомобильной катастрофы.

Хоронили двадцатичетырехлетнего морского орла воины родного истребительного полка.

Боевые друзья Старикова в некрологе о нем писали:

«Стариков начал Великую Отечественную войну рядовым пилотом-сержантом и закончил ее зрелым, мужественным офицером, помощником командира эскадрильи.

Подлинный русский богатырь Дмитрий Стариков никогда не боялся численного превосходства врага. Он действовал в бою смело, дерзко, расчетливо и всегда оказывался победителем. Стариков одним из первых воздушных воинов показал, насколько нерушимой и непобедимой может быть настоящая боевая дружба и взаимная выручка в бою. Истребитель-методист, он в каждом проведенном воздушном сражении тщательно изучал уловки и методы врага, противопоставляя им свою, новейшую, совершенную тактику.

«Погибни сам, но выручи товарища» — этот лозунг был для Старикова законом боя.

Гвардии старший лейтенант Стариков неумоимо передавал накопленный опыт молодым пилотам, воспитывая их подлинными мастерами воздушного боя.

Безвременно, в полном расцвете творческих сил ушел от нас прославленный воин, верный сын Родины, воспитанник Коммунистической партии. Светлая память о смелом соколе Герое Советского Союза Дмитрии Старикове вечно будет жить в наших сердцах».

Большое сердце было у Дмитрия Старикова. Честное, верное, горячее. Люди с такими сердцами завоевали победу. Сейчас они побеждают космос.

И друзья у Старикова были подстать: Сурен Тащиев, Виктор Щербаков. Оба погибли. Нет с нами и светловолосого, сероглазого, веселого и злого в драке Димки. Но советские соколы летают и будут летать лучше всех. Родина щедро наделяет своих сынов орлиными крыльями.

Виктор Петрович
ЛЕОНОВ

ПОДВИГИ РАЗВЕДЧИКА

Товарищ майор...

Военком оторвал от бумаг усталые глаза, по-морщился:

— Опять ты, Леонов? Сто раз говорил тебе: семнадцатилетних на фронт не берем!

— Так вы же набираете в училище. Туда и мне можно, — в голосе Леонова звучали и просьба, и обида. Майор, взглянув в озорные глаза этого вихрастого паренька, рассмеялся:

— Ну и дотошный же ты. Прямо хоть в разведку посылай.

Но прежде чем стать разведчиком, Леонов попал в военное училище.

Условия того времени заставили выпуск курсантов произвести досрочно.

...В центре четкого курсантского строя — начальник училища с офицерами штаба. Начальник зачитывает приказ об окончании училища.

Строй стоит не шелохнувшись. Большинство курсантов — выпускники средних и семилетних школ: ясные мальчишеские глаза, комсомольские билеты в карманах гимнастеров. Им бы еще учиться да учиться, но парней позвала на ратные подвиги война, и у каждого одна мечта — быстрее попасть на фронт.

— Окончившим училище с отличием курсантам объявляю... — чеканит слова начальник училища, — Леонову Виктору Петровичу — благодарность!..

Вот и закончились трудные, но веселые курсантские дни. А дальше — воинский эшелон с песнями и очередями за кипятком; шумные, переполненные людьми вокзалы; затемненные, без единого огонька ночью города и села.

106-я разведрота располагалась в заросшей кустарником балке. Разведчики вырыли по ее склону глубокие пещеры с извилистыми ходами и чувствовали себя, словно в крепости: здесь не страшен был ни артиллерийский обстрел, ни бомбежка. У дна балки, рядом с пещерой командира роты, расчищенная площадка. На ней по вечерам проводятся политинформации, построения, выступают доморощенные, но от этого не менее желанные артисты самодеятельности, здесь же разведчики режутся в шашки и шахматы, пробуют друг на друге силу и ловкость. Парни, естественно, увлекаются приемами самбо, боксом.

Короче говоря, эта площадка служила и плацом, и клубом, и спортивным залом.

На площадке командир разведроты старший лейтенант Чуев выстроил пополнение — десяток солдат. Среди них один выделялся новеньким обмундированием и какой-то лихой подтянутостью. В его петлицах — знаки различия сержанта.

— Сержанты и старшины, два шага вперед! — командует Чуев.

Из строя выходит этот подтянутый. Сделав два шага вперед, он легко поворачивается через левое плечо лицом к строю и по привычке докладывает:

— Курсант Леонов...

Командир роты хохочет.

— Нет, друг, врешь, ты уже не курсант, а сержант. Но отделение я тебе дать не могу. Пойдешь в первый взвод, вроде бы на стажировку. А дальше видно будет.

Легко и просто вошел Виктор Леонов в отчаянную семью войсковых разведчиков. И сразу все заметили его удивительную наблюдательность, редкое даже среди бывалых фронтовиков самообладание, выдержку, исполнительность. Никто не удивился, когда вскоре Леонов был назначен командиром отделения.

Разведка — это глаза и уши армии. Разведчики несут службу днем и ночью.

Виктору Леонову нередко приходилось, взобравшись на огромную сосну или притаившись на нейтральной полосе, от восхода до захода солнца просматривать, а ночью прослушивать передний край обороны противника. Он быстро овладел

основами немецкого языка, часто подползал к вражеским огненным точкам так близко, что слышал негромкие голоса дежуривших обычно парами гитлеровских часовых.

Однажды из неторопливой беседы двух немцев он понял, что предстоит замена частей. Это и само по себе представляло для командования интерес. Но, кроме того, еще и облегчало действия разведки: при смене частей на переднем крае всегда происходит путаница, солдаты из подошедшей части плохо ориентируются на местности, не знают своей системы обороны. Разведчики этого момента не упускают.

Так было и на этот раз.

Смену частей гитлеровцы начали на вторые сутки после полуночи. И только-только в траншеях улеглась приглушенная суматоха, шесть наших поисковых групп — от стрелковых полков и дивизионной разведроты — по заранее разработанным маршрутам проникли в траншеи немцев.

Немецкая дивизия пришла из Франции. Опыта позиционной войны солдаты не имели, понадеялись на проволочные заграждения и минные поля. «Улов» превзошел все ожидания. Было захвачено одиннадцать «языков», в том числе один офицер. Опрос вскрыл многое: боевой и численный состав дивизии, настроения ее солдат, даже оперативный план немецкого командования, готовившего на этом участке наступление.

Леонов участвовал в захвате пленных. Медалью «За отвагу» было отмечено его боевое крещение.

Поначалу Виктор Леонов зарекомендовал себя как мастер ведения разведки наблюдением. Посылая его в разведку, командир роты был уверен, что молоденький сержант высмотрит то, что другие могут и не заметить. А знать оборону врага очень важно: ведь отдавая боевой приказ, командир первым делом сообщает сведения о противнике, и чем эти данные полнее, тем легче врага бить.

Но вскоре Леонов «переквалифицировался» из разведчика-наблюдателя в специалиста по захвату «языков».

...Готовилось наступление нашего усиленного стрелкового корпуса. Главный удар намечался дивизией, в которой служил Леонов, ей и было приказано уточнить оборону и силы противостоящих частей врага.

Разведрота выслала две поисковые группы. Одна возвратилась, не выполнив задачи, — гитлеровцы стояли в обороне давно, потеряли немало солдат, захваченных нашей разведкой, и ухо держали востро. Второй группе, в которой был

Леонов, повезло. Она захватила немецкого часового с пулеметом. Довольные разведчики ушли на отдых. Через полчаса их вызвал капитан Чуев.

— Дело плохо, ребята,— сказал он.— Ваш «язык» немой. Не так чтоб уж совсем, говорить умеет, но твердит одно: «Не знаю, не знаю!» Толку от него, сами понимаете, что от дырявой немецкой каски. Поиск приказано повторить. Давайте по советуемся. Мое мнение — послать вашу группу в прежнем составе по второму маршруту.

Второй, запасной объект для нападения был выбран и разработан на случай неудачи при первой попытке. Готовила его группа Леонова. Естественно, что хотя эта группа уже и захватила «языка», итти в поиск предстояло ей.

— Разрешите доложить,— поднялся Виктор Леонов.

— Докладывай,— сказал командир.

— Прошу операцию поручить мне и Сукачеву. Мы вдвоем изучали местность и возьмем «языка» при разводе караула, за линией траншей. Смена караула — между тремя и четырьмя часами утра. Мы успеем. Группу прикрытия прошу оставить перед немецкой проволокой.

Чуев задумался. Но время подгоняло.

— Действуйте,— приказал он.— В группе захвата двое. Леонов и Сукачев, остальные — в группе прикрытия. Сегодня 15 марта. Восход солнца — около 7 часов, сейчас 2 часа ночи. На проведение операции — три часа, час — в резерве. К пяти утра я буду в группе захвата. «Языка» доставить не позже шести часов. Старший группы — Леонов.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Шесть фигур в белых масках растаяли в холоде мартовской ночи. Леонов вел свою группу бегом. Хотя передний край был всего за километр, нужно было экономить каждую минуту. Предупрежденное заблаговременно, наше боевое охранение пропустило группу. Дальше разведчики двинулись ползком.

Темное небо то и дело освещалось огнями ракет. Синие, зеленые, красные, они вспыхивали призрачным светом. Дежурные немецкие пулеметчики время от времени давали короткие очереди: трассирующие пули напоминали светлячков. Наш передний край молчал.

Оборона здесь стояла с зимы. Мин вроде бы и не должно быть, но, подползая к переднему краю, Леонов приказал товарищам двигаться след в след. Впереди полз Сукачев. Он

и сам хвастал да и все в этом были убеждены, что у него на мины особый нюх. В поисковых группах Сукачев всегда выполнял обязанности сапера.

Мин не оказалось, зато проволочное заграждение было в пять рядов. На проволоку гитлеровцы навешали консервные банки, пустые бутылки, старые проржавевшие каски и прочую звенящую дребедень.

Разведчики из группы прикрытия саперными ножницами перекусывают жолочую проволоку и растаскивают концы в сторону. Чуть слышно лязгают ножницы. Больше ни звука.

Леонов и Сукачев отдыхают. Их работа впереди.

Проход готов. Леонов и Сукачев уходят в расположение врага.

Медленно тянется время. Оставшиеся ждут. Разведчики — народ терпеливый. Но прошел час, идет второй, а Леонова и Сукачева нет. Что с ними?

Кругом тишина, разрываемая только хлопаньем ракетниц да методическим постреливанием немцев. Если бы что случилось, вспыхнула бы перестрелка. Советские разведчики живыми не сдаются.

Пять утра. словно вынырнув из сугробов, появляется Чуев. Ему все понятно и без доклада. Взглянув на светящийся циферблат часов, он молча делает жест, приказывающий разведчикам оставаться на местах.

Двадцать пять шестого. Со стороны немцев слышится легкий шумок. Что-то поскрипывает. Доносится шепот Леонова:

— Помогите! Их двое. Мы замучились...

Чуев посылает четырех солдат на помощь. Они быстро возвращаются, таща две темных фигуры.

— И впрямь тяжелые,— говорит, отдуваясь, один разведчик.

— А ты бы их проволоку километр, что б тогда сказал! — отвечает Сукачев.

— Разговорчики! — негромко, но резко оборвал Чуев.— «Языков» — волоком, сами по пластунски. Отходить! Леонов и Сукачев, прикрывать отход!

Небо еще не посветлело, когда разведчики, получив в виде поздравления дружеские шлепки по плечам от солдат боевого охранения, прошли свой передний край, развязали пленных и отправились в расположение роты, где уже ожидала автомашина. Чуев с «языками» уехал в штаб дивизии, бросив на ходу:

— Сержант Леонов! Вам с группой—сутки отдыха. Спать! Легко сказать — спать! Возбужденные разведчики расселись на площадке покурить, послушать рассказы Леонова и Сукачева.

— Не тяни, Витька,— подал голос один из самых нетерпеливых,— выкладывай!

Леонов был не из молчунов. Умел и анекдот сочинить, и пошутить, но о своих делах рассказывать не любил.

— Ей-богу нечего выкладывать,— отозвался он.— Трое их было, разводящий и двое часовых. Заднего часового убрали ножом. А двух мы дубинками по каскам. Симфонический концерт фрицам устроили.

— Этими, что ли? — указал один из разведчиков на увесистые короткие дубинки, обмотанные немецким шинельным сукном.

— Других у нас не было.

Дубинки эти в великой тайне от товарищей делал Сукачев. Подобрал дубовые поленья, мочил их в воде, тщательно выстругивал.

Секрет был раскрыт быстро. Вся рота стала потешаться над Сукачевым. Разведчики с самыми серьезными физиономиями предлагали способы автоматизировать дубинки, глубокомысленно заявляли, что это «экстраклассное универсальное оружие» безусловно годится «и против танков, а особенно против самолетов».

Сукачев в тон насмешникам отвечал:

— А что? Спробуем и против «юнкерсов»!

Поколебать невозмутимость этого немногословного, но напористого парня было невозможно.

О дубинках узнали в штабе дивизии.

Майор Назаров, начальник разведки дивизии, как-то беседуя с Чуевым, официальным тоном спросил:

— Говорят, у вас в роте, капитан, реактивные дубинки изобрели?

Чуев едва не проглотил только что закуренную папиросу, но ответил с самоуверенной небрежностью:

— Ребята для тренировки что-то мастерят...

— Ой, темнишь, капитан,— не выдержал официального тона майор.— Весь штаб надо мной потешается... А впрочем, ничего плохого я в этом не вижу. Наши приемы должны быть неожиданными для противника. Для действий в тылу твои «дубинки-реактивки». может быть, и подойдут...

! Для таких действий они и предназначались. Правда, Чуев

готовил поиск в тылу как запасной вариант — хотелось продумать его получше, но пришлось проводить спешно.

В роте существовало правило: каждый поиск обсуждался. Леонову пришлось перед всей ротой докладывать о боевом деле в тылу врага.

— Мы знали,— начал он,— время смены постов, маршрут движения. Но не знали, где пойдут немцы, по траншее или по тропинке. В траншее было грязно и сыро. Ночь темная. Я решил, что немцы пойдут по тропинке. У тропинки в 500—600 метрах от передовой мы устроили засаду. К передовой прошли три немца. Мы их не тронули. Их отсутствие было бы замечено, поднялась бы тревога. А когда к нам, тоже по тропинке, приблизились трое сменившихся, мы заднего убрали, двух остальных ударами дубинок сбили на землю, заткнули им кляпами рты и потащили волоком....

Разведка, как впрочем и другие боевые действия, не терпит шаблона. Никакие уставы не могут предусмотреть все необъятное многообразие действий на войне.

Умение каждый раз находить правильное решение поставленной боевой задачи быстро выделило Виктора Леонова среди его бывалых, получивших куда более крепкую фронтовую закалку товарищей. Выше среднего роста, плечистый, отличный мастер самбо, этот совсем еще юный паренек стал авторитетом в роте разведки. Его простота, непосредственность, дружелюбные шутки притягивали, словно магнит. А храбрость, исполнительность, готовность выполнить любой приказ были отмечены командованием. Леонов получил очередное воинское звание, фактически стал помощником командира взвода.

В сентябре 1943 года гвардейская дивизия подошла к Днепру и стала готовиться к фёрсированию реки.

Немцы много шумели о созданном на западном берегу Днепра «великом восточном вале», который, по их мнению, должен был стать непреодолимой преградой для советских войск. Гитлеровцы действительно создали на правом берегу реки мощные укрепления с сильными гарнизонами. Нужны были сведения о системе вражеской обороны и силах врага.

Чуев вызвал Леонова и приказал:

— К 5 часам утра взять с той стороны «языка». Лодок нет. На подготовку даю восемь часов светлого времени. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан!

Предстояло захватить «языка» с двойной переправой через широкую реку. Такой практики не было ни у Леонова, ни у других разведчиков роты.

Немца нужно было доставать на правом берегу Днепра. Лодок нет, — рассказывал позже об этом поиске в дивизионной газете сам Виктор Леонов. — Хотел было я спросить капитана, а как же перебраться? Да прикусил язык — такие вопросы солдаты да еще разведчики, задавать не должны. Получил приказ — сам решай, как лучше его выполнить.

Весь день мы в бинокли изучали участок, где предстояло брать «языка». Фашисты позиции свои замаскировали хорошо. Время у них было. Но мы все же определили траншеи противника, места, где у них должны быть часовые. Присмотрели себе удобный для захода немцам во фланг овражек. Ну и стали готовиться.

Наступила глубокая ночь. Подошли мы к Днепру. Вода ледяная. Притащили мы два корыта, в которых бабки белье стирают, сложили туда автоматы, «лимонки», финские ножи, обмундирование. Плыдем, корыта впереди толкаем. Ребята у нас были крепкие.

Вот уже под ногами дно. Вылезли мы, одели маскхалаты, в руки оружие и — вперед. Мы на земле, захваченной врагом, здесь каждый кустик таит смерть. Но дивизия ждет нас, надеется. Мыдвигаемся к высоте. Ночь — глаза выколи. Три-четыре шага сделаешь — прислушиваешься. Тишина такая, что даже биение сердца слышно. Пробрались вдоль выскочки по овражку, ползем дальше и снизу просматриваем выскочку — где-то здесь немецкий часовой. А вот и его силуэт вырисовывается на фоне неба. Немец идет в нашу сторону. Вот он рядом. Солдат Сукачев, мой всегдашний напарник, рывком бросается на немца, зажимает ему рот... и вонзает кинжал в грудь. Немец без звука падает на землю.

— Растяпа! — шепотом ругаюсь я. — Нас за «языком» послали, а не за мертвецом.

— Не удержался, товарищ старший сержант. — виновато шепчет Сукачев.

Но делать ничего. Ползем дальше — здесь окопы, немцы есть. Слышен храп — кто-то спит. Наверное, напарник убитого часового. Так и есть. Из амбразуры траншеи торчит ствол пулемета, немец спит рядом.

Двое из нас бросаются к немцу, зажимают ему рот и закутывают в одеяло. Немца спеленали, связали — и к реке.

На берегу развязали и приказали плыть впереди нас. Поплыл. В штабе дивизии он рассказал все, что было нужно. А на другой день наша дивизия двинулась через Днепр.

До того, как гвардейцы форсировали Днепр, Виктор Леонов шесть раз проникал в немецкий тыл, захватывал пленных.

Приходилось попадать и в весьма трудные положения. На рассвете 30 октября Леонов, разведывая оборонительные сооружения за передним краем противника, наскочил на целую группу вражеских солдат. Гранатами и огнем автомата он уничтожил четырех гитлеровцев, двух обезоружил и взял в плен.

Стрельба переполошила гитлеровцев. Они с минуты на минуту ожидали удара и, вероятно, решили, что советские войска пошли через Днепр. По реке ударили пушки и пулеметы, зашарили прожекторы. Переправа стала делом сложным. Леонов это учел и, уведя пленных дальше во вражеский тыл, до следующей ночи держал их в заброшенном сарае.

Сарай этот Леонов заметил и осмотрел еще раньше, совсем не думая, что он может пригодиться так скоро. Разведчик должен видеть и оценивать все. Возможно, что именно этот сарай спас Леонову жизнь, помог сохранить двух «языков». Когда наступило затишье, Леонов на захваченной у немцев лодке (а где они стоят и как охраняются — тоже было разведано заранее) переправил пленных через Днепр и доставил в свой штаб.

Разведчики как мастера ночных боев иногда используют для внезапных штурмов особо важных опорных пунктов.

Высота 177,0 в районе Куцеволовки была ключом немецкой обороны. Гитлеровцы держали ее упорно. Захватить высоту командование поручило разведчикам.

Ночью рота разведки бесшумно подползла к высоте. Когда до вражеских траншей оставалось десять-пятнадцать шагов, советские солдаты ринулись в атаку. Часовые были заколоты штыками, гарнизон перебит в дзотах и блиндажах.

Высота была захвачена, но гитлеровцы не могли примириться с этой потерей. На рассвете они предприняли контратаку.

— Оружия у нас было много, — рассказывал об этом бое Леонов, — и наше, и немецкое. Трофейные пулеметы мы сразу же повернули в сторону врага. А немецкое оружие все разведчики у нас знали так же, как и свое, отечественное.

Немцев мы подпустили близко и такой огонь открыли, что вражеские цепи словно ветром смело. Нас атаковало до пятисот гитлеровцев. Из них мало кто ушел. Перед высоткой враг оставил до 400 трупов. Но это было только начало. Через час на высоту пошло шесть немецких танков, на броне которых находились автоматчики. Наш пулеметный огонь быстро сбил немцев с брони. С танками дело оказалось сложнее. У нас не было ни пушек, ни противотанковых ружей; гранат и тех осталось только на крайний случай, бутылок с горючей жидкостью на всех и полдесятка не было. Грохоча гусеницами, ведя непрерывный огонь, танки взобрались на высоту и начали утужить окопы, в которых мы засели.

— Налетел немецкий танк и на мой окопчик,— вспоминал этот бой Виктор Леонов,— и давай крутиться надо мной, мять мой окоп. Грохот, гарь, пыль... Меня почти засыпало землей. Дышать нечем, но как только танк прошел, я вскочил и одну за другой швырнул две гранаты на бензобак. Танк загорелся. Из люка выскочили немцы — я их уложил из автомата. Бой на высоте шел жестокий. Связками гранат и бутылками с горючей жидкостью мы еще три танка подожгли. Но немецкая пехота уже накатывалась на высоту. Я схватил пулемет и стал стрелять длинными очередями по гитлеровцам. Вдруг страшный удар потряс меня, пулемет отлетел, я потерял сознание. Очнулся, смотрю: вновь идет на меня танк. Скорчился я на дне окопа, а танк наехал на мой окопчик гусеницей и разворачивается. Гусеницы скрежещут над самой головой, того и гляди сплющат в лепешку. «Ну,— подумал я,— конец. Раздавит меня чертов немец!»

— Но танк повертелся, повертелся и ушел — его водитель решил, видимо, что расправился со мной. Мой сосед Сукачев связкой гранат подбил танк, а затем поджег, подожгли мы совместным огнем и последний немецкий танк.

— На высоте было хуже, чем в аду. Немецкие танки горят — дым, смрад. Гитлеровцы наседают — гранатами нас забрасывают, но высоту мы так и не сдали. Пулеметы помогли. Отбили мы немцев. А к полудню подкрепление подошло — пехота с танками и противотанковыми пушками. Помогли мы стрелкам укрепиться на высоте, передали им позиции и трофейное оружие и пошли на отдых.

Командование дивизии, представляя Виктора Леонова к высокому воинскому званию Героя Советского Союза, отмечало:

«Гвардии старший сержант Леонов в боях с немецкими оккупантами при форсировании реки Днепр, завоевании и расширении Днепровского плацдарма вел непрерывную разведку противника, давая точные и важные данные о нем. Только в октябре 1943 года тов. Леонов захватил и доставил в штаб четырех контрольных пленных, лично уничтожил 11 гитлеровцев.

При наступлении на высоту 177,0 гвардии старший сержант Леонов первым поднял свое отделение в атаку, личным примером увлек за собой бойцов и первым достиг окопов противника. В бою уничтожил семь гитлеровцев. Под сильным огнем противника вынес с поля боя тяжело раненного солдата, спас жизнь своему товарищу.

При отражении контратак противника стойко вел губительный огонь, забросал гранатами и вывел из строя три вражеских танка».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года совсем молодому пареньку из Карачаево-Черкесии было присвоено звание Героя Советского Союза.

Орден Ленина и Золотую Звезду Героя гвардии старшему сержанту Виктору Леонову вручал Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР. Поздравляя награжденного со знаками высшего воинского отличия, он задержал взгляд на его по-мальчишески безусом лице, спросил:

— Доброволец, наверное? И годика два добавил себе, чтоб на фронт попасть? Давно воюешь?

— Доброволец,— смущенно ответил Леонов,— на фронте год.

— Орленок...— негромко произнес советский президент и задумчиво повторил: — Орленок...

Виктор Леонов, которому к тому времени исполнилось 19 лет, действительно был едва ли не самым молодым Героем Советского Союза.

* * *

В боях на Правобережной Украине Виктор Леонов был тяжело ранен. Товарищи вынесли его с поля боя, отправили в медсанбат. Из госпиталя он прислал боевым друзьям письмо.

«Лечусь и вроде начал поправляться. Скучаю без вас, хлопцы. Иногда бывает тяжело. Успокаиваю себя тем,

что много дорог исходил, много рек переплыл, много раз смерти в глаза смотрел, но уцелел. Выдержу и сейчас».

Это было его последнее письмо.

Из полевого госпиталя Виктор Леонов был отправлен в глубокий тыл. Связь с ним прервалась, и дальнейшая судьба его долго оставалась неизвестной. Только недавно удалось установить, что из госпиталя он вернулся на фронт, был тяжело ранен и умер от ран.

Дмитрий Иванович
ПАНЧЕНКО

ОН ИЗ РОДА ПАНЧЕНКОВ...

Панченки живут в Исправной со дня основания станицы. Уважаемая это семья. Хорошим хлеборобом и лихим казаком был дед Григорий. Два «Георгия» и военную медаль в боях против врагов Родины заслужил его сын Иван. Сейчас Ивану Григорьевичу 81 год. Чабанил он в колхозе имени XXII съезда КПСС тридцать лет. И премии, и грамоты за честный труд получал, и в Москву на выставку ездил. Сына и трех дочерей вырастил колхозный чабан.

Славного рода Панченков не посрамил и сын Ивана Григорьевича — Дмитрий Иванович.

Родился он в 1905 году, закончил в родной станице начальную школу, вступил в комсомол, учился на разных курсах, а потом работал в колхозе, в МТС.

С 1925 по 1927 год отслужил в стрелковом полку действительную. Домой вернулся коммунистом, помкомвзвода с двумя сержантскими треугольниками в петлицах, с доброй армейской закалкой.

Отец над сержантскими треугольниками сына вслух подшучивал, а в душе гордился. Старый вояка знал цену солдатским отличиям. Сам всю империалистическую не выходил из боев, а дальше командира отделения не поднялся.

— Дмитрий у меня по умственной части пошел, — говорит Иван Григорьевич, — ел и спал с книгой в руках. После действительной снова учился на курсах, а потом работал секре-

тарем сельсовета, заместителем директора МТС, председателем сельсовета.

13 августа 1941 года проводили исправленцы своего председателя на фронт.

— Ты там не очень-то вперед лезь! — напутствовал сына седой отец.

Дмитрий потемнел лицом:

— Вы, батя,— вежливо, но твердо ответил он,— домой со славой вернулись, я тоже позора на вашу голову не брошу. На войну иду. За нашу Родину. Прятаться за спины товарищей не буду.

— Та я ж и говорю, что долг сполнять надо,— засмутился отец.

Так и расстались они. Один — шестидесятилетний, а еще тонкий в талии и гибкий, не молодой, совсем уже не молодой, но еще далеко и не старик, и другой — в расцвете сил, чернобровый, кареглазый, плясун и весельчак, «огонь-парень», как называли его товарищи.

— Що ж, был такой разговор,— вспоминает Иван Григорьевич и голос его надламывается.— Не хотел я своему Дмитрию позора. Знал его горячку, упредить хотел, как старый солдат. Да не то сказал. Так и получилось: не то попрощались, не то поругались. Только он зла на меня не затаил. Понял: не я говорю — беда моя говорит.

* * *

Было это на Левобережной Украине. Немецкие дивизии все шли и шли. Слабым казалось, что нет им конца, что никакая сила не может остановить врага. Настоящие же воины знали, что такая сила есть. Эта сила — они сами, солдаты.

И чем дальше пробивался немецкий клин, тем яростней дрался сержант Панченко. В конце ноября 1941 года, отбросив контратакой полсотни гитлеровцев, Дмитрий Панченко с остатками своего взвода устремился на позиции вражеской батареи и захватил бы ее, но немцы успели выкатить пушки на прямую наводку и открыть огонь. Снаряд разорвался в пяти шагах. Сержанта сбило с ног, оглушило, засыпало землей.

Товарищи откопали его и вынесли с поля боя. Думали — убит, не хотели оставлять тело командира врагу на поругание. Оказалось — дышит.

— Тяжелая контузия,— определили на полковом медпункте.— В медсанбат, затем на эвакуацию.

Но крепко шиты кубанцы. Через неделю, слегка заикаясь, сержант прощался с врачами медсанбата.

— К вам меня и к-калачом не заманишь. Чего доброго— в тыл свезете. А мне там делать нечего,— и, переходя на кубанский говор, добавлял: — Треба Гитлеру хвист к-крутить. Бывайте!

Яростная ненависть к врагу горела в сердце кубанского казака. Дома остались жена, дочь-школьница, сынишка. Сердце рвалось домой, но разум говорил: путь домой лежит через Берлин.

Воином Дмитрий Панченко был отважным. Смело ходил в рукопашные, в дни затишья уничтожал гитлеровцев из снайперской винтовки. Стрелял Панченко великолепно.

Был он и умелым командиром. В стрелковой дивизии взводами в ротах автоматчиков командовали обычно офицеры. И только одному сержанту доверили взвод автоматчиков. Этим сержантом был Дмитрий Панченко.

Полк Дмитрия Панченко после тяжелых боев в августе 1942 года был отведен на переформирование во второй эшелон армии. И тут было получено сообщение Совинформбюро о том, что немцы захватили Ставрополье.

Панченко явился к командиру полка с рапортом:

— Прошу отправить на передовую!

Командир полка подполковник Короленко, глядя в сведенное судорогой лицо сержанта (контузия давала себя знать), нашел слова, которые дошли до сердца фронтовика.

— Всем нам это горе, товарищ сержант. Горе! Но отпустить вас я не имею права. К нам идет необстрелянное пополнение. Его надо обучить, чтобы каждая винтовка насмерть разила врага. Этому могут научить только фронтовики. Только люди, у которых сердца запеклись кровью от ненависти к врагу. Поймите меня, Дмитрий Иванович. Чем скорее подготовим людей, тем быстрее пойдём в бой. Чем лучше подготовим, тем быстрее добьемся победы. Идите, товарищ сержант.

В боевой учебе Панченко не жалел ни себя, ни подчиненных. Занимался с каждым. Приказывал десятки раз повторять ружейные приемы, заставлял солдат копать окопы и противотанковые препятствия.

Копая контрэскарп в тылу, на направлении, где вражеские танки появиться никак не могли, солдаты взвода зароптали, так как работа показалась им бессмысленной, и стали тянуть волюнку.

Командир взвода был где-то в тылах, заботился о боекомплекте.

Пришел, подал команду:

— Взвод, в одну шеренгу становись!

Бросив лопаты, солдаты заняли свои места в строю.

Не говоря больше ни слова, сержант спрыгнул в ров, схватил лопату и начал яростно копать. Комья тяжелой глины летели на бруствер. Панченко работал не разгибаясь.

Солдаты поняли. Сначала один, потом другой, а затем и остальные прыгнули в ров и дружно взялись за лопаты.

Когда контрэскарп был готов, Панченко спокойно сказал:

— Лопата — оружие пехотинца. Научись копать — врага побьешь и жизнь сбережешь. Не научись — в первом же бою пуля срежет.

Перед отправкой дивизии на передний край проводились учения. За ними наблюдал командир дивизии полковник Путько, человек суровый и требовательный.

Придирчиво всматриваясь в действия подразделений, полковник заинтересовался левым флангом, где, отработав бросок в атаку, рота автоматчиков закреплялась на захваченном рубеже.

Действовала хорошо вся рота. Но один из ее взводов буквально за считанные минуты на глазах у командира дивизии «ушел» в землю.

— Сильны окапываться, — довольно сказал полковник. — Командира взвода ко мне.

— Сержант Панченко по вашему приказанию прибыл, — доложил подтянутый, в чистом, аккуратно подогнанном обмундировании воин.

— Ты учил людей окапываться? — сухо вато спросил полковник.

— Как и положено — я, товарищ полковник, — ответил Панченко.

— Молодец, — полковник отстегнул часы с руки и протянул сержанту. — Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Панченко и, смущаясь, добавил:

— За ласку и награду спасибо. А часы не могу взять. Фрицевские...

Полковник гмыкнул и сунул часы в карман. Под вечер адъютант комдива, молоденький лейтенант, примчался на полковничьем газике в роту, передал Панченко советские часы и сверток.

— Часы носить, а в сверточке кое-что для того, чтобы часы не заржавели.

Лейтенант заговорщически подмигнул Панченко и рассмеялся.

— Ну и номер вы отмочили. «Батя», — так за глаза называли комдива, — в штабе у всех трофейные часы поотнимал. Начальник разведки подсунулся к нему с трофейными сигаретами в немецком портсигаре. Угостить хотел. Что тут было! Его «батя» барахольщиком назвал и из землянки выгнал. Да какая разница, где часы сделаны? — сказал лейтенант. — Шли бы хорошо. И все.

— А та разница, товарищ лейтенант, что враг — это враг. Ни фашистов, ни часов их я видеть не могу. Это вещи убийц. На них кровь.

* * *

Наступил 1943 год. Громя врага, рвались на Запад советские дивизии.

Вот и Днепр. Ноябрь. Погода плохая — то дождь, то снег. По реке идет шуга. Но Днепр нужно форсировать. Правобережная Украина ждет своих освободителей. Ждут их на Балканах, за Карпатами, в Польше, во всей Европе.

На рассвете 13 ноября полк Панченко начал форсировать Днепр. Первыми двинулись автоматчики. Взвод Панченко вырвался вперед. Ураганным огнем автоматчики прижали гитлеровцев к земле, прорвали первую полосу их обороны, выскочили немцам в тыл и ударили по вражескому опорному пункту. Около пятидесяти фашистов были уничтожены. Трофейные пушки и пулеметы автоматчики повернули против врага и открыли огонь.

Плацдарм был захвачен. Полк блестяще, с малыми потерями выполнил боевую задачу.

Завязались бои за расширение плацдарма. 15 ноября полк начал наступление на село Свидовок. Немцы предприняли сильную контратаку, десяток тяжелых танков прикрывал густые цепи немецкой пехоты. Взвод Панченко ударил немцам во фланг, отсек пехоту от танков, перебил много гитлеровцев. Их танки, лишённые поддержки, начали разворачиваться для отхода и тоже почти все были подбиты.

Через два дня автоматчики Панченко получили приказ ворваться в село Геронимовку. На подходе к селу их догнала колонна наших танков.

Панченко подбежал к головной машине и забарабанил

прикладом по броне. Из люка высунулся танкист в шлеме и комбинезоне.

— Чего трезвонишь? — не очень любезно осведомился он.

— Возьмите на броню. Мы тоже на Геронимовку.

Танкист улыбнулся. С пехотой на броне танкистам удобнее и легче драться. Десантники и противотанковую засаду высмотрят, и о минных полях предупредят, и гранатометчиков из траншей вышибут.

Танкист, оказавшийся командиром танковой роты, охотно дал согласие, и через несколько минут на броне, в клубах пыли автоматчики Панченко понеслись вперед. Ведя на ходу огонь, танки ворвались в село, проскочили к его западной окраине и остановились. Командир роты, снова вынырнув из люка, крикнул:

— Нам дальше. Снимаю своих пассажиров. За помощь спасибо! — и захлопнул люк. Взвод Панченко оказался в немецком тылу.

— Прорываться к своим мы не будем, — решил Панченко. — Будем бить немцев с тыла, отгонять подкрепления, которые пойдут к переднему краю, захватывать боеприпасы, поможем нашим прорвать немецкую оборону.

Это уже была личная инициатива командира взвода, которую он обычно проявлял в соответствии с обстановкой. Командир роты ставил перед автоматчиками более легкую задачу — ворваться на южную окраину Геронимовки и поддерживать наступающих огнем.

Захватив дома, в которых располагались тыловые службы немецких подразделений, Панченко выслал разведку и уже готовился ударить в спину гитлеровцам, удерживающим Геронимовку, как наблюдатели доложили, что около полусотни немцев и пять подвод приближаются по дороге.

— В село впустить. Всем укрыться в домах, — приказал Панченко.

Колонна гитлеровцев втянулась в село. Немцы шли торопливо, понукаемые окриками оберлейтенанта. Неожиданно из хаты, на двери которой красовалась огромная свастика, ударил ручной пулемет. Колонна рухнула на землю.

— Встать! Руки вверх! Сдавайтесь! — крикнул Панченко. — Обещаю жизнь. Иначе всем капут! — и дал еще одну пулеметную очередь.

— Встать, быстро! — снова крикнул он.

Уцелевшие и легко раненные немцы стали подниматься. Таких оказалось 17. Остальные были мертвы.

Кристалльной чистоты сердце было у сержанта Панченко. Гитлеровских захватчиков он люто ненавидел. Мог умереть от жажды, но не выпить воды из трофейной кружки. В бою шел впереди, бил врага с холодной осмотрительностью, бил наповал. Это была святая ярость, ненависть мужественного человека, но не слепая ненависть убийцы.

Пленных загнали в сарай. У дверей поставили автоматчика. Помощник Панченко прибежал к командиру.

— С этими что будем делать? Кончим?— спросил он Панченко и выразительно начертил в воздухе рукой крест.

— Я тебе кончу! — взъярился Панченко.— Я тебе кончу! Они в плен сдались...

— Так фрицы ведь, фашисты, а мы в окружении...— начал было помкомвзвода.

Панченко оборвал его:

— Сам знаю, что фрицы. А на счет окружения трохи не то. Немцы в окружении, а не мы. Мы наступаем, а не фрицы. И пререкания, товарищ помкомвзвода, оставьте. Возьмите еще одного автоматчика,— подчеркнуто официально продолжал Панченко,— и втроем сберегите пленных до конца боя. И бинтов дайте им, и воды, пусть раненых обмоют и перевяжут.

К чести помкомвзвода нужно сказать, он выполнил приказ и просто чудом в этом тяжелом бою пленных сберег до единого. Гитлеровцы, получив медикаменты и воду, поняли, что никто кончать их не будет, с поспешной готовностью выполняли все приказания помкомвзвода.

А бой за Геронимовку все разгорался. Наши стрелки выбили немцев из траншей. Гитлеровцы засели в домах. Панченко пытался ударить на них с тыла, но они создали круговую оборону. Взвод Панченко пробился к площади, захватил церковушку и установил на ней пулемет.

Геронимовка была важным пунктом немецкой обороны. Было приказано удерживать ее до последнего солдата. Командир гитлеровской части, оборонявшей Геронимовку, снял одну роту с переднего края и отправил ее прикрывать свой тыл.

Наши войска усилили нажим на село с востока. В это же время взвод Панченко, действуя решительно, захватил 2 автомашины и 12 подвод с оружием, боеприпасами и другими грузами, без которых немецкая часть задычалась, а ее командир слал по рации в эфир проклятия, обещая расстрелять у первой же стенки своего начальника тыла.

Немецкая рота получила приказ во что бы то ни стало выбить из села или уничтожить автоматчиков Панченко. В двух безуспешных атаках немцы потеряли треть личного состава и все же им ничего больше не оставалось, как снова атаковать этот железный взвод.

Немцы надвигались, не считаясь с потерями. Началась рукопашная. В разгар схватки один гитлеровец почти в упор разрядил обойму в Панченко. Но Панченко не упал. Ударом ноги он сбил на землю врага, схватил автомат левой рукой (правая была перебита) и продолжал вести огонь.

Наши стрелки, слыша, что гитлеровцев бьют и в тылу, дружно поднялись в атаку. Геронимовка была освобождена. Взвод автоматчиков соединился с подразделениями полка. Только тогда, сдав пленных и трофеи и передав командование помощнику, Панченко, пошатываясь от боли и большой потери крови, пошел на пункт медпомощи. Его сразу же отвезли в медсанбат, а оттуда в эвакуационный госпиталь.

После длительной операции — в Панченко попало шесть пуль — его в санитарном автобусе отправили в тыл.

— Будешь, сержант, жить! И на фронт еще вернешься! — напутствовал Панченко оперировавший его хирург.

По дороге колонну автобусов с ранеными атаковала семерка вражеских пикирующих бомбардировщиков. Гитлеровские летчики великолепно видели огромные знаки Красного Креста на крышах санитарных автобусов, но с чисто немецкой педантичностью, заходя на эти беззащитные цели один за другим, бомбили их.

Пятисоткилограммовая бомба попала в автобус, в котором ехал Панченко. От машины и людей, находившихся в ней, ничего не осталось...

* * *

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 февраля 1944 года за геройские подвиги при форсировании Днепра и развитие боевых успехов на правом берегу реки Дмитрию Ивановичу Панченко присвоено звание Героя Советского Союза.

«Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета Союза ССР, — писал жене Героя Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, — для хранения как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

А теперь о письмах. О тех письмах, которые писались в перерывах между боями на патронных ящиках и которые почтальоны бережно везли в далекие тылы, где их ждали с трепетным замиранием сердца.

Эти письма безгранично откровенны и честны, в них не найдешь ни одного фальшивого слова.

Фронтовые письма Дмитрия Ивановича Панченко помогают глубже понять душу этого исключительно скромного, обаятельного, простого человека, пламенного патриота, настоящего героя, заботливого и любящего отца.

В январе 1943 года он писал домой:

«Сегодня по радио я услышал радостную весть: освобожден от немецко-фашистских захватчиков мой родной край.

Вы пережили большие муки. Я проходил по следам немецких двуногих зверей и знаю, как они уничтожали наши города и села, как издевались над невинными мирными жителями. Фашистские оккупанты отнимали у наших детей последнюю кроху хлеба, без разбора расстреливали и старых и малых. Советские воины не сложат оружия, пока не кончат гитлеровских захватчиков. Не выпущу из рук свое оружие до конца войны и я. Это мой долг».

Письмо жене (июль 1943 года):

«Дорогая Шура! Ты говоришь, что хорошо было бы свидаться. Этому был бы очень рад и я. Но Родина требует от нас уничтожения немецких оккупантов, тех врагов, которые разлучили нас друг с другом, оторвали отцов от детей, детей от отцов и матерей, мужей от жен, женихов от невест. Наша задача — уничтожить гитлеровских варваров.

Мы продвигаемся вперед и гоним немцев. Прошли сотни километров, освободили тысячи населенных пунктов.

Гитлеровцы зверствуют. Жгут села, угоняют людей и скот, все, что не могут забрать, уничтожают. Фашисты бегут. Но им не уйти от расплаты за черные дела. Мы им все припомним, за все отомстим».

«Я жив и крепок. Не писал долго потому, что был занят своей основной работой, которую требует от меня партия и Родина».

Это письмо написано 23 октября 1943 года, когда шли ожесточенные бои за Днепр. О своих подвигах Дмитрий Иванович не сказал в нем ни слова. «Был занят основной работой» — и все.

Нередко письма его состояли из нескольких душевных слов приветия и любимых фронтовых песен.

Еще на действительной Панченко был ротным запевалой. На фронте в скупые часы солдатского отдыха он любил в полумраке землянки негромко, но задумчиво спеть суровую и раздумчивую солдатскую песню.

Жену, когда она жаловалась на тоску и беспокойство о его судьбе, успокаивал:

«Что случится, не падайте духом, не бойтесь трудностей. На войне без урона не бывает».

В каждом письме Дмитрий Иванович горячо заботился о детях — дочери Вере, сыне Ванюшке. Вере тогда было пятнадцать, Ване — тринадцать лет. Последнее письмо детям — это отцовское завещание.

«Вера и Ваня. Ваши лета подходят к комсомольскому возрасту. Комсомол — это ваше будущее. Вам нужно всегда находиться в коллективе молодежи и честно работать на благо Родины и страх врагам. Никогда не будьте в хвосте. Будьте в первых рядах комсомола. Равняйтесь на передовиков и сами показывайте пример».

Недалек тот час, когда мы добьем фашистских варваров, я вернусь домой, родные дети, и крепко обниму вас».

Был бы жив Дмитрий Иванович, он бы сейчас любовался и детьми, и внуками. Внуков четверо. Двое у сына, двое — у дочери. Замечательные, милые ребята. Своего первенца Иван Панченко в честь отца назвал Дмитрием. Так что не будет конца славному роду Панченков, будут Панченки строить коммунизм и жить при коммунизме! И останется в памяти подвиг Дмитрия Ивановича, пока будет стоять наша прекрасная земля, политая его кровью, и пока будет светить над ней горячее солнце!

Иван Петрович
МЕРКУЛОВ

РУССКИЙ СОЛДАТ

ело происходило западнее города Запорожья, когда, уже после форсирования Днепра, наши части готовились к новым ударам по врагу и на отдельных участках фронта наступило затишье.

На рассвете над немецкой траншеей поднимался легкий голубой дымок. Это курил солдат-наблюдатель. Вот дымок растаял — значит немец бросил окурок и хозяйственно придавил его сапогом. Следящий за дымком снайпер Иван Меркулов наводит винтовку на амбразуру — сейчас немец должен появиться, на то он и наблюдатель.

И действительно, в узкой щели бруствера мелькает каска. Гремит выстрел. Немец, словно подброшенный пружиной, взмахивает над траншеей руками и ладает, чтобы больше никогда не подняться.

— Сто девятнадцатый,— говорит напарнику старший сержант Меркулов и растирает онемевшие от напряжения пальцы. Наблюдатель попался осторожный и к амбразуре подошел не сразу. Впрочем, и осторожность его не спасла.

В ответ на выстрел забарабанили пулеметы врага. Снайперы, одетые в маскхалаты, осторожно переползают в запасное укрытие. За ночь их подготовлено два — удобные ровики для лежания с подстилкой из веток, прикрытые снегом. Снайперскую засаду не обнаружишь и за пять метров, а до немецких позиций более пятидесяти.

Декабрьское утро посветлело. И по всему переднему краю то там, то здесь стали раздаваться одиночные выстрелы. Это началось «снайперское наступление». Пули снайперов без

промаха поражают цели — и появляющиеся рядом, и находящиеся за 300—400 метров: оптический прицел, зоркий глаз, твердая рука и винтовка точнейшего боя обрекают на верную гибель врага, попавшего в перекрестие прицела.

«Снайперское наступление»... И в дни оперативных пауз, когда войска не покидали укрытий или же обучались в тылу, когда не было боев и даже активных перестрелок, в дни, когда Совинформбюро в своих сводках лаконично сообщало: «На фронте не произошло ничего существенного» — гитлеровские захватчики от огня советских снайперов ежедневно теряли убитыми сотни своих солдат и офицеров.

Стоит привести хотя бы такие цифры: на боевом счету Героя Советского Союза Ивана Петровича Меркулова — 480 уничтоженных гитлеровцев. 201 фашист убит из засад в дни фронтового затишья.

Инструктор снайперского дела Иван Меркулов обучил меткой стрельбе и тонкостям своего искусства 49 солдат и сержантов. У многих из них счет истребленных немецко-фашистских захватчиков к концу войны подходил к сотне, а то и превышал ее.

Иван Петрович Меркулов ушел на фронт в конце 1941 года. С февраля 1942 года и до окончания войны служил в одном и том же стрелковом полку. Если его боевой путь уложить в линейные меры, определенно получится более десяти тысяч километров.

Участвовал Меркулов и в битве за Волгоград.

— Как сейчас помню, — рассказывает он, — утро 19 ноября 1942 года выдалось хмурое. Все покрывал туман. Со стороны немцев — тишина. Даже ракет и тех не пускали. Но в половине восьмого — еще и не рассвело по-настоящему — заиграли «катюши». По небу точно перья жар-птицы полетели. А потом как грянуло! Земля так дрожала, что в нашем блиндаже потолок перекосялся. Рот сам раскрывался — уши не выдерживали грохота. Сколько уж там пушек било — не знаю, но крепко били. И земля, и воздух гудели. А как только артподготовка закончилась, мы сразу же пошли в атаку. Дружно пошли. Что кричали, я не слышал. Сам кричал «ура!» Товарищи рядом кричали, а я не слышал. Только часа через два стал слышать по-настоящему. А до этого, почитай, оглох. Громкий бой был.

Не брала вражеская пуля этого маленького ростом, подвижного, никогда не унывающего солдата, которого в роте называли «штатным замыкающим». Над удачной шуткой то-

варищей Иван Петрович от души хохотал первым, да и вообще насчет шуток и «заводок» тоже в долгу не оставался. Его уважали за простоту, отзывчивость, за смелость, скромность и за особую меткость в стрельбе, редкую и среди бывалых пехотинцев, для которых продырявить за сто метров консервную баночку или сбить на лету ворону — дело плевое.

После освобождения Луганска в мае 1943 года полк был отведен в тыл и занимался усиленной боевой и политической подготовкой. На стрельбище кто-то из солдат отыскал пустую бутылку и отнес ее в сторону мишеней.

— Вот с трех выстрелов дно расшибу!

— А у нас, на Кубани, у казаков, хорошим стрелком считается тот, кто дно на такую дистанцию выбьет пулей через горлышко,— подзадорил солдата Меркулов.

Тот недоверчиво хмыкнул:

— А ты возьмешься?

— Попробую,— улыбнулся Иван Петрович,— винтовка у меня добрая.

— На спор? — поддел его сосед.

— Пусть и на спор,— согласился Меркулов.

О споре узнала вся рота. Собрались солдаты.

Меркулов, лежа, не торопясь, тщательно прицелился и выстрелил. Бутылка не шелохнулась. Но когда ее проверили — дно оказалось разбитым.

— Вот это да!.. Вот это выстрел!..— удивлялись солдаты.

...Вскоре Иван Меркулов был принят в ряды Коммунистической партии. После заседания партийного бюро у него завязалась беседа с комбатом.

— Ну, как воюешь? — спросил комбат.

— Та як другие, так и я.

— Украинец?

— Ни, со Ставрополя, кубанец.

— Казак?

— Дед был казак,— шуткой ответил Меркулов.

— Много побил фрицев?

— А чего их считать? Поймал на мушку, свалил та и грець с ним! Которые падают, те лежат смирно. Не шевелятся.

— Сам-то по специальности кто, лесник, наверно?

— Та ни. Шахтер, бурильщик. Уголек добывал в Карачае, а до того хлебоборбил трюхи.

— А стрелять где научился?

— Так ведь я с винтовкой родился. Смалу по коршунам,

лисам, зайцу стрелял. По волку и медведю тоже бить приходилось.

— Вот что, Меркулов,— комбат перешел на официальный тон,— пойдешь на снайпера учиться. Оно веселей будет. Тебе веселей. Ну, а если немцам плакать придется, так мы их на бал-маскарад и не приглашали.

С первых месяцев войны в наших частях стали отбирать и любовно выращивать метких стрелков, обучали их на курсах тонкостей снайпинга, тренировали в стрельбе из специальных винтовок. Выстрел снайпера должен быть молниеносным, точным, поражать цель, внезапно появившуюся на несколько секунд.

Летом 1943 года Иван Меркулов окончил такие курсы и вернулся в родной полк с погонями старшего сержанта и снайперским знаком на груди.

Затишье на фронте кончилось. Выпуск снайперов был приурочен к началу наступления советских войск в Донбассе.

Переправившись через Северный Донец, полк участвовал 16 августа в прорыве сильно укрепленной полосы обороны немцев и с боями, не давая врагу закрепиться на промежуточных рубежах, к середине сентября вышел южнее Лозовой.

Во время атак нашей пехоты, заняв позиции на фланге, Меркулов и еще три-четыре снайпера метким огнем выводили из строя расчеты немецких пулеметов, минометов, противотанковых пушек, уничтожали гитлеровских офицеров, когда те поднимали солдат в контратаки, точным огнем по амбразурам ослепляли вражеские дзоты, короче говоря, расчищали путь своим стрелкам. За бои в Донбассе старшего сержанта наградили медалью «За отвагу».

О боевых делах Меркулова стало известно в штабе армии. Ознакомиться с его опытом и проверить его работу прибыл молодой инспектор-майор. Была очередная оперативная пауза, и Меркулов взял армейского инспектора с собой в засаду.

Под вечер, когда уже казалось, что день пропал зря, так как снайпер пропустил без выстрела двух-трех немцев, инспектор — человек, видно, горячий — стал проявлять нетерпение.

— Пролежали день ни за что ни про что,— огорчился он. Меркулов отмалчивался.

Немецкая линия обороны со ската холма, где находилась засада, просматривалась хорошо. Был виден и офицерский блиндаж. В ходах, ведущих к нему, мелькали каски и винтовочные стволы.

Когда уже и сам Меркулов стал подумывать, что день действительно пропал зря, к офицерскому блиндажу, напрямик по полю, торопясь, пробежал гитлеровец. Цель была отличная. Хотя солдат и пригнулся, опытному снайперу подстрелить его ничего не стоило.

— Стреляй! — подтолкнул Меркулова инспектор.

— Рано. Связник, чужой, местности не знает, задание имеет срочное, обратно побежит — представление будет, — ответил Меркулов.

Минут через пятнадцать тот же гитлеровец старым путем пробежал обратно. Отпустив его метров на пятьдесят, Меркулов выстрелил. Немец упал и поднял крик.

— Промазал! — разочарованно вздохнул майор.

Меркулов усмехнулся.

— Глядите внимательно. Театр начинается...

К раненому, приликая к земле, поползли два немца. Меркулов не стрелял. Когда они стали поднимать раненого, прогремели два выстрела, оба немца мешками свалились на землю. Раненый продолжал кричать. Третьего фашиста Меркулов застрелил, едва тот вылез из траншеи. Затем он перевел винтовку на амбразуру в бруствере и, как только в ней мелькнули стекла бинокля, выстрелил. Стекла исчезли.

— А сейчас будет «концерт». Ховайте голову, — предупредил офицера Меркулов.

И «концерт» начался. Затрещали пулеметы, захлопали мины, где-то в тылу у немцев грохнули пушки, на нейтральной полосе взлетели в воздух фонтаны земли.

— Нас они засечь не успели. Палют на авось. Но шальной осколок зацепить может, — говорил майору Меркулов.

Минут через десять огонь стих. Меркулов знал, что немцы внимательно просматривают поле перед своим передним краем и ищут ячейку снайпера, но дерн, которым он замаскировал ровик, был теперь засыпан комьями земли и полностью сливался с местностью.

Во время огневого налета гитлеровцы унесли раненого и трупы убитых.

— Трех — наповал, четвертого — в амбразуре, одного тяжело ранил, — вслух подводил итоги майор. — И все за три минуты!

— Ни, трюхи не так, — поправил его старший сержант. — Трех — это верно, первый — тоже теперь не солдат, я ему звоночник подпортил, а вот пятый, что в амбразуру выглядывал, — про того не знаю. Бинокль у него стал одноглазым —

это точно. Если б он на меня глядел, другой вопрос. А он смотрел левее. Злякався, пожалуй, добре. Я его ослепил... А вот в рощице у фрицев штаб. Надо, чтоб его наши артиллеристы пощупали.

Ночью в расположении батальона армейский инспектор охотно подписал протокол об уничтожении снайпером Меркуловым трех немцев и ранении четвертого и, прощаясь со старшим сержантом, еще раз окинул взглядом его маленькую, но крепкую фигуру, пожал руку, сказал:

— Как старший благодарю от лица службы. А за науку—личное спасибо, Иван Петрович...

В конце сентября дивизия Меркулова вышла к Днепру.

Иван Заварин, чубатый парень из-под Ставрополя, сослуживец и дружок Меркулова по снайперской команде, оглядел Днепр, его правый всхолмленный берег и проговорил:

— Хороша речушка! Выкупаться бы, как, Иван?

— Подожди, — отозвался третий солдат Иван Гришнов.— Переправляться будем—выкупаешься. И спинку попарят фрицы трассирующими и крупнокалиберными... А то и впрямь снимай штаны, ложись загорать, а Гитлеру телеграмму отбей — мол, прибыл я, Заварин Ваня, на Днепр, имею желание к близкому знакомству, немедля стройте мост и трамвай по нему пускайте. Со звоночком. На иное не согласен...

— Хватит балакать! — прикрикнул на дружков Меркулов. — Ширина настоящая. Метров шестьсот с гаком...

Через два дня от левого берега Днепра в напряженной ночной тишине отчаливали резиновые понтоны, лодки, плоты, наскоро сбитые из всякого подручного материала. На самой стремнине немецкие прожекторы нащупали эту необычную флотилию и открыли ураганный огонь. Река закипела, вода стала захлестывать берега. Советские артиллеристы быстро разбили вражеские прожекторы, но гитлеровцы не ослабляли огня.

Два понтона были потоплены, снаряд попал и в понтон Меркулова, пробил резиновое дно, но не взорвался. Понтон стал терять ход и набирать воду. Сержант Иван Омельченко, позже в боях на правом берегу Днепра также заслуживший Золотую Звезду Героя, быстро сбросил с плеч шинель и заткнул робоину. Понтон дошел до берега.

— Да, тяжелое было дело, — вспоминает Иван Петрович. — Окапываться мы начали. А как окопаешься в прибрежном песке? Обгорнулись им кое-как и лежим, ждем подкреп-

ления. Подкрепление не подошло. А тут новая беда. Оборудовали себе офицеры КП, а в него немец — прямым попаданием. Трех офицеров — насмерть и радиста вместе с ними. Рацию на шматки разнесло. Остались мы без офицеров и без связи...

С рассветом немец нас в Днепр спихивать начал. Да не на тех наскочил. Было нас человек шестьдесят, среди них семь снайперов, пулеметов станковых и ручных было 8, а гранат — так тех и в карманах, и в ящиках, и в мешках заместо сухарей.

В первый день мы отбивали немцев десять раз, а то и больше. Лезут и лезут. А мы и берег держим, чтоб подмоге легче выгрузаться было, и за высоту спрятались, чтоб немцу нас пушками и минометами достать было нельзя. Мы за одной высотой, а немец — на другой. Там у него укрепление. Ночью мы опять подмоги не получили, и связи нет. Что делать? А солдаты и сержанты ко мне обращаются: давай, принимай решение. Думаю: подождем еще.

На второй день немец опять начал наседать. Много мы побиили фрицев. И у их укреплений и на нашей высоте. Сотни две с лишним. Снайперы Будылин Ваня, Бугаев, тоже Иван (Будылин, помню, из Пятигорска, а Бугаев — тот донбасский, шахтер), Гришнов, Заварин по 25—30 немцев постреляли. Да и пулеметчики у нас были боевые ребята. Отбили мы немцев, а между атаками снайперскую охоту начали — перебили расчеты пушек и минометов и загнали немцев в траншеи. Как кто из траншей высунется — его наповал, а то дадим им через их же проволочные заграждения пройти и затем перебьем.

Вторую ночь кое-как передремали. Утром вижу — больше ждать нельзя. Немцы снова возятся у своих пушек и минометов, а мне все видно в оптический прицел как на ладошке — суется немцы, опять атаку готовят. Приказал и я готовиться к рукопашной. Иначе, думаю, перебьют нас. И потери у нас каждый день. Погибли Заварин, Гришнов, раненых много, им помощь давать надо.

Тут как раз немцы снарядами по Днепру бить начали, да не простыми, а дымовыми. Это значит — завесу ставят, чтоб с левого берега не было видно, как они наступают.

Пошли немцы в атаку. Более сотни. Мы их огнем встретили. Падают гитлеровцы, но атаки не прекращают. Вот уже рядом они, я кричу тогда: «Слушай мою команду! Станковые пулеметы на месте, огонь по флангам, ручные — в цепь, за мной! Ура!» И — в штыки. Побежал враг, не приняв рукопаш-

ной. Так мы за немцами и гнались, пока из сил не выбились. Ихний опорный пункт — высотку захватили, две пушки, минометы, много пулеметов и другого оружия на нем и еще дальше продвинулись, до железнодорожного полотна. Там и закрепились. Смотрим — рядом тоже наши дерутся. К вечеру к нам уже весь полк переправился. А на высотах потом было обнаружено более трехсот немецких трупов.

Высотки эти прикрывали село Вовниги. Здесь днем и ночью шли упорные бои. Немцы крупными силами, вводя в бой одновременно по 40—50 танков, пытались выбить советских стрелков с плацдарма на правом берегу Днепра, но ничего сделать не могли.

4 октября полк передал свой плацдарм гвардейцам для развития успеха, а сам вернулся на левый берег освобождать город Запорожье.

Вокруг Запорожья немцы сосредоточили шесть пехотных и одну танковую дивизии, отдельные танковые, саперные и другие части. Около 40 тысяч гитлеровцев находились за мощными укреплениями, состоящими из двух внешних обводов и трех оборонительных полос, расположенных в самом городе.

Наступление на Запорожье развернулось одновременно с северо-востока и юга. Полк Меркулова пробивался к городу, спускаясь по течению Днепра. В упорных боях 13 октября он прорвался на восточную окраину Запорожья. Еще сутки гремели бои на улицах, пока сопротивление врага повсеместно не было сломлено.

Освободив Запорожье, стрелковая дивизия снова, во второй раз, пошла через Днепр у самой плотины Днепровской ГЭС. Захваченный в результате тяжелых боев плацдарм имел 700—800 метров в глубину и полтора километра по фронту. Такие плацдармы солдаты называли «пяточками». «Пятачки» эти насквозь простреливались ружейно-пулеметным огнем противника. Полмесяца Иван Меркулов и его товарищи отражали бесконечные атаки вражеской пехоты и танков и шаг за шагом продвигались вперед, расширяя «пяточок».

В донесении командир полка писал: «При втором форсировании Днепра 25 октября 1943 года Меркулов одним из первых по грудь в воде достиг правого берега. Попав под ураганный огонь тяжелой артиллерии, минометов и пулеметов противника, он, невзирая на смертельную опасность, уверенно двигался вперед, увлекая за собой товарищей и ведя меткий огонь по врагу. Укрепившись на правом берегу, он стойко удерживал рубеж, лично уничтожил 31 фашиста».

Третий раз старший сержант Меркулов со своими однополчанами форсировал Днепр в районе Разумовки. Был захвачен еще один плацдарм на западном берегу реки. «Великий восточный вал» рухнул.

За беспримерное мужество в этих боях Ивану Меркулову и его двенадцати сослуживцам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Дальше путь русского солдата Ивана Меркулова лежал через Никополь, Одессу, Тирасполь, за Днестр, за Прут, в Румынию. И все с боями. Приходилось и мощные оборонительные валы взламывать, и вырываться из окружения.

1 сентября 1944 года начался беспримерный семнадцатидневный марш через Трансильванские Альпы. По дорогам и без дорог, через перевалы высотой до 2 500 метров, по горным тропам, над пропастями, поднимаясь выше орлов, шли советские воины, шел Иван Меркулов. К тому времени на его счету было уже более 300 уничтоженных фашистов, а на груди к ордену Ленина и Золотой Звезде прибавился орден Красной Звезды.

А вот и венгерская земля. Не завоевателями, а освободителями пришли сюда советские солдаты.

12 октября дивизия, в которой служил Меркулов, за действия по прорыву совместно с конниками генерала Плиева сильно укрепленной вражеской оборонительной линии и освобождение городов Клуж и Сегед, получает седьмую благодарность Верховного Главнокомандования. В этот день Иван Меркулов увидел стремительные воды Тиссы.

В ночь на 7 ноября, отмечая 27-ю годовщину Великого Октября, Запорожская дивизия форсировала Тиссу.

Выступая на партсобрании перед боем, коммунист Меркулов говорил:

— Вспомним Днепр. Тогда немец был еще силен. Но мы переплыли Днепр и освободили Украину. Немец и сейчас лют, как волк зимой. А хвост он все же поджал. Я за то, чтобы ударить фашистов на Тиссе сейчас, когда они не ждут. Командование может быть уверено: солдаты не подведут.

Удар был действительно внезапным. Сбивая противника с промежуточных рубежей, отражая контратаки его пехоты и танков, дивизия прорывает сильно укрепленную полосу обороны немцев северо-восточнее Будапешта и помогает завершить окружение крупной вражеской группировки.

В сражениях снова отличился полк Меркулова. К его боевому знамени прикрепляется орден Богдана Хмельницкого.

— Вот теперь мы настоящие запорожцы, — шутил Иван Меркулов. — Завели себе батька всем полкам на зависть. Будем крошить супостатов краше, чем мордовал им гетман Хмельницкий.

Вскоре запорожцы вступили на территорию Чехословакии, в юго-восточную ее часть, гористую, покрытую лесами. Наступать крупными силами на такой местности было невозможно. Обход вражеских позиций, дерзкие действия мелких групп решали успех боев за узлы дорог, ключевые населенные пункты, перевалы.

28 января 1945 года под Долн-Бадин гитлеровцы частыми контратаками пытались сдержать наше наступление.

Командование Запорожской дивизии пошло на хитрость. На фланги наших подразделений были выдвинуты снайперы Ивана Меркулова. Как только рассвело, запорожцы двинулись в атаку. Немцы были готовы к ее отражению и открыли сильный огонь. Но случилось нечто непонятное. Наши стрелки, сделав бросок, залегли, а немецкие артиллеристы и минометчики, занявшие по тревоге свои боевые места, стали валиться под редкими, но меткими пулями. Пока гитлеровцы догадались, что их с флангов расстреливают снайперы, половина прислуги у пушек и минометов была выбита. Гитлеровская пехота, брошенная в контратаку, потеряла всех офицеров и была прижата к земле.

— Я впервые стрелял так, что винтовка накалилась, — рассказывает об этом бое Иван Меркулов. — Товарищи мои тоже не отставали. Мы не потеряли ни одного человека даже раненым, а перебили около двухсот фашистов.

Довершила дело наша артиллерия. Она накрыла своими залпами залегших немцев, и они побежали. За этот бой все снайперы полка были награждены. Меркулов получил орден Славы III степени.

Спустя несколько дней командир полка подполковник Гурский вызвал к себе знатного снайпера, дружески пожал ему руку и протянул предписание:

— Поедешь на курсы младших лейтенантов. Это рядом. Знаю, что не хочешь. Знаю, что подготовка слабенькая. Но порядок есть порядок... Счастливого пути. Возвращайся офицером!

Но возвратился Иван Петрович с курсов только старшиной.

— На курсах, — рассказывает Иван Петрович, — учился я старательно. Командиры — народ свой, фронтовой. Тянули. И

четверки, и пятерки получал. По тактике, по ведению боя взводом, ротой, ну а топография или расчеты какие — для меня могила. Отец мой — казак из хутора Роща Невинномысского района — расписаться не умел. И нас, детей, до грамоты довести не смог. Было нас у него семь хлопцев да четыре девчонки. Обедать садились за два стола и зараз по ведру картошки съедали. А десятин у отца было куда меньше, чем детей. Так и выросли мы, кто с двумя, кто с тремя классами. Я учился целых три года. Стрелять из винтовки образование мне не мешало, а на курсах на иных занятиях просидишь час, взмокнешь и все без толку — лучше в атаку пойти или в засаде сутки просидеть. Как раз в это время проводился слет снайперов. Был на нем и командующий нашим фронтом маршал Малиновский. Мне и раньше, тоже на слетах, доводилось встречаться с Родионом Яковлевичем.

После слета Родион Яковлевич пригласил нескольких снайперов чаю попить. Я набрался смелости, а сидели мы за столом друг против друга, и говорю ему: «Отпустите меня, товарищ командующий, в солдаты!» Маршал вроде как удивился и спрашивает:

— Это почему же так?

— Який, говорю, из меня офицер. Карту читать надо, а я газету и ту выбираю с буквами покрупней. Я ж солдат. Убыток военному делу получается прямой. Из доброго солдата плохого офицера зрывают. Не с руки мне идти во взводные или, того хуже, в ротные...

Маршал засмеялся:

— Значит, говоришь, в генералы идти отказываешься?

Вижу я, что командующий сочувствует мне, тоже шутю:

— А куда ж мне папаху девать, когда в засаду пойду?

Остался я в снайперах. Присвоили мне звание старшины и вернули в родную дивизию инструктором снайперского дела. А тут мы снова пошли наступать.

...Шла весна 1945 года — последняя военная весна, первая весна мира. Наливалась соками молодая травка, распукали почки деревья.

Но как-то не замечал всего этого Меркулов, не замечал, пока в городе Нитра чехи и словаки не забросали его цветами. Тогда почувствовал: близка победа! Но пришлось после этого еще форсировать реки Ваг и Мораву, биться за города Годочин и Брюно.

И вот подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Трудно передать чувства, которые охватили простого рус-

ского солдата, когда в селе Стржелице, в восьми километрах от Брно, он вместе с боевыми друзьями праздновал День Победы. А 24 июня Иван Меркулов чеканил шаг на Красной площади, проходя мимо древних кремлевских стен и Мавзолея В. И. Ленина. Это был Парад Победы.

«Кончилось! — думал после парада старшина. — Мабуть, пора и до хаты...»

Но Иван Петрович ошибся. Загремели пушки на востоке, началась война с Японией, и ему пришлось догонять свою дивизию на границе с Монгольской Народной Республикой.

Забайкальский фронт правым флангом, где действовала Запорожская дивизия, глубоко обходил Квантунскую армию японцев. Пустыни. Лето. Солнце печет, а вокруг ни кустика. Едкая пыль проникает, кажется, и через кожу сапог. Вода отмеривается глотками.

В дивизию прибыло пополнение. Ребята молодые, грамотные, в бой так и рвутся, не скрывают восторга и зависти, глядя на сверкающие ордена и медали бывалых солдат. Но ребята не имеют опыта и закалки, неважно стреляют. Меркулов берется их обучать.

Длительные марши при полной выкладке в зной изнуряют.

Вот один из молодых солдат побледнел, зашатался. Тепловоу удар. Товарищи подхватывают его, бережно относят в сторону и спешат догнать строй. С ослабевшим остается Меркулов. Он оказывает первую помощь, отстегивает свою флягу с водой — воды у солдата, получившего тепловой удар, давно уже нет.

Но вот солдат пришел в себя. Ему неудобно, виновато улыбаясь, он пытается шутить над своей слабостью.

— Со мной похуже бывало, — успокаивает его Меркулов и тут же выдумывает историю с обмороком, в которой выставляет себя в самом смешном виде.

Солдат и верит и не верит, но смеется. Вместе с ним хохочет и старшина.

— Ну как, тронем или на «санитарку»?

— Нет, пойдём!

К вечеру в «дивизии выздоравливающих», или «летучем госпитале», как шуточно именовали группу Меркулова, — семь-восемь, а то и десяток солдат. Старшина почаще делает привалы, учит режиму марша, а на привалах, чтоб не пропало время зря, демонстрирует изумительную ловкость в стрельбе, рассказывает эпизоды из своей боевой жизни.

И так 650 километров. Впереди—большой Хинганский хребет. Суровые, незнакомые горы. Да, это — не Карпаты.

...Поплыли туманы, пошел дождь. Пехоте всегда везет. Но пехота не унывает. На то она и пехота — «сто верст прошел и еще охота». Глинистая почва раскисла. На плечах вытащили пушки на крутой перевал Шарахата, устроили перекур, крепким словом помянули погоду, поплевали на руки и потащили пушки вниз. А опускать их еще труднее, чем поднимать. Полтораста километров вверх, столько же вниз. И вроде Большого Хингана и не было.

Почистились. Навели глянец на сапоги. В первый китайский город Линдунь полки вошли строем.

— Сулянь! Вансуй! Да здравствует Советский Союз! — восторженные китайцы готовы носить на руках своих освободителей.

Ради этих озаренных счастьем лиц стоит и еще раз преодолеть Большой Хинган!

Гор впереди нет. Зато есть реки. Вот одна. На карте она еле обозначена. Глубина по пояс, а ширина около трех километров.

— Дождь был, шибко большой вода пришел, — сочувственно объясняют добровольные помощники-китайцы и первыми лезут в воду, показывая брод.

В брод идет вся дивизия с обозами и пушками. Пушки вязнут в иле, бурное течение валит с ног, лошади выбиваются из сил. Им помогают люди...

Двигаясь на Порт-Артур, воины-запорожцы проникли глубоко в тыл японских войск, пересекли пески провинции Жэхэ, преодолели бурную и глубокую реку Ляохэ.

Зажатые со всех сторон, японские войска 3 сентября вынуждены были капитулировать. Марш-маневр закончился. За беспримерный в истории поход — 1 350 километров за 32 дня, за четкое выполнение приказа командования Запорожской дивизии присваивается наименование Хинганской.

Да, теперь уже можно было сказать, что война закончилась и пора до хаты. Дивизия возвращалась на Родину. Как всегда перед разлукой нахлынули воспоминания.

— Бывало, на привале наберем сухой травы, закурим, конечно, и пойдут беседы о странах, которые прошли, о товарищах, что легли в боях, о боевых делах, как будто снова повторяли путь от Волги до Брно и от Чехословакии до берегов Желтого моря. И самому не верится, неужели столько прошли?

Иван Петрович задумывается.

— Велик мир. И не зря советские солдаты ходили в атаки, форсировали реки, брали перевалы. Друзей сколько стало у нас и в Чехословакии, и в Китае, и в Румынии, и в Монголии... Добрые друзья.

Говорит Иван Петрович тем кубанским говором, в котором русские слова сплетаются с украинскими, дополняют друг друга, делают фразу своеобразной и яркой.

...Ему 60 лет. Но этого не скажешь. Он крепок, бодр, быстр и ловок в движениях. Работать совсем недавно перестал. Получает персональную пенсию.

— Отдохну трохи, а потом опять за дело. Надоело уже в окно глядеть.

Иван Петрович частый и желанный гость школьников, пионеров.

— Про войну им рассказываю, а больше о людях и землях, що повидал. Про то, як каждый землю свою бережет та украшает. Як труд людей по всему миру огромную красоту создал. Хлопчики та дивчатки любят про страны разные слушать, и мне с ними теплей. За них немца с японцем трясли, — говорит Иван Петрович. — А труд — дело всему люду милое. Куда лучше, чем из винтовки людей бить. А то поймашь на мушку и думаешь: «И який тебя бес в фашисты записал, сидел бы дома и не лез до соседа в хату та меньше бы зубы на чужое сало точил». Тильки на фронте я сначала подстрелю фашиста, а потом уж думаю, — смеется Иван Петрович, — и то больше о том, как следующего ворюгу хлопнуть. Кто в драку полез, пусть на себя и пеняет!

МЕЖДУ ОНЕЖСКИМ И ЛАДОЖСКИМ ОЗЕРАМИ

ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

О

б этих незабываемых дней рассказывают пожелтевшие и уже припахивающие архивной давностью бумаги с оперативными сводками, боевыми донесениями, наградными листами.

Совинформбюро в июне 1944 года несколько раз сообщало о боях на том участке фронта, где сражался Герой Советского Союза черкес Мурат Карданов.

В оперативной сводке за 21 июня говорится:

«Между Онежским и Ладожским озерами наши войска, перейдя в наступление, сломили сопротивление противника на плацдарме по южному берегу реки Свирь и с боями заняли более 100 населенных пунктов... Таким образом, нашими войсками ликвидирован важный плацдарм финнов на южном берегу реки Свирь».

В этом наступлении участвовал командир стрелкового взвода десантной роты гвардии старший сержант Карданов.

23 июня Совинформбюро сообщило:

«Между Онежским и Ладожским озерами наши войска форсировали реку Свирь... и заняли более 20 населенных пунктов, в том числе Кондуши, Карельская».

Командир стрелкового полка гвардейской стрелковой дивизии гвардии подполковник Харазия доносил:

«При форсировании реки Свирь и прорыве главной полосы обороны финнов гвардии старший сержант Карданов со

своим взводом прокладывал путь роте. Действовал смело и решительно.

22 июня 1944 года в бою за сильно укрепленный опорный пункт финнов — Карельская, командуя взводом, решительно и смело повел наступление; под сильным пулеметным и минометным огнем врага преодолел проволочные заграждения, первым ворвался в опорный пункт, вел бой в траншеях с превосходящими силами противника, уничтожил до двадцати врагов и два пулемета.

Преследуя противника, Карданов первый со своим взводом форсировал реку Янгера и в течение двух часов удерживал захваченный плацдарм, чем обеспечил форсирование реки всем составом батальона».

Сообщение Совинформбюро 25 июня:

«Между Онежским и Ладожским озерами наша войска, преодолевая сопротивление и инженерные сооружения противника на лесных дорогах, продолжали наступление и с боями заняли населенные пункты Ташкеницы, Устье, Речная Сельга, Самбатукса, Пипилица, Сармяги, Обжья».

В представлении Карданова к званию Героя Советского Союза говорится:

«В бою за важный укрепленный пункт финнов Самбатукса у деревни Пипилица 25.6.44 г. тов. Карданов принял командование ротой и решительно повел ее в бой, вышел на фланг противника, перерезал ему пути отхода.

Рота под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем подошла к проволочному заграждению, преодолела его, решительно атаковала превосходящие силы противника и овладела деревней Пипилица.

В этом бою было уничтожено до роты вражеских солдат и офицеров, взяты пленные, захвачено все вооружение опорного пункта».

Это был большой подвиг. Вручая Карданову в Кремле орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза, Михаил Иванович Калинин крепко пожал воину руку.

ДОРОГА К ПОДВИГУ

Простому горскому парню из аула Вако-Жиле Карачаево-Черкесской области Мурату Карданову приходилось нелегко пробивать дорогу в жизнь. Отец, безземельный горец, умер еще в 1917 году. Здоровье матери было слабым. Брат Хамид сам нуждался в помощи.

С 15 лет Мурат пошел работать и одновременно учился. Нелегкой была жизнь. Но зато она выработала крепкую хватку, научила упорству, умению преодолевать трудности.

Семью, большую, дружную, отзывчивую и заботливую, Мурат нашел в армии. Он был призван в марте 1939 года, имея за плечами двадцать три прожитых года, школу-семилетку, школу колхозной молодежи и несколько лет работы в Икон-Халкском райвоенкомате. Военную службу Мурат Карданов любил, и когда ему предложили идти работать в райвоенкомат, он охотно согласился. Пусть и гражданским человеком, но все же в военном учреждении.

Служил Мурат на Дальнем Востоке. Обстановка тогда на наших восточных границах была тревожной. Японские империалисты захватили Маньчжурию, другие китайские провинции и, готовясь к войне, провоцировали вооруженные столкновения на границах СССР и Монгольской Народной Республики.

В памяти дальневосточников еще были свежи события у озера Хасан, которые начались обычной японской провокацией, а закончились десятидневными боями с участием полевых войск, применением танков и авиации. Японцы тогда были разгромлены, но это не отрезвило их.

В мае 1939 года, когда Мурат Карданов только-только вошел в колею армейской жизни, японцы вторглись в пределы Монголии в районе реки Халхин-Гол. Советские и монгольские войска выбросили захватчиков с занятой территории.

Через месяц в этом же районе появилась уже целая японская армия в 38 тысяч штыков и сабель, с сотнями орудий, танков и самолетов. Участились провокации японцев и на других участках советской и монгольской границ.

— Напряженное это было время для дальневосточников,— вспоминает Мурат Карданов.— Нужно было помогать отстающим товарищам, учиться самому, участвовать в строительстве оборонительных сооружений, а ночами спать одним глазом — редкая ночь обходилась без учебных или боевых тревог.

Исполнительный, подтянутый и дисциплинированный, Мурат отлично выполнял свои нелегкие обязанности и уже через несколько месяцев службы был назначен помощником командира взвода.

Японская провокация на реке Халхин-Гол, явившаяся по сути дела необъявленной войной, закончилась крахом для са-

мураев. Потеряв только убитыми около 25 тысяч солдат и офицеров, японцы запросили перемирия.

На реке Халхин-Гол Карданов принял боевое крещение. В армии он научился водить автомобиль и был назначен подвозить снаряды нашим сражающимся войскам. Приходилось прорываться сквозь огонь японцев, попадать под артиллерийский обстрел и бомбежку.

Более двух лет прослужил Карданов на Дальнем Востоке. Здесь он вступил в партию, здесь и застала его Великая Отечественная война.

Японские милитаристы продолжали открыто призывать к войне против СССР и захвату советских земель «до Урала». Нашему государству, несмотря на трудности борьбы с фашизмом, приходилось держать на Дальнем Востоке крупные военные силы.

Тысячи воинов-дальневосточников подавали рапорта с просьбой направить в действующую армию. Подал такой рапорт и помкомвзвода Карданов. Командование решило по-другому: Карданов был в октябре 1941 года направлен в кавалерийское училище. Прошел год учения. Карданов снова просится на фронт, но командованию видней: отличного стрелка, джигита, мастерски владеющего шашкой, направляют на дополнительную подготовку в инженерную школу, и только в июне 1943 года он, наконец, едет на фронт, в особую десантную часть.

В первых же боях командир стрелкового взвода Мурат Карданов обратил на себя внимание собранностью, редким хладнокровием в сложной обстановке и решительностью действий. Он умело готовил и блестяще проводил атаки — стремительно, настойчиво, неотразимо, успешно выполнял боевые задания в тылу врага. Взвод Карданова стал ударной силой роты, коммунисты избрали Мурата ротным парторгом.

Летом 1944 года дивизия, в которой служил Карданов, сосредоточилась против финского плацдарма на южном берегу реки Свирь, между Онежским и Ладожским озерами.

Воинам-ветеранам боевая задача была понятна и без разъяснений: предстояло выбить финнов с плацдарма, форсировать Свирь, разгромить противника и двигаться вперед, к советско-финской границе.

Нелегкое предстояло дело. Перешеек между озерами неширок, состоит он из озер, болот, лесов, рек и речушек да огромных валунов. Крупные силы для наступления развернуть негде. Технику использовать трудно, а для обороны луч-

Мурат Асхадович
КАРДАНОВ

шего места и не придумаешь. Укрепи межозерные дефиле (перемычки), высоты да дороги и сиди в заранее приготовленных укрытиях.

Финны ожидали наступления советских войск и постарались к нему подготовиться. Время для этого было. Они стояли на реке Свирь с сентября 1941 по июнь 1944 года — без малого три года.

На перешейке были созданы шесть оборудованных по всем правилам инженерного искусства оборонительных полос, промежуточные и отсечные позиции. На наиболее важных направлениях были построены специальные укрепрайоны с дотами, бронеколпаками, большим количеством дзотов.

Но все эти оборонительные сооружения и вражеские гарнизоны, засевшие в них, не могли остановить советских воинов. Финны были выбиты с плацдарма, Свирь с боем форсирована, вражеская оборонительная линия на северном берегу прорвана, пали один за другим укрепрайоны.

И каждый раз гвардии старший сержант Карданов совместно с командиром роты умел найти решение, которое вело к выигрышу боя. Эти решения он терпеливо и настойчиво разъяснял перед наступлением солдатам не только своего взвода, но и всей роты.

Фронтная газета «Советская гвардия» в августе 1944 года, когда Мурат Карданов, контуженный взрывной волной, лежал в госпитале, поместила большой очерк о нем.

Газета писала:

«Наш Мурат — Герой Советского Союза. Это известие обрадовало и взволновало гвардейцев. Какие только чувства не вызвало оно: радость за боевого друга, восхищение его подвигами, гордость за свою часть!

Думается, в эту минуту каждый представил себе Мурата Карданова таким, каким он бывает в походе, в бою, в атаке, во время преследования противника.

Вот он идет впереди своей роты уверенным, легким шагом горца, сильный, ловкий, рослый, почти на целую голову выше своих гвардейцев..

Вот он бежит в атаку, высоко подняв над головой гранату или автомат, и над полем боя гремит его голос:

— Вперед, товарищи! За Родину!

Первым он врывается в траншею и дзоты врага, в упор расстреливает финнов, бьет их в рукопашной.

Или же после боя он беседует с бойцами:

— Одна у нас мысль должна быть, одно стремление — победить.

Трудно, тяжело станет в бою, взгляни на своих товарищей-коммунистов. Дерись, как они! Убьешь врага — значит, отвоевал себе или другу жизнь, гонишь врага — значит, от тебя смерть бежит.

Слова парторга и его личный пример в бою воодушевляли гвардейцев.

И никогда в бою не дрогнул ни один из гвардейцев Карданова. Все они дерутся храбро, дерзко, бесстрашно, дружно и четко выполняя приказ командира».

При форсировании Свири Карданов применил на первый взгляд нехитрую, но полностью оправдавшую себя уловку.

На плоты были посажены только пулеметчики... и чучела из веток и тряпья. Три плота были с людьми, более десяти — с чучелами. Личный состав подразделений пошел вплавь.

В обманчивом свете белой ночи финнам нелегко было разобрататься, в чем дело. Много вражеских снарядов, мин и пуль было потрачено на стрельбу по чучелам. Это помогло гвардейцам сократить потери и закрепиться на северном берегу реки. Аносимые течением декоративные плоты долго еще подвергались яростному обстрелу.

В бою на реке Янгера вырвавшийся далеко вперед взвод Мурата Карданова ударил по тылам финнов. Это позволило всему батальону форсировать реку с ходу.

Когда в одном из боев выбыл из строя командир роты, Карданов принял командование на себя и обеспечил выполнение боевого приказа. Так он и остался командовать гвардейской ротой в звании старшего сержанта. Это даже во фронтовых условиях случалось не часто.

ВЗЯТИЕ САМБАТУКСЫ

У каждого воина, от солдата до маршала, всегда более других запечатлевается в памяти какой-либо один бой. То ли по пережитым опасностям, то ли по проявленному в нем воинскому мастерству, то ли еще по каким-либо причинам.

Для Мурата Карданова таким памятным фронтовым событием явился штурм вражеского узла обороны Самбатукса.

...Редкая на радостные неожиданности военная судьба столкнула двух друзей юности Мурата Карданова и Умара Хабекова за тысячи верст от родного края, на Карельском фронте, 24 июня 1944 года.

Прибывший со своей стрелковой ротой в распоряжение командира штурмового батальона капитана Хабекова гвардии старший сержант Карданов не успел доложить по установленной форме, как оказался в объятиях товарища, с которым несколько лет вместе учился в Черкесской школе крестьянской молодежи. Но времени для дружеского разговора было мало. Подразделения готовились к штурму вражеского опорного пункта, и командиры отправились на рекогносцировку местности.

— Да, финны потрудились,— разглядывая находящуюся впереди высоту в бинокль, говорил капитан Хабеков лежащему рядом с ним на бугорке земляку.— На-ка погляди сам, тебе видней будет, ты ведь недавно из инженерного училища.

Карданов поднес бинокль к глазам. Впереди, поднимаясь огромным шатром, лежала высота. Перед ней, словно зубы дракона, устрашающе задрав вверх острия, торчали ряды серых гранитных надолбов, за ними в три ряда шли проволочные заграждения. По опыту Карданов знал, что все подходы к высоте заминированы и простреливаются многоярусным ружейным, пулеметным, артиллерийским и минометным огнем.

— Ну что, налюбовался? — спросил Хабеков.— По данным разведки, на высоте и в прилегающих к ней населенных пунктах семьсот-восемьсот солдат и офицеров, более тридцати дзотов и бронеколпаков, две батареи противотанковых пушек, шестиствольные и обычные минометы.

— Кроме того,— добавил Карданов,— три линии траншей в полный рост, все они, как водится, с «лисьими чорами», широко разветвленная система ходов сообщения и зарины и землю танки. Я их на склоне, обращенном к нам, считал семь.

— Где? — протянул руку за биноклем Хабеков.— Вспомни их еще не было!

— Ночью, видно, установили,— ответил Карданов.— Дзоты и блиндажи старой постройки травой уже заросли, а вокруг танков свежая земля видна.

— Приказ такой,— сказал Хабеков,— высоту взять завтра. В лоб штурмовать ее — дивизии мало. Уже пробовали. Дорого обошлось. Брать надо обходом. Попытка обойти справа не удалась. Местность там для обхода удобная, но финны тоже не дураки — держат на этом направлении засады и подвижные отряды. Рота, направленная в обход, понесла потери и вернулась, не выполнив задания. Командир полка рекомендует тебя. Я дам тебе минометчиков, добавлю стрел-

ков. Пойдешь в обход опорного пункта слева. Там трясина. Непроходимая. Ее нужно пройти. Продумай все. Общий штурм по твоему сигналу—двум красным ракетам. Твои ракеты будут для меня приказом атаковать в лоб. Если ты его дашь преждевременно, мы, атакуя, умоемся кровью, если опоздаешь, то сомнут и твоих ребят, и нам легче не будет. Сегодня у финнов что-то уж очень много возни. Днем подошло из тыла несколько автомашин. Финские самолеты-разведчики с утра проявляют повышенную активность. Финны что-то замышляют. Нужно их замыслы поломать.

— Приказ будет выполнен, товарищ комбат! — твердо ответил Карданов.

Приказ был отдан, и Хабеков, дружески хлопнув земляка по плечу, полушутя-полусерьезно спросил:

— А в болоте не потонешь?

— Ничего, выкарабкаюсь!

К вечеру Карданов сосредоточил свои подразделения у опушки леса, за которым начиналось непроходимое болото. Под командованием Карданова было до двухсот автоматчиков и стрелков, пулеметы, легкие минометы.

Растянувшись в цепочку, гвардейцы начали обход вражеского опорного пункта. Осторожно ступая с кочки на кочку, укладывая через трясины доски и связки хворосту, бойцы шли в тыл врага.

Ночь напоминала Мурату рассвет в горах. Июньские ночи на севере, знаменитые белые ночи позволяют видеть и товарищей вокруг, и дорогу впереди.

Но белая ночь помогала мало. Люди проваливались в болото, дорогу нащупывать было трудно. Проводник старик-ка렐 подолгу присматривался к редким деревьям, кустарнику, кочкам, и то и дело негромко произносил:

— Тише, осторожней, опять трясина!

Опорный пункт врага был все ближе. Высота часто освещалась вспышками ракет и разрывами: по ней вела огонь наша дальнобойная артиллерия, ее бомбила авиация.

На болото лег туман. Но самое опасное место было уже пройдено. Трясина осталась позади, и солдаты, иногда проваливаясь по пояс, быстро выбирались на сухое. Впереди шли опытные разведчики, с которыми Карданов воевал уже около года. Бывалые воины без труда расчищали дорогу товарищам. Финская засада, оказавшаяся на пути, была уничтожена без звука.

Это было большой удачей. Успей финны поднять тревогу, отряд Карданова оказался бы в ловушке.

Двадцать километров прошли гвардейцы по опасному топкому болоту и с тыла бесшумно в тумане приблизились к высоте.

— Приготовиться к бою,— шепотом пошла от головы к хвосту колонны команда. Люди стали приводить себя в порядок.

Высота с тыла была прикрыта проволочными заграждениями, имела траншеи и дзоты. Гвардейцы бесшумно подошлись к проволочным заграждениям, преодолели их, подошли к траншее.

— По траншее гранатами! — скомандовал Карданов, и не успели затихнуть разрывы, как вновь загредел его голос:

— За нашу Советскую Родину! Вперед! Ура!

Стреляя на бегу, забрасывая гранатами доты и блиндажи, опрокидывая финнов ударами прикладов и штыков, бойцы бежали вперед за высокой фигурой своего командира. Деревня Пипилица была захвачена.

Карданов приказал связному:

— Две красных ракеты в небо! — и подал команду:

— Усилить огонь! За мной!

Ошеломленные внезапной атакой, финны заметались. Они бросились было и в противоположном скатам. Но «ура!» загредело в темноте как и раньше, и Халеков двинул в атаку своей штурмовой батальон.

Бой еще кипел в зарослях и кусты, и Карданов с группой бойцов прорвался к средине высоты и поднял свое подразделение.

Финны стали бросать оружие и сдаваться в плен. Спротивлялись только офицеры. Позже выяснилось, что накануне в гарнизон прибыл полковник из финского генштаба с целой свитой. Он привез приказ удержать опорный пункт любой ценой и сам с этим приказом и со всею свитой тоже оказался в плену.

Командир полка гвардии подполковник Харазия за этот бой представил к награде орденами и медалями многих отличившихся офицеров и солдат.

Командир штурмового батальона, горец из аула Малый Зеленчук Умар Хабек, в конце войны героически погибший под Веной, за умелую организацию боя был награжден орденом Александра Невского.

Едва закончилось сражение за Самбатуксу, как о подвиге Мурата Карданова узнали все подразделения наступающих частей. По колоннам и стрелковым цепям полетели передаваемые из рук в руки печатные и рукописные «боевые листки». Они начинались словами: «Прочти и передай товарищу!».

В августе финны запросили перемирия. Военные действия между советскими и финскими войсками прекратились. Об этом Мурат Карданов узнал уже в госпитале. Тогда же он увидел и свою фамилию в списке воинов Карельского фронта, удостоенных за боевые подвиги звания Героя Советского Союза. О том, что ему присвоено звание лейтенанта, Мурат узнал уже после увольнения в запас.

* * *

Из госпиталя в родной полк Мурату Карданову вернуться не пришлось. Контузия оказалась тяжелой, и он был уволен, как говорят солдаты, «по чистой».

Плохое здоровье не заставило Мурата Карданова удалиться от дел. Немного подлечившись, он встал в шеренгу труженников тыла. В конце войны на его груди к фронтовым наградам добавилась медаль «За доблестный труд».

Сергей Абрамович
Б Е Л А Н

СЕРГЕЙ БЕЛАН

По берегам стремительной горной речки, у самого подножия Главного Кавказского хребта раскинулось село Маруха. Здесь жил, учился, а потом водил колхозные табуны Сергей Белан. В Марухе и сейчас помнят его, говорят:

— Ладный был парень. Трудюлюбивый, уважительный, веселый. Коней любил. Табунщиком был первоклассным. Лихо джигитовал. В армию его провожали всем колхозом...

Сергей Белан был призван в Советскую Армию в 1939 году. На действительной военной службе он закалился, возмужал, окреп. Окончил сержантскую школу. Время летело незаметно. Молодой сержант уже прикидывал, каким делом займется по возвращении в родной колхоз, но все его планы и надежды опрокинула война.

Белан был в числе тех, кто первым грудью встретил натиск бронированных полчищ врага. Приходилось драться, когда на тебя одного шло до десятка фашистских автоматчиков, лезли танки, обрушивались бомбы и снаряды.

...В августе 1943 года Сергей Белан был ранен. Вернулся из госпиталя недолечившись. Был назначен в 74 отдельный мотоциклетный батальон командиром отделения первой роты.

Командир батальона майор Пономарев и другие офицеры отмечали исполнительного и храброго сержанта. Ему присвоили очередное звание. Вскоре он был назначен помощником командира взвода.

Когда предстояло особо трудное задание и шла речь, кому же его поручить, командир роты чаще других называл имя Белана.

Так было и 6 марта 1944 года.

...Мотоциклетный батальон, вырвавшись вперед, подошел к небольшой, но бурной, переполненной весенними водами реке Горный Тикиг. Ее западный берег немцы спешно укрепляли, на восточном берегу они держали в своих руках село Березовку. Наше командование отдало приказ: любой ценой захватить мост в селе Березовке, не дать уничтожить его, обеспечить танкам и мотопехоте корпуса прорыв с ходу на западный берег реки.

На совещании у командира батальона было решено переправу захватить диверсионной группой, ударом с тыла.

— Кого пошлем? — спросил комбат. — Дело нелегкое, а провалить его — значит потерять переправу. Она заминирована. Немцы надеются переправить свои части до подхода наших танков. Если почувствуют опасность, переправу взорвут. Кто сможет решить эту задачу?

— Старший сержант Белан, — ответил один из офицеров.

...Невысокий, стройный, подтянутый, Белан стоял перед командиром. Выслушав приказание, попросил четыре часа на подготовку.

Из своего взвода Белан отобрал одиннадцать человек. План операции, предложенный Беланом, командир утвердил. Отпуская сержанта, еще раз напомнил:

— Вода в реке все прибывает. С ходу ни танки, ни мотопехота форсировать речку не смогут. Переправа должна быть захвачена и удержана. По вашему сигналу в атаку пойдет весь батальон. Вы должны дать две зеленые ракеты после захвата моста. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ майор. Приказ будет выполнен!

Темной ночью, где ползком, где короткими перебежками, прячась в прибрежном кустарнике, группа Белана пошла в тыл немцам. Шум реки заглушал шорох шагов. Проскользнули между берегом и наблюдательным постом немцев. Задачами села подошли к мосту. И когда до него оставалось метров двести, открыли шквальный огонь по часовым, охраняющим переправу.

В селе поднялась паника, началась стрельба. Немцы от моста стали разбегаться в разные стороны, попадая под пули автоматчиков Белана. В несколько минут мост был захвачен. По нему в это время проходили штабные подразделения от-

дельного немецкого батальона, оборонявшего Березовку. На переправе произошла короткая, но жестокая схватка. Шесть вражеских солдат и нескольких офицеров автоматчики Белана застрелили, остальные бросились в ледяную воду. На переправе были захвачены два штабных автобуса с документами и имуществом, знамя немецкой воинской части и ее канцелярия, несколько груженных подвод, верховые лошади.

Но захватив мост во вражеском тылу, группа Белана и сама оказалась между двух огней — гитлеровцы были по обе стороны переправы. Решительной атакой они могли уничтожить горсточку советских воинов. Старший сержант Белан подготовился к отражению атак. Гитлеровцев встречал ливень огня. Считая, что переправу захватили крупные силы, немцы прекратили атаки. Те, что остались на восточном берегу, бросали оружие, те, что пытались атаковать с запада, начали отход.

Через несколько дней группа Сергея Белана отличилась в боях под Уманью.

Мотоциклисты были направлены в разведку. Приказ требовал установить линию и систему обороны противника. Белан выяснил: немцы действительно пытаются создать оборонительный рубеж, но сплошной линии фронта у них нет.

Можно было возвращаться назад, но, верный своей тактике неожиданных ударов, Белан перелесками и оврагами вывел группу в тыл немцев и, словно снег на голову, свалился на остатки потрепанного в боях немецкого взвода, который рыл окопы. Гитлеровцев было немного. Они выставили впереди боевое охранение, предусмотрели все для защиты от неожиданного нападения с фронта. День выдался теплый, немцы даже рубашки снимали. В таком виде автоматчики Белана захватили их в плен. Все было сделано смело и быстро. Соседние подразделения гитлеровцев спохватились слишком поздно и, хотя и открыли по отходившей группе Белана сильный пулеметный огонь, ни задержать ее, ни нанести ей потерь не могли.

Пленные были срочно отправлены в штаб корпуса. Показания их оказались настолько ценными, что командир танкового корпуса генерал-лейтенант Мишулин приказал весь состав группы представить к награждению.

Войска 2 Украинского фронта вышли к Днестру. Гитлеровцы заняли заранее подготовленный рубеж. Планируя новое наступление, наши штабы уточняли систему вражеской обороны и силы противника. Разведка приобретала особое

значение. Нужны были контрольные пленные, а захватить «языка» никак не удавалось. Гитлеровцы удвоили бдительность. Поисковые группы каждую ночь пробирались к переднему краю немцев, но захватить пленных не могли.

Сергея Белана вызвал командир роты.

— Садись,— сказал капитан,— есть дело. И нелегкое. Нужно захватить «языка». Немцы напуганы здорово. Карательную службу несут так, что мышь не проскользнет незамеченной. А «языка» нужно взять немедленно, это приказ комкора. Поиск поручаю тебе.

Командир встал. Стремительно поднялся и Сергей Белан.

— Приказываю,— снова заговорил капитан,— в ночь на 10 июня, действуя с поисковой группой, захватить контрольного пленного и доставить его ко мне не позже 5 часов. Приказ ясен?

— Так точно, товарищ капитан! Вопросов нет.

Местность, где предстояло действовать, была хорошо знакома. Но командир роты вместе с Беланом, замаскировавшись в кустах, около часа изучал подступы к вражеской обороне.

Наступила ночь. Гитлеровцы непрерывно освещали передний край ракетами. В их тылу гудели орудия, почти не утихая, длинными очередями били пулеметы.

В полночь группа Белана вышла на боевое задание. Для нападения были избраны правый и левый фланги немецкого пехотного взвода. По правому флангу демонстрировалось нападение, на левом намечался захват «языка».

Операция была проведена блестяще.

Гитлеровцы бросились отражать нападение советских разведчиков на правом фланге, и там завязалась ожесточенная перестрелка. Белан с шестью автоматчиками на левом фланге забросал гранатами немецкую траншею, ворвался в нее, оглушил и связал немецкого пулеметчика. Еще двух вражеских солдат схватили его товарищи. В то время, когда немцы уже были уверены, что отразили нападение разведчиков, Белан и его автоматчики утаскивали пленных гитлеровцев вместе с их оружием. Благополучно, без потерь отошла и группа прикрытия.

Захват одновременно трех «языков» позволил сопоставить их показания и точно выяснить необходимые командованию данные.

Через несколько дней командир корпуса прибыл в расположение батальона мотоциклистов и сам привинтил к выдав-

шей виды гимнастерке Белана сверкающий золотом орден Отечественной войны I степени. Были награждены и все воины группы Белана.

А война продолжалась. Могучий вал советских армий неудержимо катился на Запад, очищая землю от немецко-фашистских захватчиков. Гитлеровцы не успевали подтягивать свои резервы и создавать запасные оборонительные линии.

Старшина Сергей Белан и по должности был старшиной роты — ротным интендантом, как в шутку называли его приятели. Он и впрямь был хорошим хозяйственником. Его заботами рота была одета, обута, всегда вовремя и вкусно накормлена. Но как только начинались горячие бои, старшина Белан подбирал себе помощника возрастом посолонней, поручал ему хозяйственные дела, а сам шел к командиру:

— Прошу дать боевое задание!

Командир роты для виду читал Белану нотацию о важной роли старшины в боевом обеспечении роты и назначал его в состав штурмовой или разведывательной группы.

Так было и в июле 1944 года, когда батальон участвовал в завершающих боях за освобождение Украины.

На мощных мотоциклах Белан со своей группой вел разведку впереди наших наступающих войск, проскакивал в тыл немцев. Смелость и находчивость помогали ему успешно выполнять самые опасные боевые задания.

Особенно отличился Белан при освобождении города Ополе.

Командир роты лейтенант Ясаков послал Белана с десятью мотоциклистами вперед. Мотоциклисты ворвались в город. Немцы еще и не собирались отходить. Улицы небольшого городка были забиты автомашинами, военной техникой. Гитлеровцы минировали здания.

— Огонь! — крикнул Белан, и первой очередью из автомата срезал четырех гитлеровцев.

Спротивление врага было сломлено. Немецкий кавалерийский взвод пытался было атаковать мотоциклистов, но, потеряв половину состава, повернул коней. Однако уйти немцам не удалось. Мотоциклисты бросились вдогонку, сбивая меткими выстрелами вражеских всадников или захватывая их в плен.

Очистив город, мотоциклисты устремились дальше, оседлали дорогу и заставили немцев бросить крупный обоз. Затем, пользуясь замешательством врага, выскочили к перепра-

ве, разогнали охранявших ее солдат, переправу захватили и удерживали до подхода подкрепления.

Позже пленные гитлеровцы говорили, что, по их представлению, в тыл прорвался по меньшей мере советский батальон — такой паники нагнали на них мотоциклисты Белана.

Орденом Отечественной войны II степени был отмечен этот подвиг Белана.

Памятным для мотоциклистов был день 13 сентября 1944 года. Накануне была форсирована Висла, освобождены первые польские города. Наступил перерыв между боями. Стало известно, что в часть прибудет командир корпуса и вручит отличившимся в сражениях воинам правительственные награды. Торжество было назначено на вечер.

Опустились мягкие осенние сумерки. На опушке леса собрались воины. Вместо трибуны — стол под красной скатертью. На нем поблескивают ордена и медали. Комкор вручает награды.

— Старшина Сергей Абрамович Белан.

К столу подходит стройный, плечистый воин с энергичным, обветренным лицом.

— За боевые дела награжден орденом Отечественной войны II степени, — сказал генерал, вручая Белану награду.

— Служу Советскому Союзу! — ответил старшина.

Вручение наград продолжалось. Но вот к генералу с листом бумаги в руках торопливо подошел телефонист.

— Позже, позже... — отстранил его генерал.

— Срочная... Из штаба корпуса...

Генерал взял телефонограмму. Быстро пробежал ее глазами. Улыбнулся. Повернувшись лицом к застывшему в напряженной тишине строю, начал читать:

«Указ Президиума Верховного Совета СССР. Присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда старшему сержанту Белану Сергею Абрамовичу...»

Раздалось громкое «ура». Боевые товарищи сердечно поздравляли Сергея — первого Героя Советского Союза в мотоциклетном батальоне.

...А затем снова бои. Снова налеты на тылы противника, разведка его сил, захват контрольных пленных. Белан по-прежнему расчетлив и дерзок в бою.

Белана вызывают за получением высокой награды и сразу направляют в офицерскую школу. Просьбы старшины вернуть его в часть во внимание приняты не были.

...Белан отпраздновал День Победы, окончил офицерскую школу. Служить бы да служить, но стало подводить здоровье. Сказались фронтовые ранения. Пришлось Сергею Белану увольняться в запас. Но он и здесь остался верен себе. Избрал нелегкую, но почетную профессию полярника, прошел специальную подготовку и пошел выполнять приказ Родины на один из самых опасных участков переднего края мирного фронта.

Неспокойный характер у этого простого советского человека, героя из горного села Маруха.

Александр Борисович
КАЗАЕВ

ТАКОЙ И ДОЛЖНА БЫТЬ ЖИЗНЬ

Он скромн, приветлив и прост. Собеседника выслушивает внимательно, отвечает немногословно, но исчерпывающе. Если речь заходит о боевых делах, полковник Александр Борисович Казаев незаметно переводит беседу на анализ операций, причин их успеха или неудач.

Его память хранит сотни событий и имен. Операции и боевые эпизоды он обрисовывает детально, со многими подробностями.

Настоящий офицер на подготовку и проведение боя тратит столько моральных и физических сил, что ход боя, его успехи и неудачи врезаются в память, словно письма в камень. Это в равной степени относится и к командиру взвода и к командующему фронтом. Разница только в масштабах боевых операций и их деталей: то, что, скажем, для командира взвода или роты явилось существом боя, для старшего начальника будет более или менее важной частью, а иногда только штрихом операции.

Боевое крещение Казаев получил под Одессой 14 августа 1941 года. Молодой лейтенант уже тогда командовал мощной боевой единицей — отдельной ротой противовоздушной обороны, имевшей на вооружении 16 счетверенных пулеметных установок.

Обороняя Одессу, рота лейтенанта Казаева не выходила из боя. Она сбила 2, подбила 3 вражеских самолета и уничтожила около 350 фашистских захватчиков.

Пулеметные установки находились на передней линии обо-

роны. Нередко, оставшись без пехотного прикрытия, рота губительным огнем своих 64 пулеметов останавливала яростные атаки врага, наносила им тяжелые потери, а затем шла врукопашную.

В октябре 1941 года рота Казаева была переброшена в Крым и заняла оборону в районе населенного пункта Чичир вблизи Джанкоя.

На полевых десятиверстках Крыма в районе Чичир, на стыке двух дорог отмечена высота 64,8. Казаев получил приказ: укрепиться вокруг этой высоты и удерживать стык дорог, используя свои шестнадцать установок как пулеметы кинжального действия для ведения огня прямой наводкой.

20 октября немецкая артиллерия обрушила на позиции роты ураганный огонь. По высоте нанесли удар пикирующей бомбардировщики. И еще не рассеялась пыль и пороховой дым, как немецкая пехота густыми цепями двинулась на высоту. Не считаясь с потерями, пользуясь своим численным превосходством, гитлеровцы смяли на нескольких участках подразделения, прикрывающие подступы к высоте. Когда до узла обороны роты оставалось около 50 метров и немцы, считая высоту уже захваченной, пошли в полный рост, по ним ударили пулеметы Казаева. Бой был коротким. Около четырехсот немцев было убито, 50 взято в плен, разрозненные остатки бежали.

Используя передышку, Казаев отправился на НП командира полка, который был расположен в 300—400 метрах позади, за гребнем высоты, но на вызовы не отвечал и связных не присылал. Командир полка перестал руководить боем. Это было непонятно, и Казаев решил выяснить, в чем дело.

То, что он увидел на НП, заставило его содрогнуться. Наблюдательного пункта не было. На его месте зияла огромная воронка, в которой части человеческих тел были перемешаны с раздробленными бревнами и землей. В живых остались только радист и ординарец командира полка, которые находились в отдельном окопе и были оглушены и засыпаны землей.

Старший лейтенант Казаев, как и велют воинские уставы, принял командование на себя. Он вызвал отделение своих солдат, приказал откопать и оказать первую помощь раненым, принял меры к восстановлению нарушенной связи, отправил пленных немцев в тыл с коротким донесением начальнику штаба полка.

Гитлеровцы еще дважды превосходящими силами поднима-

лись в атаку и оба раза были отброшены. Потеряв большое число солдат, они утихомирились.

Наступил полдень. Высота стояла неприступной крепостью. Подступы к ней были усеяны трупами немцев.

На высоту прибыл новый командир полка майор Петров. Он дал Казаеву в подкрепление взвод противотанковых пушек и сообщил обстановку. Утешительного было мало. Хотя фашисты выдохлись и атаки прекратили, им удалось нанести полку тяжелые потери и окружить первый стрелковый батальон, который продолжал тяжелые бои, стойко удерживая свои позиции. Ночью командир полка намеревался ввести в бой резервы, чтобы помочь первому батальону выйти из окружения.

Вечерело. С лиманов Крымского перешейка пополз густой туман. Казаев собрал командиров взводов, разъяснил им задачу и принял меры к предотвращению неожиданного нападения: впереди каждой пулеметной установки было выставлено боевое охранение, в интервалах между позициями взводов установлено патрулирование.

Ночь, сверх ожидания, прошла спокойно. Гитлеровцы подтягивали силы.

Наступил рассвет. Туман не рассеивался. Казаев стал вызывать штаб полка, чтобы доложить обстановку. Штаб молчал.

Старший лейтенант направил в штаб командира стрелковой роты Маслова. Тот, возвратившись, сообщил, что штаба на прежнем месте нет. Вскоре радист принял телеграмму начальника штаба полка капитана Козырева с приказом отходить и сообщением, что под прикрытием тумана подразделения полка, в их числе и вырвавшийся из окружения батальон, отошли и закрепляются на новых позициях в 12 километрах южнее.

Гитлеровцы двумя большими колоннами обходили высоту, двигаясь на юг. Они считали, что высота оставлена советскими войсками, и двигались без бокового охранения. Когда их колонны подошли на 150—200 метров, над высотой взвилась красная ракета. Огненный шквал внезапно обрушился на фашистов. По их рядам прошла коса. Бой длился менее десяти минут. Потеряв около 500 солдат и офицеров, ошеломленные гитлеровцы бросились назад.

Над высотой взвились две ракеты: красная и зеленая — сигнал отхода. Все установки быстро вышли из своих аппарелей, построились ромбом и, имея в центре противотанковые пушки, пошли на юг.

К полудню отряд Казаева вышел в распоряжение полка. Его потери составили две подбитых установки, одну автомашину, трое убитых и шестеро раненых.

В числе раненых был и Казаев. Он крепился до последнего. Когда до своих оставалось около километра, силы изменили старшему лейтенанту, и от большой потери крови он лишился сознания.

Пришел в себя Александр Казаев уже в медсанбате дивизии. Над ним склонились врач и комиссар дивизии Романов.

— Молчи и слушай, — сказал комиссар. — Ты молодец! Ты спас свой полк, дал четыре лишних часа дивизии на подготовку обороны. Ты выиграл время. Благодарю от лица службы!

Комиссар поцеловал старшего лейтенанта и одел ему на руку свои часы.

...Рана оказалась тяжелой. Начались переезды из госпиталя в госпиталь, все дальше в тыл. Джанкой, Краснодар, Пятигорск. Лечение затянулось почти на полгода. О многом передумал молодой офицер в эти бесконечные госпитальные дни и ночи, вспомнил и взвесил всю свою жизнь...

...Не случайно Казаев стал военным. Мальчонкой-школьником, а потом будучи студентом, он увлекался спортом и военным делом, научился хорошо стрелять, сдал нормы на значки меткого стрелка и ГТО II степени, стал парашютистом. В Сухумском субтропическом техникуме все годы учебы он был председателем добровольного общества «Осоавиахим», являлся запевалой оборонно-массовой работы.

Военное училище Казаев окончил по первому разряду, с отличием, в сентябре 1939 года. Через год молодой лейтенант, в поощрение за хорошую службу, направляется на курсы усовершенствования и, вернувшись оттуда, опять-таки с отличной характеристикой, принимает отдельную зенитно-пулеметную роту. Было ему тогда неполных двадцать два года. Рота по организованности, боевой выучке считалась лучшей в дивизии и в боях под Одессой и в Крыму подтвердила свою добрую славу.

Солдаты-зенитчики не забывали своего командира. От них приходили письма с пожеланием быстрее возвращаться в часть. Прислал письмо и комиссар Романов. Он также желал быстрее выздоровления и сообщал, что рота Казаева ждет своего командира.

Но военная обстановка с желаниями людей не считается. В феврале 1942 года старший лейтенант Казаев принял зенит-

но-пулеметную роту, только не в своем полку, а в воздушно-десантной бригаде.

Вскоре молодого офицера-фронтовика перевели в разведку.

В один из августовских дней 1942 года Александр Казаев явился по вызову к начальнику штаба 11 гвардейского стрелкового корпуса полковнику Глonti. Тот провел его к командир-у корпуса генерал-майору Коротееву. Генерал изучал карту Северного Кавказа с нанесенной на ней военной обстановкой. Казаев обратил внимание, что на карте в треугольнике городов Пятигорск — Прохладный — Прикумск обозначено скопление гитлеровских танковых войск и поставлен жирный вопросительный знак.

Генерал перехватил взгляд Казаева и задал вопрос:

— Ну и что же хорошего вы видите на карте, товарищ старший лейтенант?

— Хорошего мало, — неторопливо ответил Казаев, — немцы сосредоточили танковую группировку на основных дорогах, ведущих на Нальчик, Грозный. Куда, когда, какими силами они двинутся — неизвестно.

Командир корпуса и начальник штаба переглянулись. Генерал кивнул головой:

— Вот именно. Вам и поручается все это выяснить.

...Ночью советский самолет пересек линию фронта, прох-одившую по реке Терек, имея на борту группу разведчиков старшего лейтенанта Казаева. Кроме его самого, в ней были младший лейтенант Никитин, старшина Глушков, сержанты Дроздов, Петрусенко, Циклаури и седьмой в форме рядового, которого полковник Глonti перед отлетом представил Казаеву просто по имени:

— Это Иван. Так его и зови. Он в совершенстве владеет немецким языком, в тылу у фашистов бывал десятки раз. Испытанный и храбрый воин. Другие подробности можешь спросить у самого Ивана. Все равно он ничего не скажет...

В районе Прикумска самолет снизился, и к земле понеслись семь парашютистов.

Небо затянули облака. Дул порывистый ветер. Парашютистов разбросало в разные стороны, но они быстро собрались в условленном месте и двинулись к развилке дорог южнее Прикумска. В пути застал рассвет. Разведчики укрылись в овраге.

Под вечер младший лейтенант Никитин вместе с Иваном ушли на разведку к развилке дорог. Когда совсем стемнело, они возвратились и сообщили, что на развилке немцами уста-

новлен шлагбаум, он охраняется тремя солдатами, неподалеку находятся два автовагона, к одному из них подведены провода, над крышей — антенна. Вокруг автовагонов и около шлагбаума окопы. Вплотную к дорогам подходят неубранные пшеничные поля. В них удобно маскироваться. Движение по дорогам большое. К линии фронта идут колонны танков и мотопехоты.

Казаев повел группу к развилке дорог. Вот и она. На пшеничном поле разведчики устраивают себе щели и тщательно маскируют их. Все делается молча — рядом немцы. Старшина Глушков и Иван лежат в придорожном кювете и ведут наблюдение: нужно установить, что и куда идет, нужно выяснить порядок работы немецкого контрольно-пропускного пункта.

Под утро наблюдатели оставили свои посты, установив, что на Моздок прошел полк мотопехоты, легкий понтонный парк на 280 автомашинах, три дивизиона 105-мм пушек. В сторону Прохладного проследовало около батальона мотопехоты и 60 мотоциклистов с пулеметчиками и автоматчиками в колясках. Регулировщики меняются через каждые три часа и дежурят по трое.

Иван из подслушанных разговоров выяснил: колонны имеют приказ к месту назначения прибыть к 4 часам утра, днем движение категорически запрещено.

Составив короткое зашифрованное донесение, Казаев приказал радисту с двумя сопровождающими отойти на место дневки и связаться со штабом корпуса.

На контрольно-пропускном пункте было 15 немцев во главе с оберлейтенантом. В полдень оберлейтенант с пятью солдатами уехал на мотоциклах в сторону Прикумска. Оставшиеся почуствовали себя вольготней. Все, кроме постовых, разделись и легли загорать.

Александр Казаев решил действовать.

С наступлением темноты разведчики ползком двинулись к шлагбауму. Младший лейтенант Никитин, старшина Глушков и Иван бесшумно сняли регулировщиков, переоделись в немецкую форму и заняли посты немцев. Сержанты Дроздов и Циклаури кинжалами уничтожили гитлеровцев в первом автовагоне, вывели из строя радию и телефон. Казаев с противотанковой гранатой в руках наблюдал за вторым автовагоном.

...К шлагбауму подходит легковая автомашина. В ней немецкий подполковник, оберлейтенант и три солдата. Иван подходит к автомашине, отдает честь и требует для проверки документы. Светловолосый и светлоглазый, с отличным бер-

линским произношением, Иван выглядит типичным немцем. Гитлеровцы, ничего не подозревая, ведут с ним беседу.

Просмотрев документы, Иван подходит к дежурящему у шлагбаума младшему лейтенанту Никитину и тихо говорит: — Нужно уничтожить...

Никитин и Глушков вскидывают автоматы и длинными очередями бьют по автомашине, гремят два взрыва. Это Казаев и Дроздов подорвали противотанковыми гранатами автовагоны.

Забрав у немцев документы, разведчики быстро уходят в камыши у реки Кумы и дальше к манычским плавням. В полдень они останавливаются на островке. Казаев с помощью Ивана начинает разбираться в захваченных документах. Убитый подполковник оказался командиром тяжелого понтонно-мостового батальона из резерва I танковой армии. В его портфеле ряд карт, на одной из них полностью нанесена группировка немецких войск и указано, в каких местах, когда и для кого батальон должен наводить переправы через Терек. Этой карте нет цены. Важны и другие документы.

Казаев коротко сообщает в штаб наиболее важные данные и начинает поиски посадочной площадки для самолета. Площадка найдена, связи сухого камыша для ее обозначения кострами ночью подготовлены. Два самолета ночью один за другим приземляются и забирают разведчиков.

Казаев, Никитин, Иван и Глушков за эту операцию были награждены орденами Красной Звезды, остальные — медалями «За отвагу».

Через две недели, поздравляя Казаева с присвоением звания капитана, полковник Глonti сообщил ему о новом назначении:

— Создается, — сказал он, — механизированный отряд разведки и преследования противника. Получишь дополнительно минометную роту и пушечный артиллерийский дивизион на мехтяге. Людей сажай в бронетранспортеры. Пойдешь по немецким тылам. Формируй свой отряд.

Вскоре отряд Казаева получил боевую задачу и начал разведку перед фронтом корпуса, а в первых числах января 1943 года, после прорыва вражеской обороны, пошел в тыл немцев, преследуя и громя их отходящие части, уничтожая гарнизоны, штабы и узлы связи. Его удары были неожиданными и стремительными. Отряд, насчитывавший более трехсот человек, имел большую подвижность и сильную огневую мощь.

В Кабардино-Балкарии, под Кызбуруном, гитлеровцы попытались отразить атаку отряда. Завязался бой. Казаев ввел в действие минометы, пушки и выбил немцев из аула. Часть гитлеровцев успела проскочить в аул Куба-Таба. В этом ауле, прикрывавшем подступы к Пятигорску, находился большой гарнизон.

Штурмуя аул, Казаев применил свой излюбленный маневр: ночной обход укрепленного пункта и атаку с тыла.

— Мы прошли через аул, не встретив сопротивления, — вспоминает Казаев. — Часовые были сняты, немцы спокойно спали в домах. Часть их мы взяли прямо в постелях. Но вспыхнула перестрелка, и гитлеровцы стали выскакивать на улицы. На перекрестках стояли наши бронетранспортеры, пушки. К утру все было кончено. Немецкий гарнизон перестал существовать. Потери отряда — три раненых солдата.

Отряд двинулся в сторону Пятигорска и южнее озера Тамбукан сделал засаду у дороги.

Было туманное январское утро. Разведка донесла: идет колонна танков, около 40 машин.

— Пропустить, — приказал Казаев.

Танки ушли. Часа через три разведка снова донесла:

— По дороге в сторону Пятигорска движется колонна на санях. Солдаты одеты в серую форму, в кепках с козырьком. Численность 300—350 человек. Похоже — батальон альпийской дивизии «Эдельвейс».

Старший лейтенант Михалев, командовавший разведкой (два бронетранспортера с двумя взводами автоматчиков), пропустил немцев, а затем пристроились в хвост колонны. Бронетранспортеры были немецкие, и гитлеровцы не обратили на них внимания.

Эдельвейсовцы ехали с песнями, шутками и не ждали беды. Неожиданно из балки вышло более двадцати бронетранспортеров, перегородили дорогу, окружили колонну.

Боя не было. Немцы сдались без единого выстрела. Отряд вместе с пленными ушел в балку.

О пленных и обстановке по радио сообщили в штаб корпуса, допросом пленным и по изъятым у командира батальона — майора дивизии «Эдельвейс» — документам было установлено, что этот альпийский батальон шел на Пятигорск, имея задачу на подступах к городу создать оборонительный рубеж и удерживать его, ожидая подхода других частей.

Из штаба корпуса прибыл майор Шевченко. Он привез приказ отряду ворваться в Пятигорск и оборонять его до под-

хода главных сил. Пленных под охраной двух бронетранспортеров приказано было отправить в штаб корпуса.

На полном ходу бронетранспортеры и автомашины отряда Казаева ворвались в Пятигорск. В городе в это время находились, главным образом, румынские части, сопротивления они не оказали. Румынские солдаты складывали оружие в штабеля и направлялись к вокзалу, где был пункт сбора военнопленных.

Автоматчики Казаева окружили здание гостиницы «Машук», в котором располагалось управление гестапо по Северному Кавказу, укрепились на Провале, заняли мосты и другие важные пункты. Немцы заминировали и готовились взорвать вокзал, театр, почти все санатории, жилые дома. Были уже установлены и электровзрыватели. Оставалось только включить ток.

В городе срочно проводилось разминирование. Было обезврежено около пяти тонн взрывчатки.

Бой шел только у гостиницы «Машук». Это был бой на уничтожение. Сдаться гестаповцы отказались. В здании начался пожар. Стали раздаваться взрывы. Гестаповцы были уничтожены.

11 января в Пятигорск вошли части нашего гвардейского стрелкового корпуса. Отряд Казаева получил новую боевую задачу: выбить внезапным ударом гитлеровцев из совхоза имени Карла Маркса под Железноводском, спасти совхоз от разграбления, а советских людей, согнанных туда — от истребления и угона в рабство.

Одновременно нужно было захватить мост через реку, удерживать его и обеспечить тем самым дальнейшее продвижение основных сил корпуса на Минеральные Воды и Невинномысск. Мост немцы подготовили к взрыву и при малейшей опасности могли его уничтожить.

Ночь выдалась темная, пасмурная. Вражеские часовые были сняты без выстрела. Из немецкого гарнизона уцелели только те, кто сдался в плен.

Правда, еще до боя эсесовцы угнали совхозный скот, но передовая группа отряда Казаева под командованием старшего лейтенанта Юсупа Кушетерова настигла гитлеровских «пастухов», заставила их сложить оружие и вместе со скотом пригнала в совхоз.

— 2 500 коров и 50 гитлеровцев доставил в целости,— доложил Кушетеров, весельчак, любитель шутки и острого словца.

— Доставил—значит, надо поить и кормить,—ответил Казаев.— Слышишь—ревут, пить просят. И дойку организовать надо.

— Есть поить, кормить и доить!— козырнул Кушетеров.

Под вечер отряд Казаева снова пошел вперед.

Железноводск, Невинномысск, Армавир, Крпоткин — в эти города отряд Казаева врвался первым.

В боях за освобождение Северного Кавказа механизированный отряд Казаева взял в плен около 2 тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожил свыше десяти немецких гарнизонов, захватил огромные трофеи, спас от угона в рабство и истребления десятки тысяч советских людей, сберег от уничтожения фашистскими варварами много населенных пунктов.

Немцы считали, что в их тылы прорвалась крупная механизированная часть, пытались уничтожить ее, выделив для этого значительные силы. Но небольшой отряд Казаева был неуловим.

В мае 1943 года он вышел к станице Крымской Краснодарского края и остановился перед сильно укрепленной оборонительной полосой немцев. Это была так называемая «голубая линия».

Надобность в подвижном механизированном отряде отпала и он был расформирован. Личный состав пошел на пополнение 2 гвардейской стрелковой дивизии, освобождавшей Черкесск, технику передали танкистам и артиллеристам, сам капитан Казаев, сдав дела, явился в штаб, получил из рук командира корпуса орден Красной Звезды и назначение начальником разведки 32 гвардейской стрелковой дивизии.

Все лето Казаев со своими разведчиками не знал ни сна, ни отдыха. Несколько раз они проводили разведку боем, по два-три раза в неделю проникали через «голубую линию» и возвращались с «языками»; с нейтральной полосы, из траншей пехотинцев вели наблюдение за противником.

Был такой случай. Августовской ночью разведчики проникли в тыл немцев.

Группа захвата выполнила задачу и собиралась в обратную дорогу. «Язык»—немецкий связист с кляпом во рту—лежал на земле. Но неожиданно послышались голоса, вспыхнул фонарик в десятке шагов от притаившихся разведчиков, разговаривая, прошли три немецких офицера. Недалеко оказался блиндаж, и немцы нырнули под землю.

Казаев приказал разведчикам ждать, а сам, взяв гранаты, пошел к блиндажу.

Прошло около часа. Разведчики начали уже беспокоиться, но раздался два глухих взрыва, вздрогнула земля, а вскоре появился и Казаев с сумками через плечо и папками в руках.

— Ждал, когда закроют двери, чтобы взрывы были глуше,— объяснил он.— Гранаты бросал в трубу. Штаб роты связи попался. Документы пригодятся.

Документы оказались действительно ценными.

В сентябре капитан Казаев участвовал в штурме «голубой линии», а после ее прорыва — в боях за Тамань.

На груди отважного офицера засверкал орден Отечественной войны, на плечи легли погоны майора, а этому майору было тогда неполных двадцать четыре года.

За Таманью — Керчь. 25 октября 1943 года майор Казаев руководил рейдом разведчиков на Крымское побережье. В ночь на 3 ноября он участвовал в форсировании Керченского пролива и штурме немецких укреплений на побережье.

При попытке расширить захваченный плацдарм и новой высадке бронекатер с группой Казаева наскочил на мину.

Моряки подобрали офицера. Он был без сознания и чудом удерживался на обломках корабля. Врачам потребовался месяц, пока они поставили Казаева на ноги.

А 14 декабря в бою на Керченском полуострове Казаев вновь был тяжело ранен. В этом бою, рассказывает старший лейтенант Юсуп Куштеров, его и Казаева ранило одним снарядом — Казаева в бедро, Куштерова в плечо и руку.

— Мы наблюдали за ходом боя с высоты. Наши подразделения имитировали атаку, чтобы вызвать огонь всех средств противника, вывить и засечь вражескую систему огня. Немцы обнаружили нас и начали обстреливать из пушки. Александр наблюдал, наносил огневые точки немцев на карту и предупреждал меня после выстрелов: «Это не наш, работай... Это тоже не наш... Наш! Ложись!» Несколько раз нас встряхивало взрывной волной, но обходилось. Мы уже заканчивали нанесение обстановки, и тут немцы ударили залпом нескольких пушек. Александр крикнул: «Ложись!» Но было уже поздно: рядом разорвался снаряд и осколки настигли нас, когда мы падали.

Разведчики отнесли раненых в блиндаж, уложили на нары. Положение их было тяжелое. У Казаева отнялись обе ноги, рана кровоточила, у Куштерова была перебита рука и раздроблено плечо. Немцы начали артналет, об отправке раненых в тыл нечего было и думать. Но Казаев сохранял спокойствие и самообладание.

— Старшему лейтенанту надо на руку лубок наложить — приказал Казаев разведчику Глушкову. Тот растерялся. Действительно, где найти лубок?

— Тащи из-под меня доску, коли ее на лучины, обкладывай ими раненую руку и бинтуй, — советовал Казаев, — да быстрее. На бинты сними нижнюю рубашку... Не так, лучинки укладывай чаще, одна к другой, затягивай покрепче. Выдержит, если хочет две руки иметь.

Куштеров действительно выдержал и остался с рукой. Правда, он стал инвалидом и на фронт после госпиталя уже не попал. А Казаев в апреле 1944 года докладывал командиру своей гвардейской краснознаменной дивизии о том, что прибыл для прохождения дальнейшей службы.

— Живуч ты, майор, живуч, — одобрительно потрепал по плечу Казаева командир дивизии. — Иди на старую должность.

Казаев участвовал в штурме Сапун-горы, в освобождении Севастополя, с двумя разведгруппами, снабженными рациями, проник в боевые порядки отступающих немцев и сопровождал их до мыса Херсонеса, где остатки крымской группировки гитлеровцев капитулировали.

По рации Казаев из боевых порядков немцев корректировал огонь нашей артиллерии, указывал цели авиации, сообщал штабу обо всем, что происходит у немцев на переднем крае и в тылу. При ликвидации окруженной группировки разведчики взяли около 2 тысяч пленных.

Орденом Боевого Красного Знамени отметило командование майора Казаева за бесстрашие и умелое руководство разведкой в этих сражениях.

Товарищи, имея в виду его отступление вместе с немцами, шутили:

— Ну, какво под нашими снарядами сидеть?

— Под снарядами ничего. Меня и вражеские на смерть не бьют, а вот бегать с немцами тяжело. Уж очень они напрактиковались в этом деле, — шуткой на шутку отвечал Казаев.

После Крыма — Прибалтика. Здесь гитлеровцы имели около 50 пехотных, танковых и моторизованных дивизий, объединенных в группу армий «Север», и готовились в конце 1944 года предпринять наступление.

Майор Казаев получил приказ срочно с шестью разведгруппами перейти линию фронта и, углубившись на 150—170 километров в тыл противника, организовать наблюдение за

переброской гитлеровских войск и сбор другой необходимой штабу фронта информации.

Разведчики перешли линию фронта в легких водолазных костюмах по каналу. Первой их добычей в немецком тылу оказался командир разведывательного батальона дивизии «Великая Германия». Карты и документы, изъятые у него, явились для разведчиков настоящим сокровищем.

В ответ на свое радиодонесение Казаев получил вместе с благодарностью категорический приказ выполнять поставленную задачу с максимальной осторожностью, не ввязываясь ни в какие стычки с немцами и не трогая их штабы.

Целый месяц разведчики Казаева бесшумно действовали в тылу немцев на границе Восточной Пруссии.

В немецких частях, едущих и идущих по дорогам юго-западнее Юрбурга, было в этот месяц необычно много «отставших» от своих подразделений солдат и офицеров. Гитлеровские генералы списывали эти потери за счет упадка «арийского духа». Они не предполагали, что в их тылу хозяйничает большая группа советских разведчиков, кинжалы которых разят бесшумно и беспощадно.

Получив приказ возвращаться, Казаев благополучно провел своих разведчиков через передний край противника, за всю операцию не потеряв ни одного человека. Командующий фронтом генерал Баграмян высоко оценил храбрость разведчиков. Все они были награждены. Александр Казаев получил второй орден Боевого Красного Знамени.

Битва за Прибалтику длилась около четырех месяцев. Во второй половине октября 1944 года, отрезанная с юга войсками I Прибалтийского фронта, немецкая группа армий «Север», отступая, была загнана на Курляндский полуостров и зажата между Тукумсом и Либавой. Потеряв свое стратегическое значение, она уже не оказывала существенного влияния на ход военных действий и в мае 1945 года капитулировала.

В марте 1945 года двадцатипятилетний майор Казаев был назначен командиром стрелкового полка. Это был тот самый I гвардейский стрелковый полк, который в январе 1943 года отличился в боях при освобождении Черкесска.

— Майор Казаев прибыл в ваше распоряжение, — доложил он своему новому начальнику — командиру 2 гвардейской дивизии генерал-майору Максимовичу.

Генерал взгляделся в прибывшего. Молод для командира полка. Ох как молод! Но вся грудь в орденах, да и в штабе

армии хвалили. Слава завидная. Воюет четвертый год. На Северном Кавказе, говорят, города брал. Не закружилась ли от успехов голова? Похоже, нет. Держит себя с достоинством, но скромно. Говорят, не выносит брани, осадил командующего армией, когда тот его отругал. Тоже интересно. Разведчик. Это народ толковый и храбрый. И внешне майор к себе располагает. Кажется, полк получит хорошую голову.

— Садигесь,— прервал затянувшееся молчание генерал.— Вы примете I Севастопольский полк. Задача полка заключается в следующем...

Успешное выполнение боевой задачи во многом зависит от личных качеств командира.

Талант командира... Он включает в себя не только организаторские способности и умение спланировать бой. Бой надо уметь подготовить, выбрать момент и место удара, уметь разгадать замысел врага, уметь обмануть и ошеломить его, иметь железную волю и передать ее всем подчиненным. Многие дают уставы. Но они лишь основа военного искусства, а в каждом искусстве необходимо творчество.

Талант майора Казаева как командира полка ярко проявился при разгроме немецких войск на Земландском полуострове, северо-западнее Кенигсберга.

Представляя Казаева к званию Героя Советского Союза через месяц после того, как тот принял полк, генерал Максимович подчеркивал его умение малыми силами наносить тяжелые потери превосходящим силам противника.

«13 апреля,— говорится в рапорте командира дивизии,— полк Казаева, стремительно следуя за огненным валом артиллерии, прорвал сильно укрепленную оборону немцев в районе Побитен, представляющую систему сплошных траншей, проволочных и минных заграждений, насыщенных большим количеством огневых средств, и, ломая упорное сопротивление немцев, вышел в район высоты 86,4, которую противник заранее превратил в сильно укрепленный опорный пункт и плотным огнем артиллерии и метательных аппаратов не давал возможности продвигаться вперед. Попытки выбить противника с высоты 86,4 оставались безрезультатными и выгодный для противника рубеж являлся препятствием в развитии наступления частей дивизии».

В реляции дальше говорится:

«Тов. Казаев принял дерзкое решение — заблокировать опорный пункт с тыла. Оставив для прикрытия фланга роту, основными силами скрытно от противника он обошел высоту

и внезапной ночной атакой с северо-западной стороны, где противник не ожидал удара, опрокинул все его расчеты и, уничтожив основные огневые точки противника, вынудил остатки гарнизона сдаться в плен. В бою было уничтожено до 40 немцев, взято в плен до 150 вражеских солдат и офицеров и захвачена батарея 75-мм пушек».

Казаев опять с блеском повторил свой испытанный маневр: ночной обход противника и атаку с тыла.

Успех этого маневра в гуще немецких войск решил захват Гермау. Расположенный на высоте, этот городок был сильно укреплён. Немцы взорвали плотину и прикрыли свой левый фланг быстро образовавшимся глубоким озером. Штурм укрепленного пункта в лоб был невозможен.

Казаев нашел выход. Опросы местных жителей помогли установить, что взорванная дамба покрыта водой на 50—60 сантиметров. Разведка подтвердила это. Демонстрируя атаку в лоб и отвлекая внимание гитлеровцев, Казаев повел ночью по затопленной дамбе стрелковый батальон в тыл укрепленному пункту. Шли ощупью по скользкому бетонному гребню плотины. Выручило то, что гитлеровцы ложную атаку приняли всерьез и не предполагали, что озеро глубиной в 3—4 метра можно перейти.

Захватив окраину Гермау, Казаев радировал штабу дивизии:

— Атакуйте с фронта, я ударю с тыла, моих сил для захвата города недостаточно.

Но атака с фронта задержалась. Гитлеровцы подбросили подкрепление, и батальон Казаева оказался отрезанным. Фашисты торжествовали. Но, укрепившись у дороги, связывающей Гермау с тылом немцев, гвардейцы взяли ее под обстрел и прекратили доступ подкреплений и боеприпасов. Получилось, как в известной русской поговорке:

— Иван, я поймал медведя!

— Веди его сюда!

— А он меня не пускает...

Сутки батальон Казаева отбивал яростные атаки. Можно было бы держаться и еще, но кончились продукты, и Казаев принял решение прорываться. Он атаковал высоту недалеко от Гермау и захватил ее. Оказалось, что на высоте был расположен штаб немецкого корпуса, находились склады оружия и боеприпасов. Нашлись пушки и снаряды к ним. Казаев установил орудия и открыл ураганный огонь по немецким укреплениям в Гермау. Солоно пришлось гитлеровцам. Усиленной

ротой они пытались сбить батальон Казаева с высоты, но безуспешно. Под натиском с фронта и тыла Гермау пал.

Только в течение пяти дней боев на Земландском полуострове полк майора Казаева уничтожил до 400 гитлеровцев, свыше 600 немецких солдат взял в плен, захватил два аэродрома с 48 вражескими бомбардировщиками, много других трофеев, овладел 30 населенными пунктами, освободил из гитлеровского рабства более 1 500 советских граждан.

За умелое руководство этими боями, личное мужество и храбрость Александру Казаеву Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 29 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Полк был награжден орденом Александра Невского.

* * *

После войны Александр Борисович Казаев окончил Военную академию, командовал отдельными частями, был на преподавательской работе, служил начальником штаба соединения. В 1949 году ему было присвоено звание подполковника, в 1955 году — полковника.

О его послевоенной службе красноречиво говорят 14 благодарностей и различных премий от ЦК КПСС, Совета Министров СССР, министра обороны, командования соединения. Сорокалетнему полковнику еще служить бы да служить, но дали о себе знать военные годы, ранения, контузия. Пришлось уходить на пенсию.

Тепло проводили его сослуживцы. Командующий армией отдал приказ, в котором отметил долголетнюю и талантливую службу полковника Казаева. Приказ заканчивается словами: «Беззаветное служение народу, верность социалистической Родине и образцовое выполнение воинского долга Героем Советского Союза гвардии полковником Казаевым являются замечательным примером для советских воинов».

Полковник Казаев не теряет связи с армией. В своей части он частый и желанный гость. Вчерашние товарищи по службе охотно советуются с ним, прислушиваются к его мнению. Александр Борисович ведет военно-научную работу, трудится над фронтовыми воспоминаниями. И опять, как и на военной службе, дни заполнены большими делами, творческой работой.

У настоящего человека жизнь и должна быть такой!

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

БЕЛАН СЕРГЕЙ АБРАМОВИЧ

Родился в 1918 году в селе Маруха Зеленчукского района, до призыва работал колхозным табунщиком. Украинец. В Советской Армии с 1939 года. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 года за захват важной переправы через реку Горный Тикиг и умелые действия по разведке войск противника. Награжден орденом Ленина, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями.

После демобилизации работает в одной из полярных экспедиций, член КПСС, офицер запаса.

БОГАТЫРЕВ ХАРУН УМАРОВИЧ

Родился в 1907 году в ауле Джегута Усть-Джегутинского района. Карачаевец, член КПСС. В Советской Армии с 1929 года. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года за умелую организацию форсирования Днепра, захват и закрепление плацдарма. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Александра Невского, Красной Звезды и медалями.

В настоящее время полковник в отставке, пенсионер.

БУТАЕВ ГЕОРГИЙ ДАНИЛОВИЧ

Лейтенант, парторг батальона стрелкового полка. Родился в 1910 году в селе Коста Хетагурова Карачаевского района. Осетин, член КПСС. В Советской Армии с 1942 года. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года

посмертно за форсирование Днепра и закрепление плацдарма на его правом берегу. Ранее был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Пал смертью храбрых в бою 5 октября 1943 года при отражении вражеской контратаки на правом берегу Днепра.

ЕНЖИЕВСКИЙ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1908 году на хуторе Суркуль Курсавского района Русский. В Советской Армии с 1943 года. Призван из села Спарта Карачаево-Черкесской автономной области, где до этого жил и работал механизатором в колхозе имени Кирова. Был наводчиком орудия противотанкового артиллерийского полка.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года за боевые подвиги при прорыве сильно укрепленной полосы обороны гитлеровцев по реке Молочной и за участие в освобождении города Мелитополя. Награжден орденом Ленина, орденом Александра Невского, медалью «За отвагу» и другими медалями. Член КПСС.

После увольнения из армии живет и работает в Карачаево-Черкесии. Младший лейтенант в отставке.

КАЗАЕВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

Родился в 1919 году в селе Коста Хетагурова Карачаевского района. Осетин, член КПСС. В Советской Армии с 1937 года. Был командиром гвардейского стрелкового полка. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года за умелое руководство полком при разгроме Земландской группировки немецких войск. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, тремя орденами Красной Звезды и медалями.

В настоящее время полковник в отставке, пенсионер.

КАРДАНОВ МУРАТ АСХАДОВИЧ

Родился в 1916 году в ауле Вако-Жиле Адыге-Хабльского района. Воспитанник черкесской школы колхозной молодежи. Черкес, член КПСС. В Советской Армии с 1939 года. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 года за отвагу и мужество, проявленные при захвате опорных пунктов гитлеровцев в Южной Карелии и умелое руководство ротой. Награжден орденом Ленина и медалями.

Уволен в запас в звании лейтенанта. Живет и работает в Карачаево-Черкесии.

ЛААР ИОСИФ ИОСИФОВИЧ

Гвардии младший сержант, командир отделения стрелковой роты гвардейского стрелкового полка. Родился в 1905 году в селе Подгорное Курсавского района. Эстонец, кандидат в члены КПСС. В Советской Армии с 1942 года. Призван в армию из города Черкесска. До этого работал на предприятиях Черкесска и Зеленчукского района.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года посмертно за героизм и самоотверженность, проявленные в боях при прорыве сильно укрепленной линии обороны гитлеровцев на Таманском полуострове. Ранее был награжден орденом Красной Звезды.

ЛЕОНОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Гвардии старший сержант, командир отделения отдельной разведывательной роты гвардейской стрелковой дивизии. Родился в 1924 году в Ставропольском крае, русский, член ВЛКСМ. В Советской Армии добровольно с 1941 года, до этого учился в станице Зеленчукской. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года за неоднократные успешные поиски во вражеском тылу, образцовое выполнение боевых заданий командования при форсировании Днепра и развитие боевых успехов на правом берегу этой реки. Ранее был награжден медалью «За отвагу». В октябре 1943 года был тяжело ранен и отправлен в тыловой госпиталь.

Умер от ран.

ЛОБОДИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Подполковник, командир кавалерийского полка. Родился в 1900 году в селе Старая Порубежка Пугачевского района Саратовской области. Русский, член КПСС, в Советской Армии с 1918 года. Накануне Великой Отечественной войны был начальником ряда конных заводов на Северном Кавказе. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1942 года посмертно за отвагу и мужество, проявленные в боях западнее города Ростова-на-Дону в октябре 1941 года. Ранее, за борьбу с басмачеством в Средней Азии был награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Трудового Красного Знамени Гаджикской ССР, а также медалью «20 лет РККА».

Пал смертью храбрых в бою 20 октября 1941 года.

МЕРКУЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

Снайпер, старшина. Родился в 1900 году на хуторе Роцца Невинномысского района, русский, член КПСС. В Советской Армии с 1942 года. Призван Карачаевским военным комиссариатом, до этого работал бурильщиком на шахтах треста «Ставропольуголь».

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 г. за отвагу и мужество, проявленные при трехкратном форсировании Днепра и закреплении плацдармов на его правом берегу. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

В настоящее время персональный пенсионер, живет в городе Карачаевске.

ПАНЧЕНКО ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Сержант, командир взвода автоматчиков. Родился в 1905 году в станице Исправной Преградненского района. Русский, член КПСС. В Советской Армии служил действительную с 1925 года по 1927 год, на фронте — с августа 1941 года.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года посмертно за отвагу и мужество, проявленные в боях при форсировании Днепра и развитии боковых успехов на правом берегу реки. Награжден орденом Ленина и медалями.

Будучи тяжело раненым, погиб при налете гитлеровской авиации на колонну санитарных машин в ноябре 1943 года.

✓ СТАРИКОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Гвардии старший лейтенант, командир звена гвардейского истребительного авиаполка военно-воздушных сил Черноморского флота. Родился в 1921 году в селе Киста Дивненского района. Воспитанник школы-интерната совхоза «Кавказский» Прикубанского района. В 1938 году окончил Черкесский аэроклуб. В Советской Армии с 1939 года.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1944 года за геройские подвиги, совершенные в воздушных боях при форсировании Керченского пролива. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями. Русский, член КПСС.

Погиб 2 октября 1945 года при автомобильной катастрофе.